

Вестник НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ Московского университета

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 13

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

№ 4 • 2016 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Варьяш И.И.</i> Соединить невозможное? Нормы шариата в праве христиан	3
<i>Абидулин А.М., Аюпова Н.И.</i> Анализ факторов возникновения имперской идеологии и практики султана Абдул-Хамида II	18
<i>Бреховских А.А.</i> Политический портрет Нури Саида: основные черты становления государственности в современном Ираке (1921–1932 гг.)	33
<i>Петров И.А.</i> Хайдарабад на стыке эпох: деколонизация Южной Азии и интеграция в Индийский Союз	50

Филология

<i>Зализняк А.А.</i> Конспект арабской грамматики.	62
<i>Фролов Д.В.</i> Картина истории «науки о соответствиях» (<i>ilm al-tuṇāsabāt</i>) в «Бурхан» Бадр ад-Дина аз-Заркаши (ум. 1392) . .	73
<i>Шатохина В.С.</i> Семантическое пространство концепта «человек» как отражение системы ценностей в пословицах и поговорках языка суахили	83
<i>Гудкова Е.А.</i> Семантика глаголов колебательного движения на материале языка хинди	93

Научная жизнь

<i>Громова Н.В.</i> О двух африканистических юбилеях	104
<i>Захарьин Б.А.</i> Две Международные конференции по языку хинди	107
<i>Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» в 2016 г.</i>	111

CONTENTS

History

<i>Variash I.I.</i> Is it possible to connect it? Sharia in the legal system of Christians	3
<i>Abidulin A.M., Aiupova N.I.</i> Analysis of Factors of Imperial Ideology and Practice of the Sultan Abdul Hamid II	18
<i>Brekhovskikh A.A.</i> Nuri al-Said and the State-making Process in Modern Iraq (1921 – 1932)	33
<i>Petrov I.A.</i> Hyderabad at the Crossroads of Epochs: Decolonization of South Asia and Integration into the Indian Union	50

Philology

<i>Zalizniak A.A.</i> Outline of Arabic Grammar	62
<i>Frolov D.V.</i> History of ‘ilm al-munāsabāt as Depicted in the “Burhān” by Badr ad-Dīn az-Zarkashī (d. 1392)	73
<i>Shatokhina V.S.</i> Semantic Space of the Concept «Human» as Reflection of Values Structure in Swahili Proverbs	83
<i>Gudkova E.A.</i> Semantics of Oscillation Verbs in Hindi	93

Scholarly Life

<i>Gromova N.V.</i> Two Africanist Anniversaries	104
<i>Zakharyin B.A.</i> Two International Conferences on Hindi	107
<i>Index of Articles and Other Matter</i> Published in the Journal “The Bulletin of Moscow University. Series 13. Vostokovedenie” in the Year 2016	111

ИСТОРИЯ

И.И. Варьяш

СОЕДИНИТЬ НЕВОЗМОЖНОЕ? НОРМЫ ШАРИАТА В ПРАВЕ ХРИСТИАН

В статье ставятся вопросы о возможности адаптации шариата к политической системе христиан; о способности политико-правового строя латинян включать нормы мусульманского права в судопроизводство королевства и делопроизводство курии. Исследовательской площадкой выбрано одно из королевств Пиренейского полуострова – Арагонская Корона, что объясняется большим количеством проживавшего здесь в классическое Средневековье мусульманского населения и сохранностью информативных источников. Автор доказывает, что мусульманское право не только не отторгалось правом христиан, но присутствовало как естественная часть общего иерархически выстроенного правового пространства королевства.

Ключевые слова: Арагонская Корона, XIV в., шариат, кади, мусульманские общины, королевское право, судопроизводство, обычное право.

The article raises questions connected to the appropriation of the Sharia by Christian political system; the ability of the Latin political and legal system to include the norms of Islamic law into its judicial practice of local courts and of the Royal Curia. The Crown of Aragon was selected for this study because the Muslim population there was numerous, and the informative sources were preserved. The author argues that Islamic law was not rejected by the legal system of Christians. The Sharia was present within the hierarchical legal space of Kingdom as its natural part.

Key words: Crown of Aragon, 14th c., Sharia, qadi, Muslim communities, Crown law, litigation, customary law.

Постановка такого вопроса без сомнения покажется провокационной большинству читателей: возможно ли в разгар Великой Реконкисты говорить о правовом компромиссе, не то, что о взаимодействии, двух антагонистических конфессий и связанных с ними генетически правовых систем?

В то же время этот вопрос настолько звучит современно в мире, до сих пор не нашедшем удовлетворительный ответ на актуальный запрос о выработке общих для европейско-американской и исламской цивилизаций основ правового взаимодействия, что обращение к данной теме совсем не кажется отвлеченной игрой в бисер, а исто-

рический эксперимент Пиренейского полуострова в Средние века приобретает особое значение.

Особое – поскольку, пожалуй, представляет собой единственную убедительную страницу судеб западной христианской культуры, в широком смысле слова, на которой волей истории был начертан многовековой опыт повседневного житейского соседства и взаимодействия с исламом.

Действительно, сегодня хорошо известно, что в ходе Реконкисты в христианских королевствах Пиренейского полуострова сохранялись анклавы мусульманских общин, которые существовали здесь с XI по XV в. С середины XII в. благодаря победам арагонского и барселонского оружия и тем более с началом так называемой Великой Реконкисты в середине XIII столетия их количество, разумеется, резко увеличилось. Тогда же была выработана правовая основа подданства мусульманского (и иудейского) населения христианскому государю и включения иноверного, в том числе и исламского, права в общекоролевское правовое пространство.

Именно благодаря этому мы вправе сегодня ставить вопрос, с одной стороны, о том, знала ли история примеры адаптации шариата к политической системе христиан; а с другой – допускал ли политико-правовой строй латинян включение норм мусульманского права в судопроизводство королевства и делопроизводство курии?

Мусульманские общины, переходя под власть христианских государей, заключали с ними двусторонние соглашения – капитуляции – и прописывали в них положения, согласно которым им обеспечивалось право пользоваться своим правом. Они могли выбирать себе судей, судиться по своим законам, соблюдать нормы шариата во внутриобщинной жизни.

Капитуляции были первыми документами, которые устанавливали, в том числе и правовые, отношения между сарацинами и христианской властью. Тем показательнее, что среди пунктов, по мнению составителей, нуждавшихся в незамедлительном урегулировании, пунктов, которые были призваны образовать фундамент для дальнейшего благополучного сосуществования мусульман и христиан, находились пункты о шариате и шариатских судах.

В дальнейшем права и обязанности сарацин уточнялись, прописывались и санкционировались чаще всего в форме королевских привилегий, пожалований. Важно подчеркнуть, что и на этом этапе развития отношений с короной мусульмане в полном объеме сохраняли свою судебную автономию.

В королевских привилегиях, жаловавшихся мусульманским общинам активно присутствуют и сунна¹, и шариат, и закон, и право сарацин². Арагонские короли на протяжении всего XIV столетия жаловали мусульманскому населению привилегии, в которых среди прочего присутствует и подтверждение права сарацин пользоваться своим законом. Так, в 1306 г., Жауме II (1267–1327) даровал мусульманской общине Кварта привилегию, в которой читаем: «и дабы один мог другому продавать свою землю и в своем завещании распорядиться своим наследством согласно суне сарацин, ваше же сочетание супружеством или браком и разводы могли совершаться согласно суне и закону сарацин, и дабы вы судились согласно суне сарацин вашим кади и старейшинами»³.

Более того, мусульманское право включалось в устойчивые формулы королевских актов, где перечислялись различные виды права, что свидетельствует о принятой и стабильной позиции шариата в королевском делопроизводстве. Например, льейдская община сарацин имела грамоту, в которой было прописано: «привилегии, свободы, иммунитеты, добрые обычаи, фуэро, сунны и обычаи... их (сарацин. — *И. В.*)... жалуюм»⁴.

Тот же принцип находим и в привилегии, пожалованной Пере IV мусульманской общине Эльды (1367 г.): «...настоящим жалуюм, даруем, подтверждаем и утверждаем для вас, названной альхаме и каждому из вас, все и каждую привилегии, свободы, иммунитеты и пожалования, совершенные или пожалованные для вас нами или

¹ В королевских грамотах присутствуют разные варианты передачи данного термина иногда даже в тексте одного документа (çuna, çunna, suna, sunna, assunas, çunya, Çuna, Zunna, Azuna etc.). В настоящей статье автор всегда использует написание сунна — в качестве принятого в русском языке понятия, определяющего мусульманское Предание. В цитатах из источника по возможности сохраняется аутентичное для него написание.

² Подробнее об этом см.: *Варьяш И.И.* Сарацины под властью арагонских королей: Исследование правового пространства XIV в. СПб., 2016. С. 25–45.

³ *Ferrer i Mallol M. T.* La frontera amb l'Islam en el segle XIV: Cristians i sarraïns al País Valencià. Barcelona, 1988. Apèndice documental. № 25: “et quod unus posset alteri vendere hereditatem suam, et in testamento suo hereditatem suam dimittere secundum çunam sarracenorum, casamenta autem sive matrimonia vestra et divorcia possent fieri secundum çunam et legem sarracenorum et iudicarentur secundum çunam sarracenorum per alcaydum vestrum et senes”.

⁴ *Mutgé i Vives J.* L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana. Aproximació a la seva història. Barcelona, 1992. Apèndice documental. № 24: “privilegia, franquitates, immunitates, bonos usus, foros, *assunnas* et consuetudines eorum predictas, laudamus”. Такая «цепочка» источников права очень характерна для королевских дипломов XIV в.

нашими предшественниками, а также добрые обычаи (*usus*), Суну и Шариат по обычаю (*morem*) сарацин...»⁵.

Таким образом, корона признавала за мусульманами право на сохранение шариата и отправление правосудия по его нормам, более того обеспечивала им это право своей санкцией – во всяком случае, на декларативном уровне.

Совсем другой вопрос, действительно ли на практике сарадины могли судиться у кади и придерживаться норм шариата. Впрочем, сегодня историческая наука вполне в состоянии предложить обоснованное суждение и по этому сюжету: доказано, что мусульманское судопроизводство в христианских королевствах существовало⁶, причем как на землях, принадлежавших короне и членам королевской фамилии, так и в сеньориальных владениях, светских и церковных.

Весьма показателен случай, произошедший в 1374 г. в Мурсии на землях, принадлежавших епископу Картахены. Сохранилось две грамоты из архива кафедрального собора Мурсии, которые рассказывают и о трагических событиях, и о последовавшем за ними судебном процессе – с особым вниманием к вопросам процедуры.

Из документов, составленных в курии епископа, известно, что среди мусульман, населявших эту местность – замок Альгуасас и местечко Алькантарилья – было совершено преступление. Сарацин Али Абиса, из замка Альгуасас, убил сарацина Зата Ногалта, из местечка Алькантарилья. Это событие потребовало целого ряда правовых действий, которые следовало организовать и осуществить. Их организацией активно занимались должностные лица епископа, христиане, о чем мы знаем из документов. Можно, кроме того, предположить, что и мусульманские должностные лица не бездействовали, но об их инициативе источник, естественным образом, не распространяется. Известно, однако (и в данном случае это принципиально важная информация), что христиане не только привлекли мусульманских официалов к делу, но и полагали, что без их участия вся процедура не будет иметь законной силы.

Расследованием убийства занимались алькальд замка Абдала Альферед и кади Альгуасас и Алькантарилья Амет Азели. После

⁵ Documentos para la historia del Valle de Elda, 1356–1370 / Ed. J. V. Cabezuolo Pliego. Elda, 1991. № 20: “tenore presentis vobis, dicte aliame et singularibus vestris, omnia et singula privilegia libertates, immunitates atque concessiones per nos seu predecessores nostros quoscumque vobis factas seu concessas necnon bonos usus, Çumam et Xaram iuxta morem sarracenorum laudamus, approbamus, ratificamus et confirmamus...”

⁶ См.: Варьяш И.И. Сарадины под властью арагонских королей.

того, как расследование было закончено, они сообщили об этом викарию епископа Жуану Морисону, который руководил в основном всем процессом и составлял бумаги. Жуан Морисон, получив информацию о том, что расследование завершено, постановил начать судебный процесс. При этом он считал необходимым проводить судебное заседание в присутствии мусульманских должностных лиц и альмошарифа⁷, обязанности которого в тех землях в то время исполнял Фернандо де Мадрид. В составленном по этому случаю документе Жуан Морисон привел ссылки на местные привилегии и королевские грамоты, желая не столько обосновать свое решение, сколько продемонстрировать легитимность процесса, дабы ни у кого на этот счет не возникало сомнений. Али Абиса, который содержался под стражей в Алькантарилье, должен был предстать перед судом, который осуществляли мусульманские судьи согласно сунне и шариату, как указано в грамоте: «пусть... судят названного Али согласно его Суне и Шариату и установленному правом»⁸. Свой суд кади творили в присутствии альмошарифа⁹. Именно таким образом викарий епископа видел расстановку сил на процессе и ни в коем случае не полагал, что официал-христианин будет выносить судебное решение. Фернандо де Мадрид выступал здесь в качестве доверенного лица епископа, в задачи которого входит прежде всего соблюдение сеньориальных прав своего господина.

Али, закованный в цепи, был предан судьям на следующий день после того, как было получено распоряжение начать судебный процесс. Перед нами внутримусульманское дело, которое ведут мусульманские судьи. Но происходит это на землях христианского сеньора, при участии его официалов, что отражается и на процедуре: перед началом процесса, как отмечается в документе, к судьям обратились с речью, просив их творить правосудие по сунне и шариату¹⁰, дабы была исполнена справедливость и другие мавры этих местечек не дерзали совершать подобные убийства и злодейства, а жили бы в мире...

Отправление правосудия по нормам мусульманского права рассматривалось официалами епископа как неперемutable условие

⁷ Альмошариф (от арабск. альмушриф) – казначей.

⁸ Colección de documentos para la historia del Reino de Murcia. Bd. XIII: Documentos del siglo XIV: Archivo de la Catedral de Murcia / Ed. I. García Díaz. Murcia, 1989. № 50: “que los dichos alcaide e alcalde en presenzia del dicho almoraxife juzguen al dicho Ali segund su Zunna e Xara e fallare por derecho”.

⁹ Colección de documentos para la historia del Reino de Murcia. № 50.

¹⁰ Colección de documentos para la historia del Reino de Murcia. № 51: “...que fallasse de derecho et segun su Cunna e Xara manda”.

легитимности процесса и приговора. В традициях средневекового дискурса эта идея была выражена через понятие справедливости, которое тем самым под пером епископского викария приобретает вне конфессиональное звучание.

Далее из документов следует, что алькаид и кади, мавры, в присутствии нотария, альмошарифа и четырех свидетелей-христиан и свидетелей-мавров — по трое из Альгюасас, откуда был убийца, и из Алькантарильи, местечка, где жил погибший, — «прибегли к признанию Али Абисы через клятву, которая была получена от него по его закону, притом, что он стоял лицом на киблу»¹¹. Важно заметить, что христиане не только вместе с мусульманами являются свидетелями принесения клятвы сарацином, не только признают силу и правомерность мусульманской клятвы в суде, но и считают необходимым нотариально зафиксировать ее правомочность: основания для этого приводятся два — клятва была совершена по мусульманскому закону и с соблюдением ориентации на киблу.

Эта информация убеждает в практическом применении шариата среди мусульман, живших на христианских землях; а желание ее сохранить — в том, что христиане воспринимали мусульманское право, по крайней мере, в практическом приложении к нуждам судопроизводства как часть общего правового пространства.

После того, как обвиняемый принес клятву, он отвечал на вопросы судей об обстоятельствах и деталях своего преступления. Али сообщил, «что это правда, что была ночь, когда он убил его и что пил (*questaba beudo*) и через то вино, которое у него было, и убил его»¹². По всей вероятности, употребление вина было расценено судом как отягчающее обстоятельство. В документах это особо никак не было отмечено, но мы можем предполагать, что такой подход имел место, поскольку Али был приговорен к смертной казни. В грамоте указано на то, что согласно сунне и шариату

¹¹ Colección de documentos para la historia del Reino de Murcia. № 51: “los dichos alcaide e alcalde moros, en presencia de mi dicho notario e del dicho Juan Ferrandez almoxarife e de Martin Corbera e de Domingo de Alcorisa e de Gonzalo Martinez e de Guillen Carbonell, christianos; e de Zad Alfered e de Hamet Abenhicum e de Ali Zale, moros del dicho lugar de las Alguazas; et Mahomat Ratal et de Zad Abital et de Mahomat Albital, moros del dicho lugar de Alcatarilla, que fueron llamados por testigos por enantar este fecho, recorrieron de confesion al dicho Ali Abiza sobre jura que de aquel fue rezevida segun su ley, estando aquel de cara en tal alquibla”.

¹² Colección de documentos para la historia del Reino de Murcia. № 51: “dixo... que era verdat que la noche quell matara al dicho Zat quel questaba beudo, e con el vino que tenia lo habia muerto”.

всякому мавру, который убьет другого мавра, должна быть отрублена голова¹³. Это утверждение – как оно зафиксировано в грамоте – не учитывает положения шариата, предусматривавшего выкуп (дийа) вины убийцы, если родственники жертвы даровали ему прощение. Скорее всего, данная фраза представляет собой осмысление приговора по конкретному делу нотарием-христианином, а не ссылку на норму мусульманского права, хотя в тексте выглядит именно как ссылка на общее положение шариата.

В Алькантарилье, впрочем, не нашлось мавра, который бы мог взять на себя такие функции палача, поэтому было решено – «дабы соблюсти право и совершить правосудие»¹⁴ – привести смертный приговор в исполнение, сбросив Али с башни. При казни присутствовали свидетели, мавры и мавританки Алькантарильи. Материалы дела, приговор и обстоятельства его исполнения были оформлены епископским нотарием в документ, заверенный его обычным знаком¹⁵.

Благодаря этому мы знаем, что христиане могли активно присутствовать в судебном пространстве внутри сарацинского дела (викарий, нотариий, альмошариф, свидетели), но их функции сводились к общей санкции процесса, фиксации его материалов и надзору за соблюдением прав сеньора. Расследование, допрос, принятие признания и клятвы, вынесение приговора и приведение приговора в исполнение относились к компетенции мусульманских должностных лиц и совершались в рамках исламской традиции, на чем настаивали и христиане.

Надо отметить, что не только владетельные сеньоры поддерживали шариатские суды в своих землях, но и королевская власть была заинтересована в сохранности шариата среди своих мусульманских подданных. Об этом говорит ее готовность санкционировать деятельность мусульманских судей и поддерживать воспроизводство судебной системы сарацин.

Например, в январе 1338 г. в королевской курии было составлено сразу несколько документов, адресованных мусульманским

¹³ Colección de documentos para la historia del Reino de Murcia. № 51: “et como su Cunna e Xara manda que qualquier moro que matare a otro moro que le cuerten la caveza e muera por ello”.

¹⁴ Colección de documentos para la historia del Reino de Murcia. № 51: “fazer derecho e complir justizia”.

¹⁵ Colección de documentos para la historia del Reino de Murcia. № 49: “Yo Tomas de Monçon, notario publico de çibdat de Murcia e de la Iglesia de Cartagena et en todo su obispado por merçed de mi sennor el Obispo, que esta carta escriui e çerre. Et en testimonio fiz en ella este mio acostumbrado sig (знак) no”; Colección de documentos para la historia del Reino de Murcia. № 51: “Et en testimonio fiz aqui este mi acostumbrado signo”.

общинам королевства Валенсия¹⁶, среди которых можно видеть две грамоты, специально посвященные проблеме преемственности в отправлении должностей мусульманских судей. Одна из этих двух грамот была направлена всем официалам королевства, а другая – главному байлу королевства Валенсия. Хотя оба документа появились на свет благодаря активности мусульман, в ответ на прошение альхам, отразившаяся в них позиция короны свидетельствует о ее стремлении обеспечить сохранность эффективных и законных мусульманских судов.

Сарацины, подданные короля, жаловались, что на должности главного кади и кади местечек нередко назначались невежественные люди, не разбиравшиеся в «сарацинской суне», а от этого страдали и королевские права, и дела сарацин¹⁷. Король предписал призвать тех из сарацин, кто в силу возраста (старых (*antiquis*)) или специальной подготовки знал мусульманское право – «арабскую сунну». Эти люди, в свою очередь, должны были выбрать между собой главного кади, а сами – принять должности кади на местах. Каждый из этих знатоков шариата должен был обладать неким личным подтверждением своей компетентности. Главному байлу королевства Валенсия следовало проверить выбранных кади, и, если по какой-то причине кто-то из них оказался бы недостойн должности, назначить на его место другого, более подходящего и знающего¹⁸.

¹⁶ *Ferrer i Mallol M.T.* Els sarraïns de la Corona Catalano-Aragonesa en el segle XIV: Segregació i discriminació. Barcelona, 1987. Apèndice documental. № 41; *Cartas pueblas de las morerías valencianas y documentación complementaria: 1234–1372* / Ed. M. V. Febrer Romaguera. Zaragoza, 1991. № 168, 169, 171, 172, 173.

¹⁷ *Cartas pueblas de las morerías valencianas y documentación complementaria.* № 170: “Nos Petrus, Dei gratia rex et cetera, attendentes pro parte aliamarum sarracenorum Regni Valentie fuisse nobis humiliter demonstratum quod, cum contigit per nos aut baiulum nostrum Regni Valentie generalem loco nostri imponi seu eligi alcadium maiorem sive alcadios sarracenos in villis vel locis regni predicti, ipse alcadi insufficientes et ignorantes çunam sarracenicam eliguntur inter dum etiam et ponuntur, quorum alcadiorum impericia, iura nostra pereunt et dictorum sarracenorum controversie suscipiunt detrimenta...”; *Cartas pueblas de las morerías valencianas y documentación complementaria.* № 174: «aliqui alcadi in locis dicti regni positi minus sufficientes et prorsus çunam arabicam ignorantes utuntur alcadiatus officiis, nostra pereunt, et questiones seu controversie existentes inter dictos sarracenos suscipiunt detrimenta...»

¹⁸ *Cartas pueblas de las morerías valencianas y documentación complementaria.* № 170: “dicimus statuendum quod... vocatis sarracenis antiquis et sapientibus ac in çuna sarracenorum peritis de locis regni predicti, habita super hoc certificatione veridica ab eisdem de sufficientia personarum...” См. также в развитие сюжета: *Cartas pueblas de las morerías valencianas y documentación complementaria.* № 106: “Aliamis sarracenorum montanearum nostrorum Regni Valentie ultra Xucharum. Cum intellexerimus quod vos cum consilio et assensu baiuli nostri montanearum predictarum consuevistis ponere alaminos in locis ipsarum montanearum, significamus vobis quod placet nobis quod in

Мусульманские суды в королевстве Валенсия, входившем в состав Арагонской Короны и сохранившем после христианского завоевания многочисленное мусульманское население (иногда достигавшее 80 %), должны были оставаться действенной частью судебной системы королевства. Ради этого, государь-христианин считал необходимым заботиться о воспроизводстве «кадров» – специалистов правоведов – и охранять исламскую традицию.

Гораздо более сложный и серьезный вопрос: могли ли нормы шариата признаваться в королевском суде – если мусульманин, подданный арагонского короля, обращался к высшему правосудию. Такое могло произойти, например, в случае апелляции или при нарушении ординарным судьей, кади, права, наконец, просто в силу того, что заявитель предпочитал искать защиты своих интересов в королевской курии.

Изучение королевских документов, составленных в связи с судебными делами сарацин, свидетельствует о том, что мусульмане активно прибегали к аргументации, основывавшейся на нормах шариата, в королевском суде – это было обычной и для власти, и для ее подданных практикой.

Более того, арагонские короли принимали ссылки на сунну и мусульманский закон в качестве правомерных доводов, а королевский суд признавал имеющими силу аргументы по нормам мусульманского права.

Мы легко можем видеть это в документах, вышедших из-под пера королевского писца в связи с делом льеидского сарацина Али Буси (1367–1368), где, кроме прочего, речь шла о расторжении брака мусульманина: заявитель настаивал на том, что развод в мусульманском праве имеет силу только в том случае, если составлены документы о разводе, и король-судия исходил из того, что такие документы должны быть представлены «по праву или сунне сарацин»¹⁹.

Поскольку кади Льеиды не выказал готовности следовать исламским традициям и блюсти королевское распоряжение, а напротив, своей властью пожелал признать брак Али Буси расторгнутым и скрепить новый брак его жены с другим, король Пере IV Церемонный (1336–1387) повелел сместить его с должности. Против бывшего кади было выдвинуто несколько пунктов обвинения: «... кади подпадает под разные уголовные наказания, во-первых, так как преступил

unoquoque loco [dictarum] montaneorum ponatis alaminos predictos cum consensu dicti baiuli nostri...”

¹⁹ *Mutgé i Vives J.* L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana. № 163.

наше повеление, поскольку в соответствии с ним не должен был заключать второй брак, пока не было проведено дознание по первому; во-вторых, так как это было совершено против суны Махомата, которую названный кади должен почитать, каковой предписывается и согласно этой сунне соблюдается, что, если не был совершен развод или расторжение [брака], то от первого брака не уклониться; в-третьих, так как присвоил себе, как говорят, запрещенную власть и был отстранен от должности, которой пользовался; по рассмотрении чего должен быть наказан наитягчайшими карами»²⁰.

Разумеется, самой тяжкой виной кади было его непослушание государю. На втором месте было поставлено попрание мусульманского права. Законопослушность мусульманского подданного, в том числе и должностного лица, включала лояльность христианскому сеньору и преданность своему праву.

В королевской грамоте аргументы Али Буси, ссылки на суну и описание норм исламской традиции превращаются в пункты обвинительной части, органично (хотя и с соблюдением иерархического порядка в праве) встраиваясь в королевское решение, создавая общее для христианской власти и мусульман пространство суда.

Впрочем, признавать правомочной аргументацию подданных-иноверцев совсем не одно и то же, что выносить решение, руководствуясь нормами чужого права. Отсюда, пожалуй, самый острый и трудно разрешимый вопрос, без которого, однако, предложенная читателю проблема останется рассмотренной не полностью, – могли король или другой судья-христианин вынести решение по нормам шариата?

Постановка такого вопроса вовсе не является странной применительно к пиренейскому XIV в., поскольку здесь королевская курия для мусульман становится верховной судебной инстанцией. На протяжении XIV–XVI вв. мусульманские юристы и законоведы, живущие в землях ислама, пишут об обязанности правоверных мусульман покинуть земли христиан, объясняя жесткость своей позиции именно тем, что в противном случае мусульмане вынуждены подчиняться праву христиан, которое не может защитить их

²⁰ *Mutgé i Vives J.* L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjàna. № 163: "in diversis penis criminalibus dictus olim primus alcaldus noscitur incidisse, primo, quia transcendit mandatum nostrum, ex eo quia ad secundum matrimonium procedere non debebat quousque de primo cognitum fuisset; secundo, quia id factum fuit contra cunam Mahometi, quam dictus alcadius colere tenetur, qua pecipitur et iuxta ipsam cunnam observatur quod, nisi facto dicto almobaes sive divorcio, a primo non recedatur matrimonio; tercio, quia sibi met atribuit, ut dicitur, potestatem prohibitam et remotus ab officio, usus fuit illo, quibus inspectis, penis gravissimis est plectendus..."

должным образом²¹. Для сарацин Арагонской Короны христианский государь был не только гарантом соблюдения их прав – в том числе и на собственное судопроизводство – но и верховным судьей.

В то же время вопрос о способности христианского судии выносить решение, исходя из норм шариата, является важнейшим маркером допустимого в правовой европейской парадигме.

Как бы это ни казалось странным сегодня, правоведы и власть в XIV в. и сами задавались подобным вопросом, хотя, конечно, подходили к нему совсем с другой точки зрения. Так, в 1317 г. одному из высокопоставленных королевских официалов в королевстве Валенсия от имени короля Жауме II (1291–1327) было направлено письмо, в котором предписывалось повременить с вынесением судебного решения по делу мавров, обвиненных в укрывательстве проданной в рабство мусульманки. Дело относилось к разряду смешанных – заявителем выступал христианин, хозяин рабыни, ответчиками – мусульмане; соответственно процесс вел королевский судья, отправлявший материалы следствия в курию. Жауме II, объясняя своему официалу причину промедления, выразил мысль предельно ясно: в королевской «канцелярии было сомнение, должны ли обвиняемые мавры судиться по суне или по фуэро»²²? Речь шла, следовательно, о норме, которую нужно было или найти в праве, или создать с тем, чтобы в дальнейшем применять в практике смешанных процессов, отнотившихся к юрисдикции высшей инстанции.

Королевский официал, что весьма симптоматично, отвечая на королевское письмо, не видел необходимости в создании нормы, поскольку, по его мнению, она существовала и даже была юридически закреплена: «... это сомнение, сеньор, уже было прояснено вашим письмом и привилегией, в которой говорится, что, если преступление мавра против христианина, то на мавра должно быть наложено наибольшее наказание из фуэро или из суну»²³.

Сунна приравнивалась тем самым к фуэро и выступала в качестве принятого в христианском суде источника права – при вынесении приговора или судебного решения. По крайней мере, так

²¹ См., например: *Verskin A. Islamic Law and the Crisis of the Reconquista: The Debate on the Status of Muslim Communities in Christendom*. Leiden; Boston, 2015. P. 53–60.

²² *Ferrer i Mallol M. T. La frontera amb l'Islam en el segle XIV*. № 46: "... sie dupte en vostra cancelleria si'ls moros denunciats deuen ésser jutgats per çuna ho per fur..."

²³ *Ferrer i Mallol M. T. La frontera amb l'Islam en el segle XIV*. № 46: "lo qual dupte, senyor, és ja estat declarat per vostra letra e privilegi, en lo qual se conté que, si de cristià a moro és lo crim, que al moro sie enseguida la pena major de fur ho de çuna".

теоретически выглядит юридический сюжет, ставший предметом переписки короля и его официала.

Допускалось ли такое на практике? Насколько широко? Могло ли служить не к устрашению или эксплуатации мусульманского населения, а к защите его прав? Найти в источниках ответы на эти вопросы крайне трудно. В нашем распоряжении есть только королевские грамоты, которые вообще не богаты на упоминания шариата и к тому же очень формализованы.

Последнее обстоятельство мы и попробовали использовать, подбирая методiku для решения поставленной исследовательской задачи. Было решено идти от формуляра документа, который традиционно в это время включал части *expositio* и *sanctio*. В первой из них излагалась суть дела или прошения, во второй – королевское решение или распоряжение.

Часто, однако, не всегда, обе части строились писцом по зеркальному принципу: тогда в королевском распоряжении дословно (или почти дословно) повторялись формулировки из *expositio*. Такие грамоты мало чем могут быть нам полезны, даже если в них обильно присутствуют отсылки к сунне, мусульманскому праву и т.п., поскольку невозможно определить, насколько осознанно – а не в качестве дани правилам делопроизводства – в *sanctio* помещались эти отсылки, явно попадавшие в итоговый документ из прошения мусульман.

Существует другая разновидность королевских актов, в которых упомянутые две части имели отчетливый формальный характер и были лишены какой бы то ни было конкретики. Так, изложив обстоятельства дела, мусульмане-просители могли ограничиться в своей петиции просьбой оказать монаршую милость: “pro parte aliame humiliter supplicatum quod, dignaremur, super hiis, de opportuno remedio providere”. В этом случае королевское решение или постановление часто также не упоминало никаких источников права, тем более что воля короля уже являлась источником права.

Но была и третья категория грамот, в которых *expositio* было составлено формально или коротко, или во всяком случае без упоминаний о нормах шариата, а *sanctio* – неожиданно развернуто, со ссылками на мусульманское право.

Подобная структура хорошо прослеживается в грамоте от 1333 г., которая была составлена в пользу сарацинки Зизы, жены²⁴

²⁴ Вероятно, все же следует понимать, что подразумевается вдова, но писец идентифицирует просительницу по мужу.

Али Абениумема, из Ллейды. Зиза подала в королевскую курию прошение, о котором нам известно из *expositio* акта. Здесь куриальный писец указал, «что эта сарацинка совершила прижизненное дарение всего своего имущества неким своим сыновьям при таком договоре, что они будут ее поддерживать и кормить до тех пор, пока она будет вести жизнь среди людей»²⁵. Но «ее сыновья не заботились и не заботятся о каком-либо соблюдении указанного договора, и не разрешали и не разрешают названной Зизе продать что-либо из указанного имущества, к великому убытку и ущербу названной Зизы» так, что она «пребывает в чрезвычайной бедности и погибает от голода»²⁶.

Перед нами довольно развернутое изложение сути дела со ссылкой на документ, договор о дарении, о котором Зиза считала нужным упомянуть, чтобы подкрепить жалобу письменным доказательством своих прав. То, что речь шла именно о письменном двустороннем соглашении (*pactum*) становится окончательно понятно из распоряжения короля, о чем будет сказано чуть ниже. Сейчас важно отметить, что сарацинка, хотя и действовала вполне в рамках мусульманской традиции, не считала нужным указывать на это в прошении, ей было достаточно привести в качестве основания правомочности своих действий данные о договоре.

Королевское решение, отраженное в *sanctio*, не повторяло формулировок *expositio*: имущество Зизы следовало продать, чтобы на полученные деньги определить Зизе средства на пропитание, а сыновья должны были позаботиться о содержании матери – «в соответствии с соглашением или договором, содержащимся в документе, как по праву и смыслу и согласно арабской суне следует совершать»²⁷.

²⁵ *Mutgé i Vives J.* L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana. № 110: "Supplicis petitionis nobis pro parte Zize, uxoris Ali Abiniumem, [corbelionarii] sarraceni llerde, oblate series continebat quod ipsa sarracena fecit donacionem inter vivos quibusdam eius filii de omnibus bonis suis, sub tali pactu quod providerent sibi ac alimentarent eandem quamdiu vitam duxeret in humanis".

²⁶ *Mutgé i Vives J.* L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana. № 110: "filii sui bona possideant supradicta, pactum predictum non curarunt nec curant aliquatenus observare, ne permisserunt ac permitunt vendi per dictam Zizam aliqua ex bonis predictis, in magnum dicte Zize dispendium et iacturam, propter quod fuit nobis pro parte ipsius Zize humiliter supplicatum quod, cum ipsa nimium paupertate oppressa existat ac fame pereat, dignaremur, super hiis, de opportuno remedio providere".

²⁷ *Mutgé i Vives J.* L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana. № 110: "vobis dicimus et mandamus quatenus, si est ita, dictos eius filios compellatis ad providendum sibi... alias, dictis bonis vendatis et de eorum precio faciatis dicte Zize alimenta prestari, iuxta convenciones seu pacta instrumento dicte donacionis contenta, prout de iure et ratione ac secundum çunam arabicam fuerit faciendum".

Именно в *sanctio* появилось упоминание о сунне как источнике права, на который опирался суд, вынося свое решение. Мусульманское право, в контексте судопроизводства сарацин чаще всего передававшееся в королевских грамотах термином сунна, было вписано в акте 1333 г. в общее правовое пространство, понятное и обычное для всех участников процесса – что в куриальной риторике получило выражение в формуле «по праву и смыслу».

Подводя итоги нашему небольшому исследованию, следует отметить, что в королевских документах XIV в., выходявших из курии Арагонской Короны, в части *sanctio* могли быть сделаны отсылки к мусульманскому праву в целом или к его конкретным нормам.

Этот факт недвусмысленно свидетельствует о том, что королевское право этого времени признавало правомочным ссылки на нормы шариата. Кроме того, оно санкционировало применение норм шариата в судебных делах. Наконец, что особенно интересно, в судебной практике королевской курии выносились решения на основании сунны.

Такая конфигурация правового пространства христиан – с активным присутствием шариата – по всей видимости, объясняется специфической особенностью средневекового права в целом, имевшего в качестве основы обычное право. Европейская правовая парадигма воспринимала мусульманское право как право мусульман, т.е. как право группы, сообщества, части подданных – в качестве категории обычного права.

Подобное восприятие снимало все внутренние возможные противоречия, обеспечивало нужды практического судопроизводства и регулирования социальных отношений. Мусульманское право не только не отторгалось правом христиан, но присутствовало как естественная часть общего иерархически выстроенного правового пространства королевства.

Более того, шариат мыслился как необходимый элемент действующего в королевстве права, обеспечивавшего интересы всех подданных и хранившего справедливость.

Список литературы

1. Cartas pueblas de las morerías valencianas y documentación complementaria: 1234–1372 / Ed. M.V. Febrer Romaguera. Zaragoza: Anúbar, 1991. 471 p.
2. Colección de documentos para la historia del Reino de Murcia. Bd. XIII: Documentos del siglo XIV: Archivo de la Catedral de Murcia / Ed. I. García Díaz. Murcia: Real Academia Alfonso X el Sabio, 1989. XXXVI. 195 p.
3. Documentos para la historia del Valle de Elda: 1356–1370 / Ed. J.V. Cabezuelo Pliego. Elda: Universidad de Alicante; Ayuntamiento de Elda, 1991. 190 p.

4. *Ferrer i Mallol M.T.* Els sarraïns de la Corona Catalano-Aragonesa en el segle XIV: Segregació i discriminació. Barcelona: CSIC, 1987. 427 p.
5. *Ferrer i Mallol M.T.* La frontera amb l'Islam en el segle XIV: Cristians i sarraïns al País Valencià. Barcelona: CSIC, 1988. 533 p.
6. *Mutgé i Vives J.* L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana. Aproximació a la seva història. Barcelona, 1992. 425 p.
7. *Verskin A.* Islamic Law and the Crisis of the Reconquista: The Debate on the Status of Muslim Communities in Christendom. Leiden; Boston: Brill, 2015. 202 p.
8. *Варьяш И.И.* Сарацины под властью арагонских королей: Исследование правового пространства XIV в. СПб.: Евразия, 2016. 389 с.

References

1. *Cabezuelo Pliego J.V.* (Ed.) Documentos para la historia del Valle de Elda: 1356–1370. Elda: Universidad de Alicante; Ayuntamiento de Elda, 1991. 190 p.
2. *Febrer Romaguera M.V.* (Ed.) Cartas pueblas de las morerías valencianas y documentación complementaria: 1234–1372. Zaragoza: Anúbar, 1991. 471 p.
3. *Ferrer i Mallol M.T.* Els sarraïns de la Corona Catalano-Aragonesa en el segle XIV: Segregació i discriminació. Barcelona: CSIC, 1987. 427 p.
4. *Ferrer i Mallol M.T.* La frontera amb l'Islam en el segle XIV: Cristians i sarraïns al País Valencià. Barcelona: CSIC, 1988. 533 p.
5. *García Díaz I.* (Ed.) Colección de documentos para la historia del Reino de Murcia. Bd. XIII: Documentos del siglo XIV: Archivo de la Catedral de Murcia. Murcia: Real Academia Alfonso X el Sabio, 1989. XXXVI. 195 p.
6. *Mutgé i Vives J.* L'aljama sarraïna de Lleida a l'edat mitjana. Aproximació a la seva història. Barcelona, 1992. 425 p.
7. *Verskin A.* Islamic Law and the Crisis of the Reconquista: The Debate on the Status of Muslim Communities in Christendom. Leiden; Boston: Brill, 2015. 202 p.
8. *Variash I.I.* *Saraciny pod vlast' ju aragonskih korolej: Issledovanie pravovogo prostranstva XIV v.* [The Saracens under the Power of Aragonese King: Research of the Legal Space in the 14th c.]. Saint Petersburg: Evrazija, 2016. 389 p. (in Russian)

Сведения об авторе: *Варьяш Ирина Игоревна*, канд. ист. наук, доцент кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: variashi@gmail.com

About the author: *Variash Irina Igorevna*, PhD (history), Associate Professor, department of History of Middle Ages, History Faculty, Moscow State University.
E-mail: variashi@gmail.com

А.М. Абидулин, Н.И. Аюпова

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИМПЕРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКИ СУЛТАНА АБДУЛ-ХАМИДА II

Имперская идеология и практика при Абдул-Хамиде II отмечены возвращением религиозного фактора: возрождением идеи халифата и концепции исламской солидарности. В период правления Абдул-Хамида II «сценарий власти» из светского и космополитического образа империи превратился в национально-религиозный миф. Концепция правления султана поддерживалась и трансформировалась динамическим сочетанием духовных и светских элементов. Идея экстратерриториальности духовной власти стала важнейшим компонентом официальной идеологии панисламизма.

Ключевые слова: Имперская идеология, султан Абдул-Хамид II, Османская империя, концепция правления, Ближний Восток.

Imperial ideology and practice at Abdul Hamid II marked the return of the religious factor: the revival of the Caliphate and the concept of Islamic solidarity. During the reign of Abdul Hamid II "Scenario of power" of the secular and cosmopolitan empire turned into a national-religious myth. Sultan's reign concept maintained and transformed the dynamic combination of the spiritual and secular elements. The idea of extraterritoriality spiritual power has become an essential component of the official ideology of Pan-Islamism.

Key words: Imperial ideology, Sultan Abdul Hamid II of, the Ottoman Empire, the reign of the concept, the Middle East.

Обзор работ, анализирующих возникновение идеологии абдул-хамидовского панисламизма в Османской империи, речь о котором пойдет в данной статье, показывает, что о происхождении и характере этого движения¹ среди исследователей всегда существовали

¹*Behdjet W.B.* Pan-Islamism // *Nineteenth Century*. LXI. 1907. 860–872; *Browne E.G.* Pan-Islamism // *Lectures on the History of the Nineteenth Century* / Ed. F. A. Kirkpatrick. Cambridge at the University Press, 1902. P. 306–330; *Charmes G.* La situation de la Turquie // *Revue des deux mondes*. T. XLVII. 1881. P. 721f, and T. XLIX. 1882. P. 833f; *Kohn H.* History of Nationalism in the East. New York: Harcourt, Brace and co., 1929; *Stoddard L.* New World of Islam. New York: C. Scribner's Sons, 1921; *Vambery A.* Pan-Islamism // *Nineteenth Century*. 1906. Vol. LX. P. 547–558; *Bury W.* Pan-Islam. London: Macmillan, 1919; *Chirol V.* Pan-Islamism // *Proceedings of Central Asian Society*. 1906. Vol. 14; *Lee D.* The Origins of Pan-Islamism // *American Historical Review*. 1942. Vol. XLVII. P. 278.

споры. Причинами этих научных разногласий были языковые сложности, возникавшие при переводе первоисточников, применение учеными различных, а порой прямо противоположных подходов в своих работах. Несмотря на то, что современники событий в политике Османской империи и западных стран на Ближнем Востоке конца XIX и первой половины XX в. и ученые не обращались к текстовому анализу источников, им удалось в своих работах раскрыть теоретический фон этого религиозно-политического движения, хотя и многие факты были изучены не критично. Кроме того, зачастую каждый из авторов подходил к изучению этого движения, исходя из своего видения этой проблемы, и нередко находился под влиянием политических взглядов и идей своего времени.

К настоящему времени в отношении общего характера панисламизма довольно ясно показано, что его окончательной целью была реализация идей исламского единства под руководством духовного лидера исламского мира и мусульманского сообщества – халифа. Все это базировалось на религиозном, а не на расовом или национальном фундаменте, и доказывало тем самым, что государственная идеология не является националистической².

Такие исследователи, как К. Беккер и С. Хюргранье в своих работах отмечали, что идея панисламизма является враждебной исламу, а султан Абдул-Хамид II впервые решил использовать ее в политических целях³. Многие ученые соглашались с этим мнением, полагая, что целью султана было укрепление своей власти через влияние на исламский мир посредством титула халифа⁴.

Однако до сих пор остаются не изученными факторы, заставившие султана использовать панисламизм в политических целях. Часть востоковедов считает, что причиной были решения Берлинского конгресса 1878 г., а другие, например, А. Тойнби, полагали, что процесс оформления этой религиозно-политической доктрины занял целое столетие, начавшись после Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г., окончательно оформился со вступлением султана Абдул-

²Nallino C.A. Notes on the Nature of the «Caliphate» // General and on the Alleged «Ottoman Caliphate». Italy, Press of the Foreign Office, 1919.

³Becker C.H. Panislamismus // Vom Werden und Wesen der islamischen Welt: Islamstudien. Leipzig, 1924–1932. Hb. II. S. 231–251; Hurgonje C.S. Les confreries religieuses, la Mecque, et le Panislamisme // Revue de l'histoire des religions. 1901. T. XLIV. P. 271.

⁴Arnold T.W. The Caliphate. Oxford: Oxford University Press, 1924. P. 173–174; Chirol V. Pan-Islamism // Proceedings of Central Asian Society. Nov. 14. 1906; Chirol V. Downfall of the Ottoman Khilafat // Journal of the Central Asian Society. 1924. Vol. XI. P. 231; Chirol V. The Downfall of the Khalifate // Foreign Affairs. 1924. Vol. 1. №. 3.

Хамида II на османский престол в 1876 г.⁵ Однако такие выводы были сделаны исследователями в основном на анализе европейских источников, оказываясь, таким образом, лишь предварительными заключениями.

Само понятие «панисламизм» имеет, безусловно, европейское происхождение. Как и «панславизм», «панисламизм» появился впервые в 1870-е годы и был популяризован в статьях и книге Г. Шармэ, вышедших в начале 1880 г. Впервые понятие «панисламизм» появилось в работе Франца фон Вернера, опубликованной в 1877 году⁶. Первое появление термина «панисламизм» в английской историографии связано с письмом известного востоковеда и путешественника Арминия Вамбери от 31 декабря 1877 г., изданным в «Дейли Телеграф» 12 января 1878 г.⁷ На основе этого можно заключить, что само религиозно-политическое движение возникло и оформилось концептуально раньше, чем появилось в терминологии европейских языков. Эта оценка вызвала разногласия среди исследователей. К примеру, Е. Браун отмечал, что в восточных языках нет слова, соответствующего этому понятию⁸. Д. Марголиус и индийский офицер на британской службе Ахмед Рафиуддин называли это понятие вымыслом, неким фантомом и европейским изобретением⁹.

Безусловно, употребление понятия «панисламизм» по отношению к известным формам исламского единства или универсальной власти султана–халифа также неверно. «Панисламизмом» можно обозначить реакцию мусульман на воздействие христианского Запада. В то же время распространение идей панисламизма в какой-то мере обязано Западу, точнее научному прогрессу, давшему изобретение средств массовой информации и коммуникаций. Другая проблема – это исследование этой тенденции в контексте культур-

⁵ *Toynbee A.J.* Survey of International Affairs, 1925. Part I. The Islamic World Since the Peace Settlement. Oxford University Press, 1927. P. 32f; *Ali Z.* Islam in the World. Lahore: M. Ashraf, 1947. P. 87; *Lewis B.* The Ottoman Empire in the Mid-Nineteenth Century: A Review // *Middle Eastern Studies*. 1965. Vol. 1. P. 291-294.

⁶ *Werner F. von [Murad Efendi]*. Türkische Skizzen. Leipzig; Dürr, 1877. Hb. 1. S. 95.

⁷ *Vambery A.* England, Turkey and Asia // *Daily Telegraph*. Jan. 12. 1878. P. 3.

⁸ *Blunt W.S.* Future of Islam. London: Kegan Paul, Trench, 1882. P. 79–81; *MacColl M.* Musulmans of India and the Sultan // *Contemporary Review*. 1897. Vol. LXXI. P. 280–294; *Hurgronje C.S.* Holy War «made in Germany». New York; London: G.P. Putnam's, 1915. P. 27–28.

⁹ *Margoliouth D.S.* Pan-Islamism // *Proceedings of Central Asian Society*. 1912. Jan 12. P. 3–4; *Rafiüddin A.* Moslem View of the Panislamic Revival // *Nineteenth Century*. 1897. Vol. XLII. P. 517–526.

ных преобразований, начавшихся в исламском мире, и, особенно, в султанской Турции в середине XIX столетия. Был ли панисламизм прогрессивным и либеральным движением, которое стало в руках султана Абдул-Хамида II реакционным и утверждавшим необходимость вернуться к старым традициям или же оно стало неким ответом на растущее западное влияние?

Некоторые исследователи второй половины XIX – начала XX в. роднят панисламистское движение с исламскими реформаторами, начиная от ваххабитов и заканчивая религиозными братствами, такими, как орден Сеннуси, но К. Беккер и С. Хургронье считают такое сходство неверным¹⁰. Часть ученых отмечает, что именно «религиозный фанатизм» вдохновил Абдул Хамида II, а до этого и Абдул Азиза, защищать основы ислама от воздействия христианского мира, а консервативная турецкая пресса проповедовала борьбу против врагов ислама еще в начале 1870 г.¹¹ Эти же идеи приписывались «старым туркам»¹². Однако важно заметить, что в то же время подчеркивание религиозного первенства султана как халифа всех мусульман современниками в Европе часто расценивалось как признак восточного фанатизма. Некоторые исследователи отмечают, что титул халиф эквивалентен титулу римского папы – духовного лидера христиан¹³. С другой стороны, Мидхат-паша, проводя либеральные реформы, тем не менее внес в текст конституции 1876 г. пункты, которые описывали султана как «халифа» и защитника мусульманской религии.

Возникновение панисламизма не может быть отделено от такого фактора, как конкуренция западных держав в период между 1850–1880 гг. Самым серьезным конфликтом, который непосредственно затрагивал ислам, было противоборство России и Англии на Ближнем Востоке и в Средней Азии, а позднее – конкуренция между европейскими державами в Египте, Марокко и Триполи. Неудивительно, что в этот период сторонниками Османского хали-

¹⁰ Becker C.H. Panislamismus // Vom Werden und Wesen der islamischen Welt: Islamstudien. Leipzig, 1924–1932. Hb. II. S. S. 248; Hurgonje C.S. Les confreries religieuses, la Mecque, et le Panislamisme // Revue de l'histoire des religions. 1901. T. XLIV. P. 262.

¹¹ Charmes G. La situation de la Turquie // Revue des deux mondes. T. XLVII. 1881. P. 143; Berard V. Le sultan, l'islam et les puissances: Constantinople, La Mecque, Bagdad. Paris: A. Colin, 1907. P. 33; Gibb H.A.R. Whither Islam? a survey of modern movements in the Moslem world. London: V. Gollancz, 1932. P. 44.

¹² Vambery A. Pan-Islamism // Nineteenth Century. 1906. Vol. LX. P. 548.

¹³ Toynbee A.J. Survey of International Affairs... P. 33–36; Simon G. Islam und Christentum. Berlin: M. Warneck, 1914. P. 36–37.

фата выступали мусульмане Центральной Азии и Индии¹⁴, именно те, кто оказался в сфере влияния Англии или России, те, кто выступал с идеей Мусульманской лиги и обращался к османскому султану за помощью¹⁵. Султан, безусловно, поддерживал контакты с этими регионами и направлял туда свои послания. Но, несмотря на это, многие современники утверждали, что мусульмане Центральной Азии были безразличны или даже негативно относились к султану-халифу.

А. Вамбери, совершив после краткого пребывания в Константинополе путешествие в Среднюю Азию в 1860 г., заключил, что нет никаких следов, указывающих на дипломатические отношения между Османской империей и Туркестаном, характерных для XVI и XVII столетий¹⁶, но весьма вероятно, что обмен дипломатическими миссиями имел для развития идей панисламизма меньшее значение, чем такой фактор, как действие Британии и России в этом регионе. В Индии популярность султана-халифа могла увеличиться с исчезновением династии Моголов, а потеря независимости среднеазиатских правителей позднее повлияла на рост популярности фигуры халифа как духовного лидера в Средней Азии.

Кроме того, нельзя отрицать и такой факт, что в противовес политике России, Англия хоть и негласно, но все же поддерживала панисламизм. Британцы убеждали своих подданных мусульман быть лояльными к правительству, которое было другом халифа¹⁷. Часть британских чиновников, поддержанная узким кругом империалистов, стремилась подчеркнуть религиозное единство ислама. Например, глава английской дипломатической миссии в Константинополе Г. Лаярд после прибытия в турецкую столицу вновь и вновь убеждал правительство в необходимости сотрудничества с мусульманами и

¹⁴*Browne E. G.* Persian Revolution of 1905–1909. Cambridge: The University press, 1910.

¹⁵*Charmes G.* La situation de la Turquie // *Revue des deux mondes*. T. XLVII. 1881. P. 143; *Hellwald F.* The Russians in Central Asia: a critical examination down to the present time of the geography and history of Central Asia. London: Henry S. King, 1874. P. 161f; *Vambery A.* Sketches of Central Asia: additional chapters on my travels, adventures, and on the ethnology of Central Asia. London: Wm. H. Allen and Co., 1868. P. 44f; *Vambery A.* Travels in Central Asia: being the account of a journey from Teheran across the Turkoman Desert on the eastern shore of the Caspian to Khiva, Bokhara, and Samarcand performed in the year 1863. London: J. Murray, 1864. P. 344.

¹⁶*Vambery A.* Sketches of Central Asia... P. 167.

¹⁷*Blunt W. S.* Future of Islam. London, 1882. P. 79–81; *MacColl M.* Musulmans of India and the Sultan... P. 280–294; *Hurgronje C. S.* Holy War “made in Germany”... P. 27–28.

развития единства между ними¹⁸. Лорд Литтон – вице-король Индии и Г. Лаярд были ответственными за направление турецкой миссии в Афганистан в 1877 г., целью которой был призыв к мусульманской солидарности против России и установление дружественных отношений с Англией¹⁹.

Тот факт, что панисламизм оказался значительной угрозой для Британской империи, было результатом напряжений в отношениях с Высокой Портой в 1878 и 1895 гг. Но не только Британия использовала в своих целях панисламизм, позднее им воспользовалась и Германия для ослабления влияния Англии и Франции. Таким образом, можно заключить, что панисламизм не мог бы развиваться без поддержки Англии и позднее других государств.

Можно также резюмировать, что панисламизм того времени и возрождение идей халифата связаны с общей реакцией исламского мира на воздействие Запада. В то же время, говоря о панисламизме, нельзя не заметить его несомненную связь с формированием наций на Востоке. Это и позволяет некоторым исследователям отождествлять панисламизм с протонационализмом²⁰.

Образованными османскими подданными, по крайней мере, до конца XIX столетия слово «турок» использовалось для именования необразованных сельских жителей Анатолии. Элита называла себя «османами», а не «турками». Эти различия были основаны на религиозном, а не на этническом уровне.

Как полагали османские интеллектуалы того времени, османский язык не был тюркским языком, а скорее представлял собой смесь арабского, персидского и турецкого языков, последний из которых оказал наименьшее влияние в формировании языка. Слово «Турция», которое использовалось европейцами для определения территорий Османской империи, населенных мусульманами, было западным клише, позднее заимствованным и самой современной Турцией²¹.

Примерно также в арабских странах в течение многих веков слово «араб» имело первичную коннотацию «бедуин пустыни». Именно в таком значении оно использовалось Ибн Халдуном. Слово

¹⁸ Lee D. *Great Britain and the Cyprus Convention Policy*. Cambridge: Harvard university press; London: H. Milford, Oxford university press, 1934. P. 184.

¹⁹ *Toynbee A.J.* Op. cit. P. 40; *Lee D.* A Turkish Mission to Afganistan, 1877 // *Journal of Modern History*. 1941. Vol. XIII. P. 355.

²⁰ *Hurgronje C.S.* Islam and Turkish Nationalism // *Foreign Affairs*. 1924. Vol. 3. Issue 1.

²¹ *Keddie N.R.* Pan-Islam as Proto-Nationalism // *The Journal of Modern History*. 1969. Vol. 41. No. 1. P. 17.

«араб», как и «турок», имело уничижительный смысл, хотя, в отличие от турок-османов, арабы все же именовали свой язык арабским²². В Османской империи арабский язык в течение XIX в. выступал в качестве языка религиозного обучения, а всякий, кто имел административные или политические амбиции, должен был знать османский язык. Таким образом, на Ближнем Востоке только иранцы имели положительную национальную идентификацию, базировавшуюся на предисламском прошлом, и, имевшую общую культуру и язык. Однако и они, исповедуя шиизм в религиозном исламе, чувствовали себя единственными последователями истинной религии и были окружены, по их мнению, еретиками.

Но следует отметить, что для некоторых мусульман религиозная лояльность является первичной или национальной лояльностью, как в примере с арабами. И даже такие явления, которые обычно интерпретировались, как националистические, в основе своей были религиозными.

Как замечает Н. Кедди, панисламизм, получивший расцвет в конце XIX – начале XX столетий, был важным переходом от исламских религиозных привязанностей к национальным. Один же из теоретиков панисламизма аль-Афгани ориентировался не только на традиционно исламские ценности, но и на зарождавшиеся протонационалистические чувства. Несмотря на то что панисламизм всегда говорил о единстве своих сторонников к их общему действию против неисламского мира и лояльности халифу, при ближайшем рассмотрении панисламизм имеет больше сходства с современными националистическими движениями²³.

Как отмечает И.Л. Фадеева, в своих работах аль-Афгани выступал против европейского экспансионизма и материализма, которые он связывал воедино. Аль-Афгани понадобился султану как признанный в мусульманском мире идеолог панисламизма, человек, обладавший большим религиозным авторитетом²⁴.

Как считает М.Т. Степанянц, с аль-Афгани напрямую связано зарождение и развитие идеологии панисламизма. Афгани не только разрабатывал планы его пропаганды, но и активно действовал в целях их реализации. Центральное место в его теоретических

²²Lewis B. *The Arabs In History*. London, New York: Hutchinson's University Library, 1950. P. 9–17; Haim S. *Arab nationalism: an anthology*. Berkeley: University of California Press, 1962. P. 52.

²³Keddie N.R. *Op. cit.* P. 18.

²⁴Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии Османской империи (Османизм – Панисламизм). XIX – начало XX в. М., 1985. С. 164.

построениях занимали проблемы соотношения мусульманства и национализма, религии и науки, трактуемые с реформаторских позиций²⁵.

Возможно, где-то в 1860-е годы молодая османская интеллигенция разочаровалась в европеизации страны и реформах, связанных с ней, которые больше помогали христианским подданным империи, нежели мусульманам. Очевидно, что под влиянием объединения Италии и Германии и панисламизма, османы во главе с Намыком Кемалем начали выдвигать теоретические аргументы в пользу исламского единства – «Иттихад-и Ислам»²⁶.

По мнению Р.Г. Ланды, первой волной подъема сопротивления мира ислама колониализму Запада был панисламизм, который стремился объединить преимущественно мусульман-суннитов под эгидой османского султана-халифа²⁷.

В 1880-е годы из-за событий в Тунисе и Египте исламский мир оказался под угрозой полной потери суверенитета. В связи с этим, по мнению Ш. Мардина, все мусульмане обратили взоры на османского халифа Абдул-Хамида II, самого сильного и влиятельного, из сохранивших свою власть исламских правителей султана²⁸. Именно общая основанная на религии концепция единения мусульман могла быть противопоставлена растущему национализму в мусульманских странах, в которых, как в Египте, например, стали популярны лозунги «Египет для египтян», к тому же панисламизм мог быть одновременно противопоставлен растущему британскому влиянию. Но, безусловно, такого сравнения недостаточно, чтобы установить прямые связи панисламизма с национализмом²⁹.

В первой речи в Стамбульском университете в 1870 г. аль-Афгани говорил, что омоложение исламской нации возможно через методы, которые используют европейские нации и через возрож-

²⁵Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX–XX вв.). М., 1982. С. 14.

²⁶Davison R. Reform in the Ottoman Empire, 1856, 1876. Princeton N.J: Princeton University Press, 1963. P. 270–279; Smith W.C. The ‘Ulama’ in Indian Politics / in C.H. Philips (ed.). Politics and Society in India. London: G. Allen and Unwin, 1963. P. 48–50.

²⁷Ланда Р.Г. Политический ислам и отношения Восток – Запад // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. Т. 11. № 1. С. 119.

²⁸Mardin Ş. The genesis of young Ottoman thought: a study in the modernization of Turkish political ideas. New Jersey: Princeton University Press, 1962. P. 59–62; Berkes N. The Development of Secularism in Turkey. Montreal: McGill University Press, 1964. P. 220.

²⁹Keddie N.R. Op. cit. P. 20.

дение великого прошлого³⁰. Но, по его мнению, центр исламского национализма – это весь исламский мир, а исламская нация может быть приравнена к западным нациям. В речи аль-Афгани еще нет термина «панисламизм», но тем не менее понятно, что его речь была адресована не только османским мусульманам.

Аль-Афгани принял доктрину панисламизма позже, когда она в 1880-е годы стала популярна во всем исламском мире. Он никогда не отказывался от националистических заявлений и чувствовал различие и противоречие между панисламизмом и национализмом. В панисламизме он, как отмечает Сильвия Хэйм, видел эффективное оружие против европейцев³¹.

По мнению Н. Кедди, аналогия между панисламизмом и национализмом частично объясняет поддержку аль-Афгани султаном Абдул-Хамидом II. Панисламизм дал новый националистический акцент идеи солидарности найдя ее отражение в исламе. Привлекая традиционное массовое сознание, панисламизм включал несколько особенностей, которые позже стали главными особенностями восточного национализма, а именно враждебность Западу, в особенности, западному завоеванию и экспансии, идентификация Османской империи со своим великолепным прошлым, утверждение превосходства местной культуры (в данном случае ислама) над всеми другими, объединение и консервативных, и либеральных взглядов для общих целей.

Как отмечает Р.Г. Ланда, колониализм западных держав, проявлявшийся в самых жестоких, порой варварских формах, сопровождался высокомерием и расизмом, теориями «бремени белого человека» и цивилизаторской миссии колонизаторов, которым предстоит сделать жителей востока «настоящими людьми». Мусульманами это воспринималось наиболее остро, поскольку наряду со страданиями от экономической эксплуатации, военного насилия и политического гнета они рассматривали колониализм иноверцев еще и как вмешательство в их духовную жизнь, как посягательство на их национальную самобытность и основы их религии, которая давно стала для них жизненной философией и почти образом жизни³².

Защитой от этих угроз для мусульман могла быть консолидация вокруг фигуры духовного лидера. Как справедливо отмечал В. Бари,

³⁰ Keskinoglu O. Cemaleddin Efgani // İlahiyat Fakültesi Dergisi. 1962. № 10. S. 96–97.

³¹ Haim S. Arab Nationalism... P. 52.

³² См.: Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: Институт Ближнего Востока, 2005. С. 18.

протонационалистические особенности и антиимпериализм связывали исламское общество с османским султаном-халифом. Панисламизм был инстинктивным и полностью естественным ответом на такие угрозы Запада, как агрессия европейцев по отношению к Востоку, и возник под влиянием султана Абдул Хамида II³³.

Султан Абдул-Хамид II в силу своих амбиций пытался восстановить древнее величие халифата, но тот успех, которого он достиг на этом поприще, больше зависел, безусловно, от панисламизма, чем от идей самого халифата.

Л. Стоддард относит к панисламизму открытые сопротивления европейским захватчикам, примерами чему он считает борьбу Абд эль-Кадира в Алжире и войну Шамиля на Кавказе. К панисламизму он также причисляет восстание махдистов в Судане и усиление фанатизма в Афганистане, рост влияния в обществе ордена Накшбебидийа в Средней Азии, вылившегося в восстание китайских мусульман в Туркестане и Юньани³⁴.

После прихода к власти в Англии либерального кабинета Гладстона в Стамбуле стало понятно, что Англия будет вести антиосманскую политику, это стало поводом к взаимному недоверию и подозрениям в отношениях двух государств. По мнению современных турецких исследователей, султан Абдул-Хамид II понимал, что Англия будет вносить раздор на Ближнем Востоке, дабы пошатнуть основы Османской империи³⁵. Думается, что именно султану стало ясно, что Высокая Порта уже не могла эффективно противостоять английской восточной политике. Начиная с 1881 г. под нажимом Лондона Османская империя была вынуждена оставить в пользу Греции часть своих земель на Балканах, в этом же году французами был оккупирован Тунис. Через год англичане под предлогом «охраны власти» султана вторглись в Египет.

Итак, что оставалось делать султану, чтобы хоть как-то противостоять европейским державам и сохранить империю? В его руках осталось только одно действенное оружие – панисламизм. Можно полагать, что, оставшись в безвыходном положении и пытаясь по-

³³ Bury W. Op. cit.

³⁴ Stoddard L. Op. cit. P. 41.

³⁵ Özcan A. Pan-İslamizm: Osmanlı devleti, Hindistan müslümanları ve İngiltere, 1877–1914 (1877–1924). İstanbul: TDV İslâm Araştırmaları Merkezi, 1992. S. 60; *Tahsin Paşa*. Abdülhamit Yıldız hatıraları. İstanbul: Muallim Ahmet Halit Kitaphanesi, 1931. S. 62; *Yasemee F.A.K.* The Ottoman Empire and the European Great Powers (1884–1887) (Ph.D. thesis), University of London, SOAS, 1984. P. 47.

лучить действенную поддержку мусульманского мира, он был вынужден им воспользоваться. Только с помощью панисламизма можно было усилить тенденцию к единству мусульман, значительная часть которых находилась под управлением султана, и так противостоять европейским державам. В пользу принятия на вооружение именно такой идеологической доктрины свидетельствует и такой факт, как повсеместная поддержка в мусульманском мире Османской империи во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На основе общих религиозных ценностей, но разных по культурным и политическим институтам исламские народы можно было объединить только такой доктриной, которая имеет прочный религиозный фундамент. В зарубежной историографии исследователи абдулхамидовского панисламизма не едины в своих взглядах и имеют разные точки зрения относительно этой идеологии. По мнению одних, султан Абдул-Хамид II с помощью «коварной политики панисламизма хотел уничтожить христианство»³⁶, других – например, О. Кологлу – султан вообще не был связан с идеями панисламизма³⁷. Однако, как отмечают А. Озджан и Ф. Ясми, большая часть исследований основана только на взглядах и мнениях ученых на саму проблему, нередко ангажированных политическими и идеологическими направлениями в историографии³⁸, а не источниками, на анализе которых рождается истинное исследование.

Подводя итоги, необходимо отметить, что абдулхамидовский панисламизм – сложное и противоречивое политическое явление. Очевидно, что это многофакторная и разнонаправленная политика, призванная охватить весь исламский мир.

Важно подчеркнуть, что султан Абдул-Хамид II был убежденным сторонником идей халифата и исламского единства во внешней и внутренней политике империи. Его панисламизм, в отличие от теоретического панисламизма аль-Афгани, не был какой-то аморфной идеологией, а был реализован на практике. В различных кампаниях в духе исламского единства решались как религиозные, так и политические вопросы.

Доктрина панисламизма как официальная идеология Османской империи при Абдул-Хамиде II стала важным инструментом в стабилизации султанского режима и легитимизации имперской

³⁶ Lee D. The Origins of Pan-Islamism... P. 278–287.

³⁷ Koloğlu O. Abdülhamit gerçeği. İstanbul: Gür Yayınları, 1987. S. 175.

³⁸ Özcan A. Op. cit. S. 60; Yasemee F.A.K. Op. cit. P. 47.

власти. Идеологическая система Османской империи унаследовала синкретическую концепцию правления, содержащую элементы религиозной традиции персидской традиционной монархии (падишахство) и ритуала византийского имперского культа.

Список литературы

1. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: Институт Ближнего Востока, 2005. – 285 с.
2. Ланда Р.Г. Политический ислам и отношения Восток – Запад // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. Т. 11. № 1. С. 119–134.
3. Степаняну М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX–XX вв.). М.: Наука, 1982. – 247 с.
4. Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм): XIX – начало XX в. М.: Наука, 1985. – 271 с.
5. Ali Z. Islam in the World. Lahore: M. Ashraf, 1947. – 434 p.
6. Arnold T.W. The Caliphate. Oxford: Oxford University Press, 1924. – 223 p.
7. Becker C.H. Panislamismus // Vom Werden und Wesen der islamischen Welt: Islamstudien. Leipzig: Quelle and Meyer, 1932. 1924–1932. Hb. II.
8. Behdjat W.B. Pan-Islamism // Nineteenth Century. LXI. 1907. P. 860–872.
9. Berard V. Le sultan, l'islam et les puissances: Constantinople, La Mecque, Bagdad. Paris: A. Colin, 1907. – 443 p.
10. Berkes N. The Development of Secularism in Turkey. Montreal: McGill University Press, 1964. – 537 p.
11. Blunt W.S. Future of Islam. London: Kegan Paul, Trench, 1882.
12. Browne E.G. Persian Revolution of 1905–1909. Cambridge: The University press, 1910. – 470 p.
13. Bury W. Pan-Islam. London: Macmillan, 1919. – 212 p.
14. Charmes G. La situation de la Turquie // Revue des deux mondes. T. XLVII. 1881. P. 721–761.
15. Charmes G. La situation de la Turquie // Revue des deux mondes. T. XLIX. 1882. P. 833–869.
16. Chirol V. Downfall of the Ottoman Khilafat // Journal of the Central Asian Society. 1924. Vol. XI. P. 220–243.
17. Chirol V. Pan-Islamism // Proceedings of Central Asian Society. 1906. P. 19–24.
18. Chirol V. The Downfall of The Khalifate // Foreign Affairs. 1924. Vol. 1. № 3. P. 571–582.
19. Davison R. Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963. – 479 p.
20. Gibb H.A.R. Whither Islam? A survey of modern movements in the Moslem world. London: V. Gollancz, 1932. – 384 p.
21. Haim S. Arab nationalism: an anthology. Berkeley: University of California Press, 1962. – 255 p.
22. Hellwald F. The Russians in Central Asia: a critical examination down to the present time of the geography and history of Central Asia. London: Henry S. King, 1874. – 332 p.
23. Hurgronje C.S. Holy War «made in Germany». New York, London: G.P. Putnam's, 1915. – 80 p.
24. Hurgronje C.S. Islam and Turkish Nationalism // Foreign Affairs. 1924. Vol. 3. Issue 1. P. 329–350.
25. Hurgronje C.S. Les confreries religieuses, la Mecque, et le Panislamisme // Revue de l'histoire des religions. 1901. T. XLIV. P. 262–281.
26. Keddie N.R. Pan-Islam as Proto-Nationalism // The Journal of Modern History. 1969. Vol. 41. No. 1. P. 17–28.

27. *Keskinoğlu O.* Cemaleddin Efgani // İlahiyat Fakültesi Dergisi. 1962. № 10. P. 91–102.
28. *Kohn H.* History of Nationalism in the East. New York: Harcourt, Brace and co., 1929. – 476 p.
29. *Koloğlu O.* Abdülhamit gerçeği. İstanbul: Gür Yayınları, 1987. – 440 p.
30. Lectures on the History of the Nineteenth Century / Ed. F.A. Kirkpatrick. Cambridge at the University Press, 1902. – 384 p.
31. *Lee D.* A Turkish Mission to Afganistan, 1877 // Journal of Modern History. 1941. Vol. XIII. P. 345–356.
32. *Lee D.* Great Britain and the Cyprus Convention Policy. Cambridge: Harvard university press; London: H. Milford, Oxford university press, 1934. – 230 p.
33. *Lee D.* The Origins of Pan-Islamism // American Historical Review. Vol. 47. No. 2. 1942. P. 278–287.
34. *Lewis B.* The Arabs In History. London, New York: Hutchinson's University Library, 1950. – 196 p.
35. *Lewis B.* The Ottoman Empire in the Mid-Nineteenth Century: A Review // Middle Eastern Studies. 1965. Vol. 1. P. 283–296.
36. *MacColl M.* Musulmans of India and the Sultan // Contemporary Review. 1897. Vol. LXXI. P. 280–294.
37. *Mardin Ş.* The genesis of young Ottoman thought: a study in the modernization of Turkish political ideas. New Jersey: Princeton University Press, 1962. – 456 p.
38. *Margoliouth D.S.* Pan-Islamism // Proceedings of Central Asian Society. 1912. Jan 12.
39. *Nallino C.A.* Notes on the Nature of the «Caliphate» // General and on the Alleged «Ottoman Caliphate». Italy, Press of the Foreign Office, 1919. – 32 p.
40. *Özcan A.* Pan-İslamizm: Osmanlı devleti, Hindistan müslümanları ve İngiltere, 1877–1914 (1877–1924). İstanbul: TDV İslâm Araştırmaları Merkezi, 1992. – 292 p.
41. Politics and Society in India. London: G. Allen and Unwin, 1963. – 191 p.
42. *Rafiüddin A.* Moslem View of the Panislamic Revival // Nineteenth Century. 1897. Vol. XLII. P. 517–526.
43. *Simon G.* Islam und Christentum. Berlin: M. Warneck, 1914. – 348 p.
44. *Stoddard L.* New World of Islam. New York: C. Scribner's Sons, 1921. – 362 p.
45. *Tahsin Paşa.* Abdülhamit Yıldız hatıraları. İstanbul: Muallim Ahmet Halit Kitaphanesi, 1931. – 297 p.
46. *Toynbee A.J.* Survey of International Affairs, 1925. Part I. The Islamic World Since the Peace Settlement. Oxford University Press, 1927. – 627 p.
47. *Vambery A.* England, Turkey and Asia // Daily Telegraph. Jan 12. 1878.
48. *Vambery A.* Pan-Islamism // Nineteenth Century. 1906. Vol. LX. P. 547–558.
49. *Vambery A.* Sketches of Central Asia: additional chapters on my travels, adventures, and on the ethnology of Central Asia. London: Wm. H. Allen and Co., 1868. – 444 p.
50. *Vambery A.* Travels in Central Asia: being the account of a journey from Teheran across the Turkoman Desert on the eastern shore of the Caspian to Khiva, Bokhara, and Samarcand performed in the year 1863. London: J. Murray, 1864. – 443 p.
51. *Werner F. von [Murad Efendi].* Türkische Skizzen. Leipzig; Dürr, 1877. Hb.1.
52. *Yasemee F.A.K.* The Ottoman Empire and the European Great Powers (1884–1887) (Ph.D. thesis), University of London, SOAS. 1984. – 327 p.

References

1. Landa R.G. *Politicheskii islam: predvaritel'nye itogi* (Political Islam: Preliminary Conclusions). M.: Institut Blizhnego Vostoka, 2005, 285 s.
2. Landa R.G. *Politicheskii islam i otnosheniya Vostok – Zapad* (Political Islam and East-West Relations). Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyi i mezhdunarodno-politicheskii aspekty. 2015, t. 11, № 1, ss. 119–134.
3. Stepanyants M.T. *Musul'manskie kontseptsii v filosofii i politike (XIX–XX vv.)*. (Muslim Concepts in Philosophy and Politics. XIX–XX cent.). M., Izdatel'stvo «Nauka», 1982, 247 s.

4. Fadeeva I.L. *Ofitsial'nye doktriny v ideologii i politike Osmanskoi imperii (osmanizm – panislamizm): XIX – nachalo XX v.* (Official Doctrines in the Ideology and Politics of the Ottoman Empire (osmanism – panislamism): XIX – beginning of the XX cent.). M., Izdatel'stvo "Nauka", 1985, 271 s.
5. Ali Z. Islam in the World. Lahore: M. Ashraf, 1947, 434 p.
6. Arnold T.W. The Caliphate. Oxford: Oxford University Press, 1924, 223 p.
7. Becker C.H. Panislamismus. Vom Werden und Wesen der islamischen Welt: Islamstudien. Leipzig: Quelle and Meyer, 1932, 1924–1932. Hb. II.
8. Behdjat W.B. Pan-Islamism. Nineteenth Century, LXI, 1907, pp. 860–872.
9. Berard V. Le sultan, l'islam et les puissances: Constantinople, La Mecque, Bagdad. Paris: A. Colin, 1907, 443 p.
10. Berkes N. The Development of Secularism in Turkey. Montreal: McGill University Press, 1964, 537 p.
11. Blunt W.S. Future of Islam. London: Kegan Paul, Trench, 1882.
12. Browne E.G. Persian Revolution of 1905–1909. Cambridge: The University press, 1910, 470 p.
13. Bury W. Pan-Islam. London: Macmillan, 1919, 212 p.
14. Charmes G. La situation de la Turquie. Revue des deux mondes, t. XLVII, 1881, pp. 721–761.
15. Charmes G. La situation de la Turquie. Revue des deux mondes, t. XLIX, 1882, pp. 833–869.
16. Chirol V. Downfall of the Ottoman Khilafat // Journal of the Central Asian Society. 1924, vol. XI, pp. 220–243.
17. Chirol V. Pan-Islamism // Proceedings of Central Asian Society. 1906, pp. 19–24.
18. Chirol V. The Downfall of The Khalifate // Foreign Affairs. 1924, vol. 1. N 3, pp. 571–582.
19. Davison R. Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. Princeton, N.J: Princeton University Press, 1963, 479 p.
20. Gibb H.A.R. Whither Islam? A survey of modern movements in the Moslem world. London: V. Gollancz, 1932, 384 p.
21. Haim S. Arab nationalism: an anthology. Berkeley: University of California Press, 1962, 255 p.
22. Hellwald F. The Russians in Central Asia: a critical examination down to the present time of the geography and history of Central Asia. London: Henry S. King, 1874. 332 p.
23. Hurgronje C.S. Holy War «made in Germany». New York, London: G.P. Putnam's, 1915, 80 p.
24. Hurgronje C.S. Islam and Turkish Nationalism. Foreign Affairs. 1924, vol. 3. Issue 1, pp. 329–350.
25. Hurgronje C.S. Les confreries religieuses, la Mecque, et le Panislamisme // Revue de l'histoire des religions. 1901, t. XLIV, pp. 262–281.
26. Keddie N.R. Pan-Islam as Proto-Nationalism. The Journal of Modern History. 1969, vol. 41, No. 1, pp. 17–28.
27. Keskinoglu O. Cemaleddin Efgani. İlahiyat Fakültesi Dergisi. 1962, № 10, pp. 91–102.
28. Kohn H. History of Nationalism in the East. New York: Harcourt, Brace and co., 1929, 476 p.
29. Koloğlu O. Abdülhamit gerçeği. İstanbul: Gür Yayınları, 1987, 440 p.
30. Lectures on the History of the Nineteenth Century. Ed. F.A. Kirkpatrick. Cambridge at the University Press, 1902, 384 p.
31. Lee D. A Turkish Mission to Afghanistan, 1877. Journal of Modern History. 1941, vol. XIII, pp. 345–356.
32. Lee D. Great Britain and the Cyprus Convention Policy. Cambridge: Harvard university press; London: H. Milford, Oxford university press, 1934, 230 p.
33. Lee D. The Origins of Pan-Islamism. American Historical Review, vol. 47, N 2. 1942, pp. 278–287.
34. Lewis B. The Arabs In History. London, New York: Hutchinson's University Library, 1950. 196 p.
35. Lewis B. The Ottoman Empire in the Mid-Nineteenth Century: A Review. Middle Eastern Studies. 1965, vol. 1, pp. 283–296.

36. MacColl M. *Musulmans of India and the Sultan*. Contemporary Review. 1897, vol. LXX, pp. 280–294.
37. Mardin Ş. *The genesis of young Ottoman thought: a study in the modernization of Turkish political ideas*. New Jersey: Princeton University Press, 1962, 456 p.
38. Margoliouth D.S. *Pan-Islamism. Proceedings of Central Asian Society*. 1912. Jan 12.
39. Nallino C.A. *Notes on the Nature of the "Caliphate". General and on the Alleged "Ottoman Caliphate"*. Italy, Press of the Foreign Office, 1919, 32 p.
40. Özcan A. *Pan-Islamizm: Osmanlı devleti, Hindistan müslümanları ve İngiltere, 1877–1914 (1877–1924)*. İstanbul: TDV İslâm Araştırmaları Merkezi, 1992, 292 p.
41. *Politics and Society in India*. L.: G. Allen and Unwin, 1963, 191 p.
42. Rafiüddin A. *Moslem View of the Panislamic Revival*. Nineteenth Century, 1897, vol. XLII, pp. 517–526.
43. Simon G. *Islam und Christentum*. Berlin: M. Warneck, 1914, 348 p.
44. Stoddard L. *New World of Islam*. N.Y.: C. Scribner's Sons, 1921, 362 p.
45. Tahsin Paşa. *Abdülhamit Yıldız hatıraları*. İstanbul: Muallim Ahmet Halit Kitaphanesi, 1931, 297 p.
46. Toynbee A.J. *Survey of International Affairs, 1925*. Part I: The Islamic World Since the Peace Settlement. Oxford University Press, 1927, 627 p.
47. Vambery A. *England, Turkey and Asia*. Daily Telegraph. Jan. 12. 1878.
48. Vambery A. *Pan-Islamism. Nineteenth Century*. 1906, vol. LX, pp. 458–558.
49. Vambery A. *Sketches of Central Asia: additional chapters on my travels, adventures, and on the ethnology of Central Asia*. London: Wm. H. Allen and Co., 1868, 444 p.
50. Vambery A. *Travels in Central Asia: being the account of a journey from Teheran across the Turkoman Desert on the eastern shore of the Caspian to Khiva, Bokhara, and Samarcand performed in the year 1863*. London: J. Murray, 1864, 443 p.
51. Werner F, von [Murad Efendi]. *Türkische Skizzen*. Leipzig; Dürr, 1877. Hb.1.
52. Yasemee F.A.K. *The Ottoman Empire and the European Great Powers (1884-1887) (Ph.D. thesis)*, University of London, SOAS. 1984, 327 p.

Сведения об авторах: Абидулин Алим Маратович, кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. E-mail: abidulinam@gmail.com; Аюпова Наилия Иршатовна, ассистент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. E-mail: aypovani@mail.ru

About the authors: Abidulin Alim Maratovich, Candidate of History, Docent of the Department of Eastern Languages and Language-cultural science, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. E-mail: abidulinam@gmail.com; Aiupova Nailia Irshatovna, Assistant of the Department of Eastern Languages and Language-cultural science, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. E-mail: aypovani@mail.ru

А.А. Бреховских

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НУРИ САИДА:
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СТАНОВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
ИРАКЕ (1921–1932)**

Статья посвящена становлению Нури Саида на политической арене Ирака на фоне становления иракской государственности в начале XX в. Внимание уделяется таким проблемам, как установление режима британского мандата в Месопотамии и обретение независимости страны по условиям англо-иракского договора 1930 г.

Ключевые слова: Ирак, мандат, Нури Саид.

The article is focused on the role of Nuri al-Said in the process of state-making in Iraq in the beginning of the XX century. Special attention is paid to the issues of establishing of the British Mandate in Mesopotamia and the beginning of the independence according to the treaty of 1930 between Britain and Iraq.

Key words: Iraq, mandate, Nuri al-Said.

Иракское государство начало складываться из бывших вилайетов Османской империи – Мосульского, Багдадского и Бассорского – после окончания Первой мировой войны. Великобритания, оккупировавшая эти провинции во время войны, по итогам конференции в Сан-Ремо получила 10 августа 1920 г. от Лиги Наций мандат на управление Месопотамией, т.е. территорией вышеупомянутых османских вилайетов. Здесь 23 августа 1921 г. было объявлено о создании Королевства Ирак (*аль-мамляка аль-‘иракиййя*). Таким образом, в рамках мандата было создано государство, зависимое от державы-мандатария. Период мандата продолжался до 3 октября 1932 г., когда Великобритания объявила о предоставлении Ираку статуса независимого государства и о вступлении его в Лигу Наций.

В мандатный период истории Ирака (1921–1932) происходило создание дееспособного государства. С одной стороны, зависимое положение Ирака предопределяло то, что без соблюдения интересов Великобритании любые политические преобразования были обречены на провал, а с другой – представители иракских политических кругов, невзирая на идеологические различия между собой, настаи-

вали на необходимости скорейшего предоставления независимости своей стране. Картина политической жизни молодого Ирака была крайне неоднородной и разнообразной, однако, в ней превалировал общий тон национализма и стремления к обретению национальной независимости иракского народа¹. В сложный период мандата на политической арене Ирака появлялось множество незаурядных фигур, которые внесли вклад в становление и развитие Королевства Ирак. Одной из таких фигур, оказавших наибольшее влияние на этот процесс, был Нури Саид. О его значимости в иракской истории говорит уже тот факт, что он 12 раз занимал пост премьер-министра этой страны в период с 1930 по 1958 г.² К моменту свержения монархии 14 июля 1958 г. Нури Саид был уже без преувеличения самой влиятельной политической фигурой в стране и неразрывно ассоциировался с режимом, что и определило его судьбу – во время революционных событий он был схвачен на улицах Багдада при попытке укрыться в посольстве Великобритании и убит.

Образ Нури Саида в отечественной и зарубежной, в том числе и иракской историографии, носит неоднозначную окраску. В контексте революции 1958 г. и последующих потрясений его роль в истории Ирака оценивалась исключительно как роль предателя-компрадора, угнетавшего иракский народ в интересах британских колонизаторов и своих собственных. Такую трактовку, со значительными оговорками, нельзя окончательно сбрасывать со счетов. В конце концов, определяемая во многом Нури Саидом политическая модель Ирака к 1958 г. показала себя неактуальной и неприемлемой для дальнейшего развития страны, что наглядно показала революция.

В то же время роль Нури Саида в процессе строительства иракской государственности трудно переоценить. Когда говорится о строительстве государства, речь идет не только о налаживании государственного аппарата, но и об обеспечении безопасности

¹ Даже сам первый правитель Ирака – король Фейсал I – в 1932 г. отмечал: «К моему величайшему сожалению... никакого иракского народа в Ираке не существует. Есть только разнообразные группы, не имеющие национальных чувств. Они полны ложных религиозных представлений и предрассудков... Наш долг – сделать из этой массы один народ, который мы будем вести за собой, просвещать и образовывать». См.: *Аль-Хасани, 'Абд ар-Раззак. Тарих аль-визарат аль-'иракиййя*, дж. 3. Сайда, 1966. С. 5; *Аль-'Узри, Абд аль-Карим. Мушаккилат аль-хукм фи-ль-'ирак*. Л., 1991. С. 2–9.

Здесь и далее под термином «иракский народ» будет пониматься совокупность жителей Королевства Ирак.

² *Political Diaries of the Arab World: Iraq. Vol. 7 (1948–1958)*. Oxford, 1998. P. 392.

страны через формирование вооруженных сил и включение Ирака в систему международных отношений и многосторонних договоров с соседними государствами и государствами Запада – прежде всего с Великобританией. Нури Саид принимал непосредственное участие в заключении договора с Турцией 1926 г.³, в соответствии с которым территория бывшего Мосульского вилайета оставалась за Ираком, в заключении Саадабадского пакта в 1937 г.⁴ и Багдадского пакта в 1955 г. Важно вспомнить, что Нури Саид играл ключевую роль в урегулировании отношений иракского правительства с нефтяной компанией «Ирак петролеум компани». В период его первого премьерства в 1931 г. размер платежей правительству перестал определяться ежегодной суммой в 400 тыс. ф. ст., а стал зависеть от объема добычи сырой нефти, а к 1952 г. размер выплат компании иракскому правительству ставился в зависимость от прибыли самой компании и составлял половину ее выручки от продаж^{5,6}. Приведенные примеры показывают, насколько высокой была роль Нури

³ Как утверждает биограф Нури Саида, Лорд Бёрдвуд, во время своего визита в Анкару летом 1926 г. Нури Саид встретился с президентом Турецкой Республики Мустафой Кемалем – своим бывшим командиром в рядах османской армии. Во время визита Нури Саид и Мустафа Кемаль вспоминали такой случай: Мустафа Кемаль был командиром Нури Саида в 1910 г., когда они вместе оказались на штабных маневрах около города Бабазски около границы с Болгарией (ныне – пров. Кыркларели). Однажды вечером Мустафа Кемаль вступил в конфликт с офицером медицинской службы, и конфликт закончился тем, что медик разбил бутылку *арака* о голову Мустафы Кемаля. Именно оказавшийся рядом Нури Саид помог своему командиру добраться до дома и перевязал ему голову. Об этом см.: *Birdwood L. Nuri as-Said. A Study in Arab Leadership. L.: Cassell, 1959. P. 149* (см. примечания).

⁴ Саадабадский пакт, также называемый «Ближневосточной Антантой», был подписан 8 июля 1937 г. представителями Турции, Ирака, Ирана и Афганистана в шахском дворце Саадабад под Тегераном. Идею создания пакта предложила Великобритания, не являвшаяся его членом, для продвижения своих интересов в регионе. Поражение иракских прогерманских сил в «Тридцатидневной войне» и последующая оккупация Ирака, а также ввод советских войск в Иран в 1941 г. значительно снизили нарастающее влияние государств «Оси» в регионе, и роль пакта для Великобритании была сведена на нет, хотя формально организация существовала до 1948 г. После войны к 1955 г. уже США выступили с инициативой создания подобной организации для противодействия влиянию Советского Союза. Таким образом, в Багдаде в 1955 г. был заключен новый – Багдадский – пакт, куда вошли Турция, Ирак, Иран и Пакистан. С выходом Ирака из пакта он был переименован в «Организацию центрального договора». В подписании обоих договоров большую роль сыграл Нури Саид.

⁵ *Saul S. Masterly Inactivity as Brinkmanship: The Iraq Petroleum Company's Route to Nationalization, 1958–1972 // International History Review. Vol. 29. № 4. December 2007. P. 746.*

⁶ *Gallman W. Iraq under general Nuri. My recollections of Nuri Said, 1954–1958. Baltimore, 1964. P. 109.*

Саида в становлении и развитии Королевства Ирак. Подробное рассмотрение политической деятельности Нури Саида на фоне сложных политических процессов образования иракского государства в 1920-е годы позволит глубже понять логику исторического развития Ирака в первые годы его существования⁷.

Нури Саид родился в декабре 1888 г. Багдаде в семье служащего Саида Тахи-эфенди⁸. В возрасте 18 лет Нури Саид поступил на службу в налоговое ведомство. Считается, что благодаря этой деятельности Нури получил возможность увидеть Ирак, установить дружеские отношения с шейхами различных племен и понять значение племенного фактора в политической жизни страны. В 1910 г. Нури Саид закончил обучение в стамбульской военной академии Харбие и в 1911–1912 гг. принимал участие в Балканских войнах.

После младотурецкой революции в среде арабских офицеров в вооруженных силах Османской империи назревало недовольство националистической политикой режима триумvirата. Некоторые офицеры иракского происхождения объединились в рядах тайной организации «аль-Ахд», основанной Азизом Али аль-Масри и Салимом аль-Джазаири. Со временем в эту организацию вступили выходцы из Месопотамии Нури Саид, Таха и Ясин аль-Хашими, Джафар аль-Аскари, Джамиль аль-Мидфаи, Али Джаудат и др. Именно эти люди впоследствии составили политическую элиту монархического Ирака.

⁷ Разумеется, было бы излишне категоричным делать акцент на «искусственности» современного иракского государства. Термин «Ирак» уходит своими корнями в еще доисламское прошлое арабов. Несмотря на это, термин Ирак стал соотноситься с территорией нынешнего Ирака только после создания Королевства Ирак.

⁸ Вопрос о происхождении семьи Нури Саида остается открытым и использовался в полемике шиитов с иракским правительством в позднейшие периоды. Под разными предлогами багдадские власти пытались представить шиитов Ирака чужеземцами, указывая на связи различных шиитских религиозных деятелей с Ираном. Дискриминационная политика в отношении шиитов полностью развернулась уже во времена баасистского правления, но и в монархический период шиитские лидеры подчеркивали, что многие находящиеся у власти иракцы, в том числе Нури Саид, имели «не совсем иракское происхождение». Также, например, Абд аль-Мухсин Саадун перед своим самоубийством в 1929 г. (отмечается, что за его смертью могли стоять англичане, но так или иначе основной причиной его предполагаемого самоубийства могла стать его негативная реакция на планировавшееся подписание нового англо-иракского договора 1930 г. См.: *Dr. Sinderson Pasha H. Ten Thousand and One Nights*, L.: Hodder and Stoughton Press, 1973. P. 102–103; *Ар-Руджа, Хусейн Хусни Хаттаб*. Татаввур аль-‘алякат аль-‘иракийя аль-британийя ва асаруха. Ан-Наджаф аль-ашраф, 1976. С. 26–38) написал прощальное письмо своей жене на турецком языке. См.: *Nakash Yi. Reaching for power: The Shi’a in the modern Arab World*. Princeton, Oxford, 2006. P. 87.

С началом Первой мировой войны и после первых поражений османов конфликт между правительством младотурок и представителями националистических движений заметно обострился. Последовав примеру ряда других офицеров, Нури, отчасти из соображений безопасности, вынужден бросить службу в рядах османской армии и отправиться в Каир, где с помощью британских дипломатов ему удалось вызволить из заключения основателя «аль-Ахд» Азиза Али аль-Масри. Из Каира Нури Саид отправился в Басру, где застал вступление Османской империи в Первую мировую войну 1914 г. В Басре Нури познакомился с местным *накыб аль-ашираф* Сейидом Талибом ан-Накыбом⁹, а после британского вторжения в Месопотамию – с политическим советником оккупационных войск Перси Коксом. Тот отправил его как военнопленного в Индию, откуда Нури был переправлен в Каир, где он познакомился с полковником Т.Е. Лоуренсом. В Каире Нури начал содействовать подготовке Хиджазского восстания 1916 г.¹⁰ В частности, одним из первых успехов Нури на новом поприще стала переправка через Красное море с помощью месопотамских добровольцев артиллерийских орудий для эмира Али, сына *шарифа* Мекки Хусейна¹¹. Во время военной кампании 1918 г., закончившейся взятием Дамаска и разгромом османских войск в Сирии, Нури Саид показал себя как опытный и эффективный командир¹², под началом которого находились имевшиеся у повстанцев артиллерийские орудия.

В марте 1920 г. наиболее активная часть офицеров – выходцев из Месопотамии – сформировала общество «аль-Ахд аль-Ираки» («Иракский завет»), провозгласившее своей целью создание независимого Ирака под управлением представителя рода Хашимитов,

⁹ Талиб ан-Накыб (1862–1929) – накыб (глава сообщества, или корпорации потомков пророка Мухаммада) города Басры, один из наиболее активных сторонников британцев еще со времен Первой мировой войны и одна из ведущих политических фигур Ирака в 1920-х годов.

¹⁰ Birdwood, p. 17.

¹¹ Подробнее об участии Нури Саида в боевых действиях см.: *Lawrence T.E. Revolt in the Desert*. Gloucestershire, Amberley, 2014 и др. изд.; *Seven Pillars of Wisdom*. L., 1926 и др. изд.; *Young H. Op. cit.*

¹² Например, при осаде г. Дераа отряд под командованием Нури Саида перерезал железнодорожное сообщение этого города с Палестиной, захватив станцию Музейриб (см.: *Hubert Young. The Independent Arab*. L., 1933. P. 223). В финальной стадии кампании во время взятия Алеппо Нури по своей инициативе атаковал с отрядом верблюжьей кавалерии одну из ключевых позиций османов в обороне города. Несмотря на то что атака Нури была отбита, «его действия во многом способствовали выдворению турок из города». См.: *Hubert Young. Op. cit.* P. 263.

точнее – брата Фейсала, эмира Абдаллы¹³. Ядро этой организации составили Джамиль аль-Мидфай, Тауфик ас-Сувейди, Наджи ас-Сувейди, Джафар аль-Аскари и др., в том числе и Нури Саид¹⁴. Члены «аль-Ахд аль-Ираки» изначально хотели видеть королем Месопотамии Абдаллу, в то время как Фейсал был объявлен ими королем Сирии. Однако для британцев Фейсал оказался более предпочтительным в качестве кандидата, учитывая, что к 1920 г. он был выдворен из Сирии французскими властями, и его статус короля являлся, очевидно, эфемерным.

Какие бы взгляды ни высказывались Нури Саидом или его товарищами по организации «аль-Ахд аль-Ираки», они так или иначе игнорировались британцами. Гражданский комиссар в Ираке Арнольд Уилсон был больше озабочен сохранением всей территории Месопотамии полностью под британским контролем, и инициативы иракских офицеров взять на себя гражданское управление Ираком он рассматривал только как попытки подорвать британское влияние в стране, о чем сообщил Нури Саиду в Дамаске еще в мае 1919 г.¹⁵ В 1920 г. иракские офицеры, несмотря на свои прошлые заслуги во время войны, не внушали доверия британцам, непосредственно контролировавшим Ирак. По словам самого Нури Саида, обстановка в Ираке понималась британцами неверно, ведь еще в 1918 г. он говорил генералу Алленби в Дамаске о необходимости создания национальной администрации, но этот вопрос остался без внимания. В то же время в Ираке давала свои результаты и турецкая пропаганда, под действие которой попало «небольшое число» иракского населения. Тем не менее у Уилсона сложилось твердое представление о существовании широкого антибританского движения среди иракцев и о его связи с иракскими офицерами в Дамаске, побуждало британцев к весьма жестким действиям по подавлению любого недовольства среди населения¹⁶. Кульминацией такой политики стало Месопотамское восстание и его жестокое подавление осенью 1920 г. Тем временем Нури Саид убеждал британцев в том, что ряд знатных людей в Багдаде и Мосуле, а также ряд племенных вождей уполномочили Фейсала и членов «аль-Ахд аль-Ираки» представлять интересы Ирака в переговорах с британцами. Среди названных доверенных

¹³ Письмо Нури Саида Губерту Янгу от 5 апреля 1920 г. См.: *Townsend J. Proconsul to the Middle East: Sir Percy Cox and the End of Empire*. L.; N.Y., 2010. P. 142.

¹⁴ *Reeva S. Simon. Iraq Between the Two World Wars: the Creation and Implementation of a Nationalist Ideology*. NY, Columbia University Press, 1986. P. 50.

¹⁵ *Hubert Young*. Op. cit. P. 286.

¹⁶ *Ibid.* P. 307.

лиц были три будущих премьер-министра Ирака (Ясин аль-Хашими, Али Джаудат и Наджи ас-Сувейди), по словам Г. Янга, это показывало, что организацией «аль-Ахд аль-Ираки» пренебрегать было нельзя. Вместе с тем данная группа «не могла ни в какой степени представлять в своем лице волю иракского населения, и нет ничего удивительного в том, что правительство Его Величества оставило подобные инициативы без внимания»¹⁷. Относительно самого Нури Саида Янг писал, что его взгляды (изложенные в письме Саида Янгу в апреле 1920 г.) «не были мнением антиевропейского экстремиста, скорее – националиста. Эти взгляды обнаруживают незнание реального положения дел в Месопотамии и не могут рассматриваться как изъяснение желаний народа Месопотамии, учитывая, что никаких имен вождей или “нотаблей” Нури не упоминает... В то же время было бы глупым игнорировать мнение месопотамцев в Дамаске»¹⁸. Таким образом, по крайней мере, до конца 1920 г. британская администрация не воспринимала своих иракских союзников – офицеров-националистов – как реальную политическую силу. В первые годы существования Иракского королевства влияние Нури Саида и его соратников на политическую жизнь Ирака было основано лишь на авторитете Фейсала и королевского дома Хашимитов. Верно и то, что главной опорой королевской династии в Ираке являлись прежде всего офицеры иракского происхождения, поступившие на службу к Хашимитам либо с началом восстания 1916 г., в числе которых был Нури Саид, либо после окончания войны в 1918 г. Иными словами, королевский двор и офицерский корпус в условиях отсутствия твердой опоры среди широких слоев иракского населения в политическом смысле находились во взаимной зависимости друг от друга.

Число иракских офицеров, завербованных англичанами в Египте и принявших вместе с Нури Саидом участие в восстании эмира Хусейна, было сравнительно незначительным. Во время подготовки восстания к 1915 г. менее 50 офицеров-выходцев из Месопотамии согласились приехать в Хиджаз для подготовки восстания, а к моменту взятия Багдада в окружении Фейсала, который тогда находился в Сирии, их насчитывалось около 190 человек¹⁹. Это обстоятельство затем нашло отражение в социальном портрете элиты монархического Ирака. Пополнившие бюрократический и военный аппарат нового государства участники восстания составили узкую

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Цит. по: Townsend, p. 144.

¹⁹ Reeva S. Simon. *Iraq Between the Two World Wars: the Creation and Implementation of a Nationalist Ideology*. NY: Columbia University Press, 1986. P. 47.

и немногочисленную прослойку людей, практически не имевших поддержки среди старых элит Месопотамии – религиозных лидеров, племенных шейхов и крупных землевладельцев. Еще в 1916 г. отец первого короля Ирака Фейсала, шариф Мекки Хусейн, в переписке с одним из участников Хиджазского восстания Мухаммадом Шарифом аль-Фаруки жаловался, что его сын имел поддержку «лишь у представителей “третьего класса”»²⁰. Действительно, наиболее влиятельные члены окружения Фейсала, присоединившиеся в 1916 г. к Хиджазскому восстанию, – Нури Саид, Джафар аль-Аскари, Джамиль аль-Мидфай и Али Джаудат аль-Айюби²¹ имели незнатное происхождение²². Это в некоторой мере объясняет тот факт, что лица, стоящие у истоков создания иракского государства, практически не имели социальной базы внутри страны. Приведенное замечание Бёрдвуда о раннем периоде службы Нури Саида и его дружеских контактах с племенными шейхами вряд ли заслуживает серьезного внимания – восемнадцатилетний рядовой сборщик налогов, скорее всего, не мог заручиться поддержкой тех шейхов, у которых он эти налоги собирал. Представители «старых» элит Месопотамии возражали против того, что на главные роли в политической жизни новой страны теперь претендуют «выдвиженцы» чуждого им хиджазца Фейсала и стоящих за ним британцев. Более того, в самом начале 1920-х годов в Ираке весьма активно действовала пропаганда, исходящая из соседней кемалистской Турции. Основной «аудиторией» для различных турецких воззваний были те представители иракского общества, которых не привлекала перспектива стать подданными хашимитского короля в рамках мандата Британии, при том что общее

²⁰ *Аль-Маусили, Мухаммад Тахир аль-‘Умари. Тарих мукаддират аль-‘ирак ас-сиясийя. Багдад, аль-матба‘а аль-‘асрийя, 1925. С. 227.*

²¹ В англоязычных источниках и исследованиях для обозначения последователей Фейсала, участвовавших в Хиджазском восстании 1916 г., часто используется наименование “the Sharifians”. Однако в русскоязычной литературе по истории Ирака 1920-х годов конкретного термина для обозначения этой группы людей введено не было.

²² Как правило, выходцы из знатных семей в Ираке отличались тем, что еще при османах носили передающееся по наследству фамильное имя, а представители «низших» слоев получили фамилии уже после образования иракского королевства. Так, сын мелкого служащего Нури Саид взял себе фамилию по имени своего отца так же, как и Али Джаудат аль-Айюби; сын османского офицера Джаафар аль-Аскари родился недалеко от г. Киркук в селении Аскар, от названия которого получил свою фамилию. Будучи артиллеристом, Джамиль аль-Мидфай взял себе фамилию от названия военной специальности. Об этом см.: *Batatu Hanna. The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq. A Study of Iraq’s Old Landed and Commercial Classes and of its Communists, Ba’athists and Free Officers. L.: Saqi Books, 2004. P. 258.*

настроение, например, в Багдаде и Басре относительно приезда Фейсала в Ирак и его последующей коронации, было весьма благожелательным. Однако, если отношение британцев к Нури Саиду и его соратникам в 1920 г. было пренебрежительным, то в начале 1921 г., иракским офицерам в месопотамской политике англичан стала отводиться та роль, которой они добивались с конца войны – роль строителей иракского государства. Намерение создать это государство было зафиксировано уже на Каирской конференции весной 1921 г., где присутствовал ряд деятелей британской политики на Ближнем Востоке и некоторые представители иракского офицерства, в том числе будущий министр обороны Джаафар аль-Аскари.

Нури Саид перебрался из Дамаска в Багдад в феврале 1921 г. Буквально на следующий день состоялась его встреча с комиссаром Перси Коксом, его помощницей Гертрудой Белл и рядом других британских официальных лиц. Интересно первое впечатление, составленное Белл о Нури Саиде: «Когда я его увидела, я поняла, что перед нами находится человек мощной и гибкой силы, которую нам придется либо использовать, либо преодолевать в тяжелой борьбе – слишком тяжелой, чтобы побеждать в ней. Он взял слово и в нескольких фразах представил свою программу, заключавшуюся в созыве Учредительного собрания, которое должно было выполнить следующие задачи: 1) назначение Кабинета; 2) выбор правителя; 3) принять закон о той или иной форме призыва в арабскую армию; 4) разработка флага. Мы ответили: “хорошо” и приступили к обсуждению деталей...» Наибольший интерес у собеседников Нури Саида вызвал второй пункт, и с оговоркой о «возможных возражениях (явная отсылка к Сейиду Талибу)... он нехотя ответил, что кроме Фейсала возглавить Ирак никто не сможет. Затем мы отправили его к сэру Перси, который убедил его в своем желании установить как можно скорее стабильное правительство. Однако до конференции в Каире он не мог дать согласие на какой-либо конкретный вариант, и поэтому он упросил Нури не вести никакой пропаганды до своего возвращения из Каира. Нури с готовностью согласился в дальнейшем “попридержаться” младоарабскую партию... чтобы любая политическая деятельность была приостановлена»²³.

Таким образом, прочные контакты Нури Саида с британской администрацией в Месопотамии установились лишь не раньше 1921 г., а до этого иракские националистически настроенные офи-

²³ Письмо Гертруды Белл 24 февраля 1921 г. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=460

церы не находили поддержки у своих британских союзников, более того – скорее вызывали их раздражение. Однако весной 1921 г. начала осуществляться именно та идея, которую Нури Саид высказывал еще в 1918 г. генералу Алленби. Иными словами, даже если говорить о том, что Иракское королевство – лишь продукт британской политики на Ближнем Востоке в межвоенный период, то идея создания государства появилась у иракских офицеров-националистов гораздо раньше, чем о ней заговорили на Каирской конференции в марте 1921 г. Более того, без той роли, которую в дальнейшем играли офицеры в деле строительства государственной администрации Ирака, создание полноценного государства вряд ли было возможно, так как эта сравнительно малочисленная группа людей больше других была заинтересована в образовании стабильного и в дальнейшем независимого государства. Между тем существовал ряд угроз для стабильности создаваемого королевства. «Друзья-националисты обеспокоены активностью турок на границах и сильными протурецкими настроениями в стране, – писала Г. Белл. – Они считают, что возвращение турок неминуемо положит конец их надеждам, а именно установлению независимого арабского государства. Мы хотим поощрять подобные настроения, а поскольку они распространены исключительно среди “the Sharifians”, то нам стоит поддерживать их в первую очередь, как мы и решили в Каире»²⁴. Вполне объяснимо то, что без военной поддержки со стороны Британии Ирак был еще слишком слабым государством, чтобы своими силами противостоять более сильным соседям – Турции и Ирану, несмотря на то, что последние сами находились в состоянии глубокого экономического и политического кризиса. «Ни один националист не станет отказываться от британской поддержки»²⁵ – подытоживала Белл. На сам момент создания государства помощь от Британии имела решающее значение.

Отношения с Великобританией оставались одним из самых горячо обсуждаемых вопросов иракской политики с момента основания государства, так как этот вопрос был напрямую связан с суверенитетом страны и с политическим положением тех, в чьих руках находились бразды правления. Если мандат на управление Месопотамией Британия получила 25 апреля 1920 г. на конференции в Сан-Ремо, а Фейсал был коронован на трон Ирака в августе 1921 г., то соответствующий англо-иракский договор, который формально

²⁴ Письмо Гертруды Белл от 5 июня (мая?) 1921 г. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=476

²⁵ Там же.

устанавливал мандат Британии над Ираком²⁶, был подписан только 10 октября 1922 г., а ратифицирован Учредительным собранием уже 19 декабря 1924 г.²⁷ Изначально англо-иракский договор предусматривал действие мандата сроком на 20 лет, но в дальнейшем были приняты договоры 1926, 1927 и 1930 гг., согласно которым срок мандата менялся. Так, договор 13 января 1926 г. продлевал срок действия договора 1922 г. до 1950 г., если Ирак к тому времени не станет членом Лиги Наций. В декабре 1927 г. во время визита Фейсала в Лондон бывший тогда премьер-министром Джаафар аль-Аскари и помощник министра по делам колоний Уильям Ормсби-Гор подписали новый договор, предусматривавший вступление Ирака в Лигу Наций в 1932 г. Договор, однако, не был ратифицирован парламентом Ирака (действовавшим с 1925 г.), а его обсуждение было настолько бурным, что уже публикация договора вызвала отставку Джаафара аль-Аскари, а также наиболее ярых оппозиционеров режиму мандата – Ясина аль-Хашими, бывшего тогда министром иностранных дел, и Рашида Али аль-Гайлани, занимавшего пост министра внутренних дел²⁸. На протяжении 1930-х годов эти политические фигуры будут составлять наиболее активную оппозицию политике Нури Саида.

В течение этого периода Нури Саид в основном оставался в стороне от наиболее серьезных вопросов иракской политики. Являясь сначала заместителем главнокомандующего Фейсала, а затем министром обороны, Нури Саид уделял большое внимание вопросам создания национальной иракской армии, а также урегулированию пограничного спора с Турцией. Поскольку правительства, последовательно возглавляемые Джаафаром аль-Аскари и Абд аль-Мухсином Саадунем, так и не смогли обеспечить ратификацию договора 1927 г., который бы предусматривал более ранний срок вступления Ирака в Лигу Наций, 13 марта 1930 г. Фейсал назначил на пост премьер-министра и министра иностранных дел Нури Саида. Фейсал был заинтересован в том, чтобы получить официальную независимость для своего королевства как можно скорее. Вместе с тем условия,

²⁶ На Каирской конференции было принято решение, согласно которому «мандатное управление» Ираком должно осуществляться на основе договора между Иракским королевством и Великобританией – об этом см. Hubert Young, *The Independent Arab. L.*, 1933. P. 326.

²⁷ Учредительное собрание Ирака было создано согласно ст. 3 Англо-иракского договора 10 октября 1922 г. Иными словами, Учредительное собрание только через два года после своего созыва ратифицировало документ, в соответствии с которым оно было создано.

²⁸ Правительство Джаафара аль-Аскари, занимавшего пост премьер-министра уже второй раз, ушло в отставку 9 января 1928 г.

которые предлагало британское правительство, фактически повторяли условия договора 1922 г., в чем Фейсал убедился во время своего визита в Лондон в конце 1927 г.²⁹ В то же время заканчивался срок службы комиссара Генри Доббса, сменившего Перси Кокса в 1923 г. На это место должны были назначить нового комиссара – известного игрока в крикет Фрэнсиса Хэмфриса. В Лондоне же в 1929 г. к власти пришло правительство лейбористов, объявившее о намерении предоставить независимость Ираку³⁰. Таким образом, создались предпосылки для пересмотра англо-иракского договора. Заключение нового соглашения также было главным пунктом программы первого правительства Нури Саида, изложенной им в письме Фейсалу после назначения: «Учитывая заявление правительства Ее Величества 14 сентября 1929 г., мы будем выдвигать условия предоставления нам полной независимости, отмены мандата и заключения договора по примеру договора Британии с Египтом»³¹.

Назначение Нури Саида премьер-министром и министром иностранных дел и фактически главным переговорным лицом со стороны Ирака вызвало неоднозначную реакцию у британцев. Тем не менее Нури Саид быстро развеял сомнения своих британских коллег. Поскольку вопрос англо-иракских отношений регулярно вызывал раскол в политических кругах Ирака, а действия двора и правительства наталкивались на серьезное противостояние со стороны многих политических фигур, Нури Саид выработал свой стиль политического поведения, который в дальнейшем принес ему известность, а именно заставил замолчать прессу, которая в основном выражала более радикальные националистические взгляды и убедил короля приостановить на время работу парламента, который в предыдущие годы и блокировал принятие и ратификацию англо-иракских договоров³².

Новый англо-иракский договор был подписан и ратифицирован 30 июня 1930 г. Главное положение договора – отмена британского мандата и предоставление независимости Ираку в 1932 г. Тогда же

²⁹ Нури Саид вспоминал, что обстоятельства подписания договора были «необычными». Джаафар аль-Аскари в результате отказался от переговоров и уехал в Багдад, и король собирался сделать то же самое, но Черчилль дал понять, что если предлагаемый договор будет подписан, «вопрос может быть решен позднее, несмотря на то, что документ вряд ли будет ратифицирован». Об это см.: Birdwood, p. 147.

³⁰ *Аль-Хасани, 'Абд ар-Раззак. Тарих аль-визарат аль-'иракиййя*, дж. 3. Сайда, 1966. С. 6 – 8.

³¹ Там же.

³² *Phebe M. The Modern History of Iraq*. Boulder, 2012. P. 33.

должно было состояться и принятие страны в Лигу наций. Тем не менее, если основной текст договора практически не вызвал критики в Ираке, то военное приложение к договору было встречено в штыки многими политиками и прессой, даже несмотря на жесткие меры Нури Саида. Прежде всего стоит отметить, что в соответствии с военным приложением к договору в Ираке по-прежнему оставались английские войска. Хотя британцы должны были эвакуировать свои силы из Мосульского вилайета, им предоставлялись в аренду три военные базы на территории Ирака к западу от Евфрата, в том числе авиабаза Хаббанийя. Британские ВВС могли свободно использовать воздушное пространство в случае войны или «угрозы войны». Важным моментом стал вопрос об охране британских военных объектов на территории Ирака. Согласно договору войска для соответствующих целей должны были набираться из числа иракских военнослужащих на добровольной основе. В дополнение к военному соглашению Нури Саид 30 июня 1930 г. отправил секретное письмо комиссару в Багдаде Хэмфрису, в котором уточнял порядок управления «специальными силами». В частности, отмечалось, что, если в обычной практике официально командовавшие иракскими военнослужащими британские командиры отдавали приказы через иракских офицеров, то в данном случае «Его Величество не будет возражать, если британцы будут отдавать приказы напрямую, без участия иракских офицеров»³³. Иными словами, учитывая важность охраны аэродрома Хаббанийя и других объектов для британцев, Нури Саид отдавал им все рычаги управления выделенными для этого силами (насчитывавшими 1250 человек), косвенно признавая всё еще приоритетную роль британского командования в управлении вооруженными силами Ирака.

Несмотря на то что судьба договора 1930 г. была достаточно долгой, в отличие от договоров 1922, 1926 и 1927 гг.³⁴, этот договор был с негодованием встречен иракской общественностью. На страницах газеты «аль-Алям аль-Араби» («Арабский мир») различные иракские общественные и политические деятели подвергли договор яростной и жесткой критике. Так, Ясин аль-Хашими утверждал, что договор отдаляет Ирак от арабского мира. Рашид Али аль-Гайлани

³³ См. текст договора в *Аль-Хасани*, *‘Абд ар-Раззак*. Тарих аль-визарат аль-‘иракиййя, дж. 3. Сайда, 1966. С. 18–26.

³⁴ В письме Нури Саида см. с. 27–28.

³⁴ Договор 1930 г. был впоследствии заменен договором 1955 г., во время создания Багдадского пакта, в чем ведущую роль также играл Нури Саид.

писал, что отмена временного мандата обернулась вечной оккупацией. Известный деятель национально-освободительного движения, основатель Национальной партии («аль-Хизб аль-Ватани»), депутат Камиль аль-Чадарчи также считал, что Ирак в результате остался навеки оккупированным и что отношения Ирака с другими арабскими странами пришел конец. Известный юрист Хамди Пачачи писал, что соглашение закрепляет гнет колониализма над Ираком и лишает его международной поддержки в антиколониальной борьбе, и если до этого в распоряжении британцев в Ираке находилась только одна база аль-Хунейди (أيديندل)، то теперь британцы получают три базы вместо одной, и Ирак остается добычей в руках англичан³⁵.

Таким образом, политика Нури Саида во время его первого премьерства в 1930 г. носила неоднозначный характер. Достижение Ираком формальной независимости в 1932 г. ознаменовало реализацию идей иракских националистов, принявших участие в антиосманском восстании Хусейна. В то же время независимость Ирака в представлении Нури Саида и его соратников из раннего окружения Фейсала (тех, кто примкнул вместе с Нури Саидом к восстанию в 1916 г.) твердо ассоциировалась с тесным сотрудничеством с Британией, даже если это сотрудничество шло вразрез с представлениями о достижении реальной и полной независимости Ирака. Стоит отметить, что как заместитель Фейсала на посту главнокомандующего, Нури Саид не недооценивал роль британцев в формировании вооруженных сил Ирака, особенно когда речь шла об умиротворении курдских племен Мосульского вилайета. Более того, Нури Саид, как и Джаафар аль-Аскари, Джамиль аль-Мидфаи и ряд других, в том числе и сам Фейсал, прошли боевой путь от Хиджаза до Дамаска и Алеппо вместе с британской армией и были прямыми участниками событий, в результате которых стало вообще возможным говорить о создании какого бы то ни было независимого арабского государства на Ближнем Востоке. Довольно показательно и то, что, например, такой антибританский политик, как Ясин аль-Хашими, в отличие от Нури Саида, не переходил на сторону союзников и к тому же происходил из семьи старосты одного из кварталов Багдада, т.е. имел положение внутри городской иерархии. Лояльность Нури Саида и его сторонников интересам Британии в регионе была, таким образом, полностью продиктована той ролью, которую она сыграла в крушении османского господства на Ближнем Востоке.

³⁵ Газета Аль-‘Алям аль-‘араби, № 2024–2025, 17–18.10.1930, цит. по: Аль-Хасани, ‘Абд ар-Раззак. Тарих аль-визарат аль-‘иракиййя, дж. 3. Саида, 1966. С. 51–53.

Нури Саид и в дальнейшем остался проводником британских интересов в Ираке и на Ближнем Востоке вообще. Тем не менее внешнеполитические стремления Нури Саида, выходявшие за пределы границ Ирака, в основном были выдержаны в ключе панарабизма и арабского национализма в его собственном понимании (гораздо более консервативном, чем, скажем, национализм Насера или партии «Баас» в Сирии и Ираке). Так, Нури Саид вынашивал планы объединения Ирака со странами Восточного Средиземноморья, в частности, с Сирией и Иорданией. Последняя, кстати, в его глазах вообще была «искусственным образованием»³⁶. В то же время его политика в этом направлении была довольно умеренной. Он неоднократно предлагал планы объединения Ирака с Сирией, в котором Ирак как более мощное и развитое государство играл бы главную роль. Однако, в конце концов, он был вынужден отказаться от этой идеи по причинам как внешнеполитического, так и внутриполитического характера. Политическая нестабильность в Сирии 1940–1960-х годов вызывала у Нури Саида беспокойство из-за возможности распространения этой нестабильности в Ирак. Вместе с тем король-регент Ирака, племянник Фейсала Абд аль-Илях (правил после смерти наследника Фейсала Гази I в 1939–1953 гг.), сам мечтал присоединить Сирию к Ираку и править ей в качестве вице-короля по достижении совершеннолетия Фейсала II, наследника Гази I. Такое усиление позиций регента было нежелательным для Нури Саида, который находился в оппозиции к Абд аль-Иляху из-за его антибританских и про-германских взглядов³⁷.

Таким образом, анализируя этап деятельности Нури Саида сначала как офицера в армии мекканского шерифа, затем иракского политика и премьер-министра, можно прийти к выводу – на полях сражений Первой мировой войны, а также на полях дипломатических переговоров на рубеже 1920–1930-х годов Нури Саид сделал намного больше для достижения иракской независимости, чем многие из его политических оппонентов, критиковавших его за излишне пробританские настроения. В то же время его понимание независимости Ирака и предполагало значительную роль Британии в вопросах урегулирования непростых отношений Ирака со своими соседями и обеспечения безопасности Ирака на региональном уровне.

³⁶ Об этом см.: *Gallman W. Iraq under General Nuri. My Recollections of Nuri al-Said. 1954–1958. Baltimore, 1964. P. 135–137.*

³⁷ *Eppel M. Nuri al-Said and Abd al-Ilah's Ambitions in Syria // The Hashemites in the Modern Arab World. Essays in Honour of the late Professor Uriel Dann. L., 1995. P. 152–160.*

Список литературы

1. *Batatu H.* The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq. A Study of Iraq's Old Landed and Commercial Classes and of its Communists, Ba'athists and Free Officers. L., Saqi Books, 2004.
2. *Eppel M.* Nuri al-Said and Abd al-Ilah's Ambitions in Syria // The Hashemites in the Modern Arab World. Essays in Honour of the late Professor Uriel Dann. L., 1995.
3. *Nakash Yi.* Reaching for power: The Shi'a in the modern Arab World. Princeton, Oxford, 2006.
4. *Phebe M.* The Modern History of Iraq. Boulder, 2012.
5. *Reeva S. Simon.* Iraq Between the Two World Wars: the Creation and Implementation of a Nationalist Ideology. N.Y.: Columbia University Press, 1986.
6. *Saul S.* Masterly Inactivity as Brinkmanship: The Iraq Petroleum Company's Route to Nationalization, 1958–1972 // International History Review. Vol. 29. № 4. December. P. 746–792.
7. *Townsend J.* Proconsul to the Middle East: Sir Percy Cox and the End of Empire. L.; N.Y., 2010.
8. *Ар-Риджа, Хусейн Хусни Хаттаб.* Татаввур аль-‘алякат аль-‘иракийя аль-британийя ва асаруха. Ан-Наджаф аль-ашраф, 1976.
9. *Аль-‘Узри, Абд аль-Карим.* Мушакилат аль-хукм фи-ль-‘ирак. Л., 1991.

Источники

1. *Bell H.* 24 February. 1921. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=460
2. *Bell H.* 5 June (May?). 1921. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=476
3. *Birdwood L.* Nuri as-Said. A Study in Arab Leadership. L.: Cassell, 1959.
4. *Gallman W.* Iraq under general Nuri. My recollections of Nuri Said, 1954–1958. Baltimore, 1964.
5. *Lawrence T.E.* Revolt in the Desert. Gloucestershire, Amberley, 2014.
6. *Lawrence T.E.* Seven Pillars of Wisdom. L., 1926.
7. Political Diaries of the Arab World: Iraq. Vol. 7 (1948–1958). Oxford, 1998.
8. *Dr. Sinderson Pasha H.* Ten Thousand and One Nights. L.: Hodder and Stoughton Press, 1973.
9. *Young H.* The Independent Arab. L., 1933. Арабский текст, выделенный желтым маркером надо дать в транскрипции.
10. *Аль-Хасани, ‘Абд ар-Раззак.* Тарих аль-визарат аль-‘иракийя, дж. 3. Сайда, 1966.
11. Аль-‘алям аль-‘араби № 2024 – 2025, 17 – 18.10.1930.
12. *Аль-Маусили, Мухаммад Тахир аль-‘Умари.* Тарих мукаддират аль-‘ирак ас-сиясийя. Багдад, аль-матба‘а аль-‘асрийя, 1925.

References

1. *Batatu H.* *The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq.* A Study of Iraq's Old Landed and Commercial Classes and of its Communists, Ba'athists and Free Officers. L., Saqi Books, 2004.
2. *Eppel M.* *Nuri al-Said and Abd al-Ilah's Ambitions in Syria.* The Hashemites in the Modern Arab World. Essays in Honour of the late Professor Uriel Dann. L., 1995, pp. 152–160.
3. *Nakash Yi.* *Reaching for power: The Shi'a in the modern Arab World,* Princeton, Oxford, 2006.
4. *Phebe M.* *The Modern History of Iraq.* Boulder, 2012.
5. *Reeva S. Simon.* *Iraq Between the Two World Wars: the Creation and Implementation of a Nationalist Ideology.* N.Y., Columbia University Press, 1986.

6. Saul S. *Masterly Inactivity as Brinkmanship: The Iraq Petroleum Company's Route to Nationalization, 1958–1972*. International History Review, vol. 29, № 4, December 2007, pp. 746–792.
7. Townsend J. *Proconsul to the Middle East: Sir Percy Cox and the End of Empire*. L., N.Y., 2010.
8. Al-Rijaa', Husein Husni Khattab. *Tatawwur al-'alaqat al-'Iraqiyya wa-l-britaniyya wa-'atharuha* (The Development of Iraqi-British Relations). Najaf, 1976.
9. Al-'Udhri, 'Abd al-Karim. *Mushakkilat al-hukm fi-l-'Iraq* (The Problems of Power in Iraq). L., 1991.

Sources

1. Bell H. 24 February 1921. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=460
2. Bell H. 5 June (May?) 1921. URL: http://www.gerty.ncl.ac.uk/letter_details.php?letter_id=476
3. Birdwood L. *Nuri as-Said. A Study in Arab Leadership*. L., Cassell, 1959.
4. Gallman W. *Iraq under general Nuri. My recollections of Nuri Said, 1954–1958*. Baltimore, 1964.
5. Lawrence T.E. *Revolt in the Desert*. Gloucestershire, Amberley, 2014.
6. Lawrence T.E. *Seven Pillars of Wisdom*. L., 1926.
7. *Political Diaries of the Arab World: Iraq*, vol. 7 (1948–1958). Oxford, 1998.
8. Dr. Sinderson Pasha H. *Ten Thousand and One Nights*. L., Hodder and Stoughton Press, 1973.
9. Young H. *The Independent Arab*. L., 1933.
10. Al-Hasani, Abd al-Razzaq. *Tarikh al-Wizarat al-'Iraqiyya, al-juz' al-thalith* (The History of Iraqi Governments, vol. 3). Sidon, 1966.
11. *Al-'Alam al-'arabi*, № 2024–2025, 17–18.10.1930.
12. Al-Mawsili, Muhammad Tahir al-'Umari. *Tarikh muqaddirat al-'Iraq al-siyasiyya*. Baghdad, al-Tab'a al-'Asriyya, 1925.

Сведения об авторе: Бреховских Андрей Андреевич, аспирант кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: anbrekh@gmail.com

About the author: Brekhovskikh Andrey Andreyevich, PhD student of the Department of History of Near and Middle East, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: anbrekh@gmail.com

И.А. Петров

ХАЙДАРАБАД НА СТЫКЕ ЭПОХ: ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ЮЖНОЙ АЗИИ И ИНТЕГРАЦИЯ В ИНДИЙСКИЙ СОЮЗ

В статье рассматривается судьба крупнейшего на территории Индостана княжества Хайдарабад после его интеграции в доминион Индийский Союз. Декolonизация Южной Азии затронула не только провинции Британской Индии, но и многочисленные индийские княжества, число которых достигало 600. В отечественной историографии упор делается на события, происходившие на территории Британской Индии. В данной статье исследуется процесс деколонизации в индийских княжествах, в частности, в Хайдарабаде, который располагался в самом центре Индостана и обладал важным стратегическим значением. Присоединение Хайдарабада к Индийскому Союзу проходило военным путем, и в статье анализируются последствия данного явления.

Ключевые слова: деколонизация Южной Азии, интеграция 1947–1948 гг., межобщинные столкновения, княжество Хайдарабад.

This article deals with the fate of Hyderabad, the largest princely state in South Asia, after it was integrated into the Indian Union. The decolonization of South Asia affected not only the provinces of British India, but also most of the 600 Indian princely states. Russian historiography pays special attention to the events that took place in British India. The author analyzes the decolonization of Indian princely states, in particular, the case of Hyderabad, which was exceptionally important due to its strategic location within India. Hyderabad was forcedly integrated into India, so this article dwells on the aftermath of this event.

Key words: Decolonization of South Asia, 1947–1948 Integration, Communal Violence, The Princely State of Hyderabad.

Вопрос о статусе княжеств занимал важнейшее место в британских планах изменения политического устройства Индии после окончания Второй мировой войны. В июне 1947 г. последний вице-король Индии лорд Маунтбэттен представил план, в соответствии с которым на территории Британской Индии было образовано два доминиона – Индийский Союз (ИС) и Пакистан. Помимо основных положений, касающихся раздела провинций Британской Индии между двумя доминионами, важным вопросом было решение судьбы многочисленных индийских княжеств. Для них существовали

три варианта: присоединиться к Индийскому Союзу, войти в состав Пакистана или сохранить свою независимость. Низам Хайдарабада выбрал третий вариант.

Амбициозные устремления низама сохранить за Хайдарабадом статус независимого государства или доминиона в рамках Содружества наций были полностью поддержаны партией Маджлис иттихад-ул-муслимин (МИМ)¹. Это была крупнейшая политическая организация, которая представляла интересы мусульман Хайдарабада, и она была основана в 1920-е годы. После смерти главы МИМ Бахадура Яра Джанга в 1944 г. его должность занял Касим Разви. В 1940-е годы при МИМ была создана военизированная организация, участников которой называли *разакарами*². В эту организацию входила часть мусульманской верхушки княжества, большинство же составляли молодые люди из простых мусульманских семей. Основной задачей разакары считали защиту последователей ислама в Хайдарабаде и сохранение их господствующего положения, поскольку к этому моменту в районах, граничивших с провинциями Британской Индии, были зафиксированы многочисленные случаи межобщинных столкновений, во время которых опасности подвергались жизнь и имущество мусульман. Однако из-за малочисленности армейских подразделений княжества и отсутствия достаточного вооружения было затруднительно противостоять данным нападениям. Вследствие этого множество мусульман, в основном крестьяне, бежали в столицу княжества. В сложившейся ситуации Касим Разви представил проект, в котором предлагалось сплотить местное население для самообороны. С этой целью в отдаленные районы княжества отправлялись отряды добровольцев – разакаров, которые обязаны были защищать людей и их имущество, а также обучить население самообороне.

В августе 1947 г. началась разработка соглашения между правительствами Индийского Союза и Хайдарабада, которое было готово к октябрю 1947 г. Документ получил название «Соглашение о переходном периоде» (Stand-still agreement), и в нем было пять пунктов: 1) вопросы, связанные с обороной, внешними отношениями и коммуникациями, переходили в ведение индийского правительства; 2) низам и правительство Индии согласились назначить своих представителей в Дели и Хайдарабаде соответственно; 3) было определено, что отношения между Индией и Хайдарабадом не будут

¹ Маджлис иттихад-ул-муслимин – Совет мусульманского единства (урду).

² Урд. «добровольцы».

строиться на основе принципа верховенства; 4) в случае возникновения споров относительно пунктов договора обе стороны обязывались назначить посредников для решения проблемы; 5) договор вступал в силу со дня его подписания сроком на один год.

Правительство Индии в лице Джавахарлала Неру считало, что «Соглашение о переходном периоде» позволит обеспечить мир между индусской и мусульманской общинами еще на год, пока не будет подготовлена почва для безболезненной интеграции Хайдарабада в Индийский Союз. Маунтбаттен был полностью уверен в том, что низам, подобно большинству индийских князей, примет решение о включении своих владений в ИС. Однако Осман Али смотрел на сложившуюся ситуацию по-иному. Для него заключение договора с Дели всего лишь давало отсрочку, которая была необходима для наращивания военной мощи Хайдарабада. Подписание договора гарантировало вывод индийских войск с территории княжества, и в то же самое время позволило низаму предпринять необходимые меры для осуществления своей мечты – создать независимое мусульманское государство на Декане.

Во время всех событий, связанных с разделом Британской Индии и образованием Индийского Союза и Пакистана, Хайдарабад стал единственным оплотом для мусульман центральной и южной Индии, которые не смогли переселиться в Пакистан. За последнюю четверть 1947 г. границу княжества Хайдарабад пересекли около одного миллиона мусульман из близлежащих районов Индии. Правительство низама опасалось, что оно не справится с таким потоком переселенцев. Вскоре все городские и многие сельские районы оказались заполнены беженцами. Изначально правительство Индии не придавало данному явлению серьезного значения, даже наоборот, многие индийские лидеры видели в этом огромный плюс, поскольку «исход» мусульман в Хайдарабад разряжал межобщинную напряженность в провинциях ИС. Но это оказалось палкой о двух концах. Очень скоро в Дели осознали, что увеличение концентрации мусульман в Хайдарабаде может привести к серьезным последствиям, так как индусы княжества начали бояться того, что их начнут выгонять из домов, куда будут вселять мусульманских беженцев. Во многих районах Хайдарабада индусы, опасаясь ухудшения своего положения, стали перебираться на территорию ИС, прося у правительства Индии защиты от мусульманского засилья³.

³ *Ali Mir Laik. Op. cit. P. 127.*

Низам продолжал увеличивать численность своей армии и отрядов разакаров, для вооружения которых он ввозил оружие из Пакистана через воздушный коридор Карачи – Хайдарабад. В то время в Хайдарабаде имелись регулярные воинские подразделения (25 тыс. человек) и отряды полицейских общей численностью 35 тыс. В июле 1948 г. правительство Индии было вынуждено предпринять ряд мер против низама: оно заморозило ценные бумаги низама в индийских банках, поскольку тот стал переправлять их в Пакистан; запретило вывоз золота и валюты из Индии в княжество и отказалось снабжать бензином авиатранспортную компанию, самолеты которой связывали Хайдарабад с внешним миром⁴. Таким образом, Индия объявила Хайдарабаду экономическую блокаду.

Возмущенный действиями индийского правительства, Осман Али Хан обратился за помощью в ООН в августе 1948 г. Однако ответ представителей ООН был однозначным: вмешательство третьей стороны в сложившихся обстоятельствах представляется неуместным, поскольку Индия и Хайдарабад связаны положениями «Соглашения о переходном периоде», на основании которого княжество передало полномочия по внешнеполитическим вопросам Индии на год, начиная с 29 ноября 1947 г.⁵

К концу августа 1948 г. индийская армия практически окружила княжество со всех сторон и была готова к решительным действиям по первому сигналу. Разакары ужесточили свою деятельность, терроризируя индусов во многих городах и зазывая мусульманских беженцев из Индии; Касим Разви надеялся, что это изменит демографическую ситуацию в пользу мусульманской общины. Стали распространяться слухи о том, что, если индийские войска вторгнутся на территорию Хайдарабада, миллионы мусульман в Индии и Пакистане поднимутся в защиту княжества.

13 сентября 1948 г., после того, как низам отказался выполнить требования делийского правительства распустить разакаров и разрешить в Хайдарабаде размещение военных частей Индийского Союза, индийская армия вступила на территорию княжества, не встретив серьезного сопротивления. Ввод индийских войск на территорию княжества Хайдарабад получил название «операция Поло» (по названию штаб-квартиры индийской армии⁶). Атаку индийских

⁴ Девяткина Т.Ф. Ликвидация княжеств в современной Индии. М., 1961. С. 72.

⁵ Ali Mir Laik. Op. cit. P. 242.

⁶ Точнее, индийская армия располагалась на одном из полей для поло, которых в Хайдарабаде было большое количество.

войск отражала армия Хайдарабада во главе с генерал-майором Эл-Эдрусом, а также отряды разакаров под командованием Касима Разви.

К 17 сентября индийские войска под руководством генерал-майора Чаудхури полностью овладели ситуацией, хайдарабадская армия и разакары понесли значительные потери (около 800 человек⁷). К вечеру Осман Али Хан, опасаясь за жизнь своих подчиненных, отдал приказ своей армии прекратить огонь. Таким образом, война продолжалась всего лишь 108 часов («сточасовая война»). В 4 часа дня 18 сентября 1948 г. армия низама капитулировала. Княжество Хайдарабад теперь становилось составной частью доминиона Индийский Союз.

Город Хайдарабад в тот день значительно изменился. Как отмечает хайдарабадский историк Нарендра Лютер, из города исчезли люди в форме цвета хаки, многие сбрили бороды⁸. Казалось, что неистовствующая и кричащая толпа разакаров чудесным образом испарилась. Горожане, которые до этого прятались в укрытиях, опасаясь военных действий, постепенно возвращались к мирной жизни. Спустя несколько дней низам в своем выступлении по радио сообщил подданным о присоединении Хайдарабада к ИС и отзыве прошения из ООН⁹.

Мечты Османа Али Хана о независимом мусульманском государстве окончательно рухнули. Низам оставался формальным главой Хайдарабада, однако реальная власть находилась в руках военного губернатора генерал-майора Чаудхури. 6 декабря 1948 г. низам издал *фирман*¹⁰ о роспуске Законодательного собрания Хайдарабада и необходимости провести новые выборы. Год спустя был выпущен еще один фирман, в котором говорилось, что Конституция Индии становилась также и Конституцией Хайдарабада. Таким образом, Хайдарабад стал 562-ым княжеством, вошедшим в состав Индийского Союза. Теперь это княжество получило название штат Хайдарабад¹¹.

⁷ Для сравнения: индийская сторона потеряла убитыми лишь 10 человек.

⁸ Разакары, основную массу которых составляли мусульмане, носил бороды и униформу цвета хаки. Скорее всего, Лютер намекает на то, что многие участники организации попытались скрыть свою причастность к ней. Кто-то бежал из Хайдарабада, а кому-то пришлось изменить свое поведение и образ жизни.

⁹ Luther N. Nizam and the Radio // Narendra Luther: e-paper. 2006. URL: www.narendraluther.hyderabad.in (Retrieved 11/08/2016).

¹⁰ Фирман – официальный указ правителя.

¹¹ Zubrzycki J. Op. cit. P. 198.

События, связанные с вхождением княжества Хайдараб в Индийский Союз, являются одной из самых драматичных страниц в истории интеграции индийских княжеств конца 1940-х – начала 1950-х годов¹². Изначально индийские лидеры были крайне негативно настроены к низаму и его правительству, и боевые действия между хайдарабскими войсками и индийской армией лишь усилили эту антипатию. Руководители из Дели обдумывали проект отстранения Османа Али Хана от власти, более того появились идеи о расформировании княжества Хайдараб. Однако данный план был отложен, и низам сохранял свой статус, поскольку он пользовался поддержкой как со стороны мусульманской общины Хайдараб, так и со стороны индусов. Кроме этого низам Осман Али Хан обладал определенным авторитетом на мировом уровне. Индийское правительство опасалось того, что лишение династии Асаф-Джахи¹³ властных полномочий вызовет шквал негодования среди мусульманского населения, которое в лице низама видело свою моральную опору. Возмущение мусульман могло породить новую волну межобщинных столкновений, чего делийское правительство не хотело допустить.

Стоит отметить, что не все мусульмане Хайдараб поддерживали «великодержавные» настроения низама и разакаров. Существовала группа мусульман, которая пыталась противостоять политике низама и его окружения, действия которых могли привести к катастрофе. Действительно, положение Хайдараб после военной операции было малоутешительным. Финансы княжества находились в плачевном состоянии, так как большая часть расходов казны шла на военные нужды. Государственный аппарат практически перестал функционировать, поскольку многие гражданские и военные служащие покинули свои посты. После присоединения Хайдараб к Индийскому Союзу индийские власти осуществили тотальную чистку администрации княжества, в ходе которой мусульмане, занимавшие господствующее положение в управлении, уступили свои позиции представителям индусской общины. До этого в полиции доля мусульман составляла до 95 %, в то время как армия практически полностью была мусульманской, и большая часть военных поддерживала разакаров¹⁴.

¹² Ситуация в княжестве Джамму и Кашмир была критичнее, и статус данной области не определен до сих пор.

¹³ Правившая династия Хайдараб (1724–1948).

¹⁴ Menon V.P. Op. cit. P. 260.

После прихода индийской армии в Хайдарабад межобщинная ситуация обострилась. Как упоминалось ранее, во многих городах Хайдарабада поселилось значительное число мусульман из Индийского Союза и Пакистана, которые были «приглашены» низамом. Хайдарабадские мусульмане начали переселяться из деревень в города, в основном в столицу княжества, опасаясь расправы со стороны индусов – жертв разакаров. В свою очередь, тысячи индусов, которые бежали на территорию провинций ИС от террора разакаров, постепенно возвращались в Хайдарабад.

Социально-экономическое положение мусульман кардинально изменилось. Если раньше представители мусульманской общины составляли социальную верхушку Хайдарабада и входили в правящую элиту, то теперь они стали одной из самых бедных групп, лишенных своих должностей и привилегий. Хайдарабад конца 1940-х годов представлял собой мусульманский «остров», окруженный со всех сторон индусским «морем».

Несмотря на то что индийское правительство ввело на территории княжества военное положение, там то и дело вспыхивали межобщинные столкновения. Индусское население, осознав, что мусульмане более не являются господствующей силой в Хайдарабаде, начало гонения на представителей мусульманской общины. Это был ответ на жестокость разакаров по отношению к индусам, и индусские крестьяне оправдывали свое поведение тем, что мусульмане, которые правили княжеством на протяжении последних 600 лет¹⁵, должны были ответить за свои притеснения. Дж. Неру в ноябре – декабре 1948 г. поручил Сундару Лалу, Абдулу Гаффару и Абдулле Мисри составить доклад¹⁶ о межобщинных отношениях. Согласно данному документу число убитых в княжестве составляло от 27 тыс. до 40 тыс. человек¹⁷, большую часть которых составляли мусульмане. Индийское правительство не решилось сразу обнародовать доклад Сундара Лала. Во-первых, Индия опасалась негативной реакции со стороны Пакистана и индийских мусульман. Во-вторых, индийские власти были обеспокоены тем, как это отразится на отношении мусульманских стран к Индии. Данные о массовых убийствах шли

¹⁵ Начиная со времен Бахманидов в XIV в.

¹⁶ В индийской историографии известен под названием доклад Сундара Лала.

¹⁷ Detailed Report of Pundit Sundar Lal, Qazi Abdul Ghaffar, Maulana Abdulla Misri on the Aftermath of the Police Action (Military Invasion) by the Indian Army of the Hyderabad State in September, 1948. С. 2 // Deccan Chronicle: e-paper.2013. URL: <http://www.deccanchronicle.com/131129/news-current-affairs/article/exclusive-sundarlal-report-police-action> (Retrieved 11/08/2016).

вразрез с образом Индии, следующей ненасильственным принципам М.К. Ганди. Авторы доклада обвиняли индусов в жестоких действиях в отношении мусульман, однако в упоминаемых событиях принимали участие и представители индийской армии, в основном солдаты – индусы и сикхи, которые желали отомстить мусульманам за массовую резню в Панджабе¹⁸.

Больше всего тревожных настроений было среди бывшей правящей верхушки, которая стала беспокоиться о своей будущей судьбе в новом индийском окружении. Большая часть этих людей приняла болезненное для них решение – покинуть Хайдарабад навсегда. Огромное число образованных мусульман переселились в Пакистан, в основном в Карачи – крупнейший город в провинции Синд, где эти люди пополнили ряды мусульманской элиты в новообразованном государстве¹⁹. Состав уехавших в Пакистан хайдарабадских мусульман был многообразным и не ограничивался лишь мусульманской верхушкой. Значительное число беженцев составляли бывшие члены организации разакаров, главным образом, люди моложе 20 лет, которые после победы индийских вооруженных сил боялись расправы со стороны индийской армии и индусов. По мнению этих молодых мусульман, в индийском Хайдарабаде для них не было больше места, а свое будущее они связывали с Пакистаном. Среди беженцев были и рядовые мусульмане, недовольные победой индийского правительства и его новой политикой. В целом в период 1948–1949 гг. Хайдарабад покинуло около 200 тыс. мусульман²⁰.

Улучшение экономической ситуации было приоритетом индийской политики в Хайдарабаде. Первым шагом в этом направлении была отмена системы *джагиров*²¹, и с этой целью была назначена аграрная комиссия. 15 августа 1949 г. был введен Закон о ликвидации системы джагиров²². Данный закон коснулся земельных владений (*сарф-е-хас*) правившей династии. Низам лишался своих поместий, приносивших годовой доход в 25–30 млн рупий, но взамен получал ежегодно сумму в 2,5 млн рупий. Ликвидация системы джагиров серьезно ударила по позициям мусульманских помещиков, которые владели огромными земельными участками. Для них же никакой компенсации не полагалось.

¹⁸ Bawa V.K. The Last Nizam, the Life and Times of Mir Osman Ali Khan. New Delhi, 1992. P. 288–293.

¹⁹ Imam Zafar (ed.) Muslims in India. New Delhi, 1975. P. 81–82.

²⁰ Luther N. Hyderabad, a Biography. New Delhi, 2006. P. 301.

²¹ Джагир – форма землевладения.

²² Jagir Abolition Regulation.

В январе 1950 г., после того как вступила в силу Конституция Республики Индия, низам и индийское правительство подписали соглашение, в соответствии с которым Осман Али Хан назначался *раджпрамукхом*²³ Хайдарабада. В данном соглашении также оговаривалось, что с 1 апреля 1950 г. низам будет получать ежегодное денежное содержание в размере 5 млн рупий, которое освобождалось от налогов. При этом за Османом Али Ханом сохранялись все его драгоценности, украшения, акции, ценные бумаги и другое личное имущество²⁴.

Согласно Конституции 1950 г., Индия становилась союзом штатов, которые были разделены на три большие категории:

группа «А» – бывшие провинции Британской Индии, которые управлялись губернаторами;

группа «В» – бывшие индийские княжества, формально возглавляемые раджпрамукхами (сюда относился Хайдарабад);

группа «С» – бывшие провинции Британской Индии, не имевшие самоуправления, которые возглавлялись комиссарами²⁵.

Все чаще стали возникать идеи о создании штатов на языковой основе, что предполагало серьезное изменение административно-политической карты Индии, поскольку многие народы, говорящие на одном языке, проживали в разных штатах. Первым шагом в этом направлении было выделение из штата Мадрас в 1953 г. штата Андхра, население которого говорило на языке телугу. В декабре 1953 г. Джавахарлал Неру инициировал создание Комиссии по реорганизации штатов²⁶, которая должна была подготовить реформу создания штатов с границами, соответствовавшими лингвистическим признакам. Деятельность данной комиссии коснулась Хайдарабада, который был пестр в языковом плане. Бывшее княжество состояло из трех лингвистически разнородных регионов – Маратхвада (язык маратхи), Карнатака (язык каннада) и Телангана (язык телугу). Члены комиссии, работавшие в Хайдарабаде, признавали, что проблема Хайдарабада была одной из самых важных, которую предстояло решить комиссии. Большая часть членов комиссии выступала за сохранение целостности штата, мотивируя это тем, что он, хотя и является многоязычным, представляет собой комплексное целое,

²³ Губернатор.

²⁴ Zubrzycki J. Op. cit. P. 205.

²⁵ Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. История Индии. М., 2010. С. 440.

²⁶ Она известна также под названием «комиссия Фазала Али» в честь возглавлявшего ее губернатора штата Орисса.

синтез культур, воплощает в себе идею единства индийского народа, и поэтому обязан быть сохранен как пример для подражания.

Те же, кто ратовал за расформирование Хайдарабад, заявляли, что вышеупомянутые районы были объединены лишь при династии Асаф-Джахи, и это объединение не было добровольным. Члены Комиссии подчеркивали, что Хайдарабад является отсталым штатом, в котором антидемократические традиции имеют глубокие корни. Фактически победила точка зрения сторонников ликвидации штата Хайдарабад и образования на его месте национальных штатов²⁷. 1 ноября 1956 г. на основании отчета комиссии Фазала Али был принят Акт о реорганизации штатов. В соответствии с этим актом штат Хайдарабад ликвидировался, Маратхвада отходила к штату Бомбей, Карнатака – к Майсуру, а Телангана объединялась с Андхрой, в результате чего образовался новый штат – Андхра-Прадеш. Город Хайдарабад становился его столицей. На этом закончилась 200-летняя история Хайдарабада как единой территории.

Образование штата Андхра-Прадеш вызвало новую волну «исхода» мусульман из Хайдарабада. Для представителей мусульманской общины ликвидация штата Хайдарабад стала серьезным ударом. Те, кто остался в Хайдарабаде после интеграции княжества в Индийский Союз, находили некоторое утешение в том, что они проживали в пределах когда-то самого могущественного индийского княжества, а низам оставался их формальным главой. Теперь же последний символ мусульманского могущества был уничтожен, и Осман Али Хан лишился всей своей власти, даже формальной. При принятии решения о расформировании штата Хайдарабад никто не спрашивал мнения у последнего низама. Позднее Неру предложил Осману Али пост губернатора Андхра-Прадеша, но низам не принял это предложение.

Декolonизация Южной Азии, происходившая в 1947–1948 гг., имела огромные последствия для Хайдарабада. Последовавший за этим процесс интеграции владений низама в Индию был очень болезненным и по факту проходил с 1948 по 1956 г. В 1956 г. территория бывшего княжества Хайдарабад была разделена между тремя соседними штатами, что заложило основу для последующей политической нестабильности в данном регионе. Речь идет прежде всего о движении за образование штата Телангана, начавшемся в 1960-е годы. Пик данного движения пришелся на 2000-е годы, и в результате активной политической борьбы в регионе в 2014 г. на карте

²⁷ См.: *Девяткина Т.Ф.* Указ. соч. С. 101.

Индии появился штат Телангана. Хайдарабад превратился в общую столицу штатов Андхра-Прадеш и Телангана сроком на 10 лет.

Еще одним важнейшим последствием интеграции стало обострение межобщинных отношений в Хайдарабаде. В ходе событий 1947–1948 гг. и реорганизации штата Хайдарабад 1956 г. из-за усиления индуско-мусульманских столкновений территорию бывшего княжества Хайдарабад покинуло огромное число мусульман. Более того, со второй половины XX в. город Хайдарабад превратился в один из крупнейших центров коммунизма в современной Индии.

Список литературы

1. Алаев Л.Б., Вигасин А.А., Сафронова А.Л. История Индии. М., 2010.
2. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX в. М., 2008.
3. Девяткина Т.Ф. Ликвидация княжеств в современной Индии. М., 1961.
4. Черешнева Л.А. Географические тяготения, или Ностальгия по суверенитету (Хайдарабадская дилемма) // Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность. М., 2016. С. 293–303.
5. Черешнева Л.А. Проблема княжеств во время раздела Британской Индии // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2009. № 4. С. 46–56.
6. Черешнева Л.А. Радуга над Красным фортom. М., 2012.
7. Ali Mir Laik. Tragedy of Hyderabad. Karachi, 1962.
8. Bawa V.K. The Last Nizam, the Life and Times of Mir Osman Ali Khan. New Delhi, 1992.
9. Copland Ian. The Princes of India in the Endgame of Empire, 1917–1947. Cambridge, 2002.
10. Copland Ian. The Princely States, the Muslim League, and the Partition of India in 1947 // The International History Review. Vol. 13. No. 1 (Feb., 1991). P. 38–69.
11. Das Taraknath. The Status of Hyderabad during and After British Rule in India. // The American Journal of International Law. Vol. 43. No. 1 (Jan., 1949). P. 57–72.
12. Detailed Report of Pundit Sundar Lal, Qazi Abdul Ghaffar, Maulana Abdulla Misri on the Aftermath of the Police Action (Military Invasion) by the Indian Army of the Hyderabad State in September, 1948 // Deccan Chronicle: e-paper. 2013. URL: <http://www.deccanchronicle.com/131129/news-current-affairs/article/exclusive-sundarlal-report-police-action> (Retrieved 11/08/2016).
13. Imam Zafar (ed.) Muslims in India. New Delhi, 1975.
14. Joseph T. Uma. Accession of Hyderabad: The Inside Story. New Delhi, 2006.
15. Khalidi Omar. From Torrent to Trickle: Indian Muslim Migration to Pakistan, 1947–1997 // Islamic Studies. Vol. 37. No. 3 (Autumn 1998). P. 339–352.
16. Luther N. Hyderabad, a Biography. New Delhi, 2006.
17. Luther N. Nizam and the Radio // Narendra Luther: e-paper. 2006. URL: www.narendraluther.hyderabad.in (Retrieved 11/08/2016).
18. Menon V.P. The Story of the Integration of the Indian States. London, 1956.
19. Talbot Phillips. Kashmir and Hyderabad // World Politics. Vol. 1. No. 3 (Apr., 1949). P. 321–332.
20. Zubrzycki J. The Last Nizam. Delhi, 2006.

References

1. Alaev L.B., Vigin A.A., Safronova A.I. *Istoriya Indii*. M., 2010.
2. Ali Mir Laik. *Tragedy of Hyderabad*. Karachi, 1962.
3. Bawa V.K. *The Last Nizam, the Life and Times of Mir Osman Ali Khan*. New Delhi, 1992.

4. Belokrenitskiy V. Y., Moskalenko V.N. *Istoriya Pakistana. XX v. M.*, 2008.
5. Cheresheva L.A. *Geograficheskiye tyagoteniya, ili Nostal'giya po suverenitetu (Haiderabadskaya dilemma). Pod nebom Yuzhnoy Asii. Territoriya I prinadlezhnost'*. M., 2016, pp. 293–303.
6. Cheresheva L.A. *Problema knyazhestv vo vremya razdela Britanskoy Indii. Vostok*, 2009, pp. 46–56.
7. Cheresheva L.A. *Raduga nad Krasnym fortom. M.*, 2012.
8. Copland Ian. The Princes of India in the Endgame of Empire, 1917–1947. Cambridge, 2002.
9. Copland Ian. *The Princely States, the Muslim League, and the Partition of India in 1947. The International History Review*, vol. 13, No. 1 (Feb., 1991), pp. 38–69.
10. Das Taraknath. *The Status of Hyderabad during and After British Rule in India. The American Journal of International Law*, vol. 43, No. 1 (Jan., 1949), pp. 57–72.
11. *Detailed Report of Pundit Sundar Lal, Qazi Abdul Ghaffar, Maulana Abdulla Misri on the Aftermath of the Police Action (Military Invasion) by the Indian Army of the Hyderabad State in September*, 1948. Deccan Chronicle: e-paper. 2013. URL: <http://www.deccanchronicle.com/131129/news-current-affairs/article/exclusive-sundarlal-report-police-action> (Retrieved 11/08/2016).
12. Devyatkina T.F. *Likvidatsiya knyazhestv v sovremennoy Indii. M.*, 1961.
13. Imam Zafar (ed.) *Muslims in India*. New Delhi, 1975.
14. Joseph T. Uma. *Accession of Hyderabad: The Inside Story*. New Delhi, 2006.
15. Khalidi Omar. *From Torrent to Trickle: Indian Muslim Migration to Pakistan, 1947–1997. Islamic Studies*, vol. 37, No. 3 (Autumn 1998), pp. 339–352.
16. Luther Narendra. *Hyderabad, a Biography*. New Delhi, 2006.
17. Luther Narendra. *Nizam and the Radio* (18.12.2006). Narendra Luther: e-paper. 2006. URL: www.narendraluther.hyderabad.in
18. Menon V.P. *The Story of the Integration of the Indian States*. London, 1956.
19. Talbot Phillips. *Kashmir and Hyderabad*. World Politics, vol. 1, No. 3 (Apr., 1949), pp. 321–332.
20. Zubrzycki John. *The Last Nizam*. Delhi, 2006.

Сведения об авторе: Петров Иван Анатольевич, аспирант кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: samara-ivan@mail.ru

About the author: Petrov Ivan Anatolyevich, PhD student of the Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: samara-ivan@mail.ru

ФИЛОЛОГИЯ

А.А. Зализняк

КОНСПЕКТ АРАБСКОЙ ГРАММАТИКИ

В статье дается краткое изложение основных положений грамматики арабского языка, включая словообразование, словоизменение, синтаксис. Работа представляет собой взгляд на строй арабского языка с позиций общего языкознания и может стать шагом к сближению позиций между ним и арабистикой, к выработке общего подхода к особенностям структуры семитских языков.

Ключевые слова: арабский язык, склонение, словообразование, синтаксис, слабые глаголы.

The article gives a synopsis of the main features of Arabic grammar, including morphology, inflection and syntax. Its viewpoint is that of the general linguistics which can help to bring together theoretical positions of general linguists and scholars of Arabic and to work out a common approach to the structure of Semitic languages.

Key words: Arabic language, inflection, word formation, syntax, weak verbs.

Символы морфонологических явлений:

* — протетическая гласная, возникающая в паузе перед начальным сочетанием двух согласных;

~ — удлинение предшествующей гласной.

При рассмотрении производных от корня как образец корня взято К-Т-В ‘писать’.

Склонение

Различаются «состояния» (status): абсолютное (подразд. на неопред. и опред.) и сопряженное (constructus) (выступающее в случае, если за словом следует определяющее имя в генитиве).

Diptota («двухпадежные») — особая группа имен, которые в ед. числе неопред. состояния не различают генитив (G.) и аккузатив (A.).

Но множ. число чаще образуется не с помощью окончаний, а меной огласовок. Это так называемое разбитое множ. число, сформировавшееся из прежних собирательных имен. С морфологической точки зрения это sg (подобно русс. *братия*, *листва*). Указывается для каждого имени в словарном порядке. Самые частые модели:

KuTūB-un, KīTāB-un, 'aKTāB-un, KuTB-ān-un, KawāTiB-u; для имен с префиксами и 4-корневыми — 1a2ā3i4-u, 1a2ā3i4-u. Более редких моделей — около 25.

	Неопред. состояние	Опред. состояние	Status constructus
Sg N.	-un (<i>diptota</i> -u); fem. -at-un и с таким же -at- во всем sg и du	*l-...-u	-u
G.	-in (<i>diptota</i> -a)	*l-...-i	-i
A.	-an (<i>diptota</i> -a)	*l-...-a	-a
Du N.	-āni	*l-...-āni	-ā
G.A.	-ayni	*l-...-ayni	-ay
Pl m N.	-ūna	*l-...-ūna	-ū
G.A.	-īna	*l-...-īna	-ī
Pl f N.	-āt-un (с -āt- на месте -at-)	*l-...-āt-u	-āt-u
G.A.	-āt-in	*l-...-āt-i	-āt-i

Личные местоимения — самостоятельные и суффиксированные (последние в роли генитива при имени и аккузатива при глаголе)

	Sg		Du		Pl	
3 m	huwa ‘он’	-hu ‘его’	humā	-humā	hum(u)	-hum
f	hiya ‘она’	-hā ‘ее’			hunna	-hunna
2 m	’anta ‘ты’	-ka ‘твой, тебя’	’antumā	-kumā	’antum(u)	-kum
f	’anti ‘ты’	-ki ‘твой, тебя’			’antunna	-kunna
1	’anā ‘я’	-ī / -ya ‘мой’ (при имени), -nī ‘меня’ (при глаголе)	—		naḥnu	-nā

Примечания: 1. Суффиксированные -hu, -humā, -hum, -hunna после i, ī, u получают вид -hi, -himā, -him, -hinna. 2. Распределение -ī / -ya: -ī после краткой гласной (с поглощением этой гласной), -ya в прочих случаях. 3. Варианты humu, 'antumi выступают перед словами с *.

Возможен также самостоятельный аккузатив, ставящийся перед глаголом; он состоит из 'iyūā + суффиксированное местоимение, например, 'iyūāya 'меня', 'iyūāka 'тебя', 'iyūāhu 'его'.

Некоторые другие местоимения (в sg и pl неизменяемы по падежам). Указательные — sg m hāḏā ‘этот’, f hāḏihi, pl hā’ulā’i; sg m ḏālika ‘тот’, f tilka, pl ’ulā’ika. Относительные: man ‘кто’, mā ‘что’ (оба также вопросит.); sg m al-laḏī ‘такой что’ (≈ ‘который’), f al-latī, pl m al-laḏīna, f al-lātī (но du с различием падежей — N. m al-laḏāni, f al-latāni, G.A. m al-laḏayni, f al-latayni). Кроме того, склоняемое ’аууун ‘какой’, f ’аууатун (только sg) (также вопросит.).

Числительные: 1 ’aḥad-un (и wāḥid-un), 2 iḥn-āni, 3 ḥalāḥ-un, 4 ’arba’-un, 5 xams-un, 6 sitt-un, 7 sab’-un, 8 ḥamān-in, 9 tis’-un, 10 ’ašr-un (f — + -at-, например, wāḥidat-un, xamsat-un [но от ’aḥad-un — ’iḥd-ā]); 100 mi’at-un, 1000 ’alf-un. 11 ’aḥada ’ašara (f ’iḥd-ā ’ašrata), 12 iḥnā ’ašara (f iḥnatā ’ašrata). 13–19, например: xamsata ’ašara (f xamsa ’ašrata). 20 ’išrūna (pl, не du!). 30–90 как множ. от единиц, например 30 ḥalāḥūna, 50 xamsūna.

Числительные 1 и 2 — прилагательные; 3–10 — существительные, требующие Gpl, причем с «перекрестностью родов» (числит. f при существит. m и, наоборот — по типу *пятерка мужчин*, но *пятерик женщин*). Числит. 11–99 требуют Asg (sic); 100 и далее требуют Gsg.

Элементы словообразования

Важнейшие производные имена

Структура	Значение	Примеры
КаТВ-un, КаТаВ-un (реже КиТВ-un, КуТВ-un)	имя действия или просто непроемное имя	katb-un ‘писание’; ’аун-un ‘глаз’
КаТиВ-un, КаТāВ-un, КаТūВ-un	(отглагольное) прилагательное, реже существительное	kabīrun ‘большой’ (KBR ‘быть большим’); salāmun ‘мир’ (SLM ‘быть целым, невредимым’)
КаТТāВ-un	агнс постоянного занятия	fallāḥun ‘пахарь, крестьянин’ (FLḤ ‘пахать’)
ma-КТаВ-un (при имперфекте с i — ma-КТиВ-un)	имя места (реже времени)	maktabun ‘школа’
ma-КТаВ-at-un	“nomen loci abundantiae”	maktabatun ‘библиотека’
mi-КТаВ-un и mi-КТāВ-un	орудие	miftāḥ ‘ключ’ (FTḤ ‘открывать’)

Структура	Значение	Примеры
KiTB-at-un	образ действия	kitbatun ‘почерк’
KiTāB-un	предмет, связанный с действием	kitābun ‘книга’
’aKTaB-u (f KuTBā)	элатив (= компаратив + суперлатив)	’akbaru (f kubrā) ‘бóльший’, ‘наибольший, величайший’
’aKTaB-u (f KaTBā’-u)	цвет или (телесный) недостаток	’aḥmaru (f ḥamrā’-u) ‘красный’; ’aḥmaqu (f ḥamqā’-u) ‘глупый’
KuTayB-un	уменьшительное	nuhayrun ‘речка’ (от nahrun ‘река’)

Суффиксы:

-at-un — женский пол или род; единичность, однократность; иногда близко к пустому;

-ā’-u — женский род (редко); -īy-un — ≈ -ский, -ный; -īy-at-un — ≈ -ство, -ность;

-ān-un — имена разных групп (например, KuTB-ān-un — собирательное имя [и др.])

Породы глаголов (stirpes)

Породы — распространенные модели образования производных глаголов. Внешне породы различаются так называемыми опорными пунктами для огласовок, включающими в разных комбинациях корневые согласные и аффиксы. Приводим основные породы (прочие малоупотребительны).

Прямые породы			Соотв. возвратные (медialные)		
I – основная порода (непроизводные глаголы)	K–T–B	kataba ‘писать’	VII	*nK–T–B	inkataba ‘писаться, быть написанным’
			VIII	*Kt–T–B	iktataba ‘переписывать для себя’
II – интенсив; часто также каузатив; + отыменные	K–TT–B	kattaba ‘много писать’; ‘заставлять писать’	V	taK–TT–B	takattaba ‘писаться в большом количестве’

Прямые породы			Соотв. возвратные (медиальные)		
III – действие, со- местное с кем-л. или вовлекающее кого-л.; дези- дератив	K–T–B	kātaba ‘пи- сать кому-л.’; qātala ‘сра- жаться’ (QTL убивать)	VI	taK–T–B	takātaba ‘пере- писываться друг с другом’; ta‘ālama ‘притво- ряться знающим’ (‘LM знать)
IV – каузатив; + отыменные	’–KT–B	’aktaba ‘за- ставлять писать’, ‘диктовать’	X	*st–KT–B	istaktaba ‘про- сить (заставлять) писать для себя’

Спряжение

Огласовки основных форм

Огласовки (например, *u – i*, *Ø – a*) — это гласные после первого и после второго опорного пункта.

Форма	Префикс	Огласовка породы I	Огласовки прочих пород
Перфект акт.	—	<i>a – a</i> , <i>a – i</i> , <i>a – u</i>	<i>a – a</i>
пасс.	—	<i>u – i</i>	<i>u – i</i>
Имперфект акт.	<i>ya-</i> (и т.д.), но II, III, IV <i>yu-</i>	<i>Ø – u</i> , <i>Ø – i</i> , <i>Ø – a</i>	<i>a – i</i> , но V, VI <i>a – a</i>
пасс.	<i>yu-</i> (и т.д.)	<i>Ø – a</i>	<i>a – a</i>
Причастие акт.	<i>mu-</i>	без префикса: <i>KāTiB-un</i>	<i>a – i</i>
пасс.	<i>mu-</i>	особо: <i>ma-KTūB-un</i>	<i>a – a</i>
Инфинитив (иначе имя действия, <i>maṣdar</i>)	—	норма: <i>a – Ø</i> при перф. <i>a – a</i> ; <i>a – a</i> при перф. <i>a – i</i> ; но много отклонений	<i>i – ā</i> , но V, VI <i>a – u</i> ; II <i>taKTīB-un</i> (и <i>taKTīBat-un</i>); III <i>KīTaB-un</i> (и <i>mu-KāTaBat-un</i>)

Примечания: 1. В породе IV слог -’*a*- после *u* выпадает (например, импф. *yu-KTiB-u*; ср. пвл. ’*aKTīB*). 2. Опорный пункт *taK-* в V и VI перед *u*, *ī* дает *tuK-* (например, пассив *tuKuTTīB-a*).

В перфекте породы I огласовка а-а — основная (в частности, у переходных глаголов и глаголов движения почти всегда именно она, например, kataba ‘читать’, хагаџа ‘выходить’); огласовка а-і — обычно у непереходных непостоянного состояния (например, marīḏa ‘быть больным’), а-у — у непереходных постоянного состояния (например, ḥasuna ‘быть красивым’).

В имперфекте породы I в нормальном случае при перфекте с а-а огласовка Ø-и или Ø-і (но Ø-а при 2-й корневой ‘, ‘, h, ḥ); при перфекте с а-і — огласовка Ø-а; при перфекте с а-у — огласовка Ø-у.

В словаре дается перфект породы I и гласная имперфекта, например, kataba (u), ḡalasa (i) ‘сидеть’, marīḏa (a), ḥasuna (u); кроме того, дается инфинитив породы I (так как он непредвидим).

Префиксы и окончания видов и наклонений

	Окончания перфекта			Префиксы и окончания имперфекта		
	ед.	дв.	мн.	ед.	дв.	Мн.
3 m f	-a (например, katab-a)	-ā	-ū	ya-...-u (например, ya-ktub-u)	ya-...-āni	ya-...-ūna
	-at	-atā	-na	ta-...-u	ta-...-āni	ya-...-na
2 m f	-ta	-tumā	-tum	ta-...-u	ta-...-āni	ta-...-ūna
	-ti		-tunna	ta-...-īna		ta-...-na
1	-tu	—	-nā	’a-...-u	—	na-...-u

Примечание: В префиксах в части форм представлена огласовка и, а не а (см. выше).

Наклонения — получаются из имперфекта отбрасыванием конечных -на, -пi в -īna, -ūna, -āni вместе со следующими заменами аффиксов:

Конъюнктив (иначе субъюнктив): окончание -и заменяется на -а (например, ya-ktub-a).

Юссив (иначе аросоратус): окончание -и заменяется на нуль (например, ya-ktub).

Императив («пвл.») (имеется только 2-е лицо) = юссив без префиксов (если из-за отсутствия префикса получается начальное сочетание двух согласных, появляется протетическая гласная; например, *ktub ‘пиши’ реализуется как u-ktub).

В императиве и юссиве имеются также так называемые усиленные формы (“energicus” I и II), получаемые заменой конечных -а, -ī, -ū на -anna, -inna, -unna (energ. I) или на -an, -in, -un (energ. II).

О значениях глагольных форм. Оппозиция perfect / imperfect — видовая (≈ совершенный вид / несовершенный вид). Значение времени определяется контекстом, иногда эксплицируется добавлением частиц qad (прош.) и sa-, sawfa (буд.) или перфекта kāna (в знач. ‘было’).

Конъюнктив близок по функциям к латинскому; обычно выступает после союзов со знач. ‘чтобы’ (‘an, li-, kay).

Юссив с li- означает приказ (li-yaktub ‘да напишет’), с lā — запрет (lā taktub ‘не пиши’ — отрицание императива, который сам отрицания не допускает). Но lam + юссив — это просто отрицание перфекта (lam yaktub ‘он не написал’).

Арабский пассив было бы правильнее называть impersonalis: он возможен как для переходных глаголов, так и для непереходных, при нем не может быть указан субъект действия; например, kutiba ‘написано’, ‘было написано’, ‘пишут’.

Особенности так называемых слабых глаголов

Слабыми называются глаголы, содержащие в корне w, y или ’, а также те, у которых 3-я корневая равна 2-й (так называемые mediae geminatae).

Общие сандхи полугласных (запись x/y означает: в открытом слоге / в закрытом слоге)

1-й шаг сандхи: iw или uy → iy; īw или ūy → īy («тембр i побуждает тембр u»).

2-й шаг сандхи:

uw (+ C) → ū; iy (+ C) → ī.

Перед а, ā полугласные сохраняются, кроме: awa → ā/u, aya → ā/i (но в 3 sg f перфекта конечные -awat, -ayat → -at).

Перед i, u: после краткого а: awi → ā/u; ayi, awi → ā/i; после i, u: uwi, iyi → ī/i; после ā (кроме пород III, VI): āwi, āyi → ā’i; āwu, āyu → ā’u.

Verba mediae radicalis W, Y. Образцы: QWL ‘говорить’ (модель kataba [u]), SYR ‘идти’ (модель kataba [i]), XWF ‘бояться’ (модель katiba [a]).

Особые сандхи — после согласной (только в породах I, IV, VII, VIII, X): wū → ū/u; wī, yī → i/i; wā, yā → ā/a.

Перфект (sg 3 m, 1): qāla, qultu (пассив qīla, qiltu); sāra, sirtu; xāfa, xiftu.

Имперфект (3 sg m, 3 pl f) и пвл. m, f: yaqūlu, yaqulna, qul, qūlī; yasīru, yasirna, sir, sirī; yaḫāfu, yaḫafna, ḫaf, ḫafī.

Прич. акт.: qā'il-un, sā'ir-un, ḫā'if-un. Прич. пассив.: maqūl-un, masīr-un, maḫūf-un.

Некоторые породы: IV 'aqāla, 'aqaltu (импф. yuqīlu, пвл. 'aqil); VIII iqtāla (импф. yaqtālu); X istaqāla (импф. yastaqīlu).

Пример w→y: инф. VIII iqtīyāl-un. Пример сохранения āwī, āyī: имперф. III yuqāwīlu, yusāyīru.

Verba ultimae radicalis W, Y. Образцы; ḡZW 'воевать' (модель kataba [u]), RMY 'бросать' (модель kataba [i]), NSY 'забывать' (модель katiba [a]), RḏW 'быть довольным' (та же модель).

Особые сандхи: в пвл. и юссиве при нулевом окончании конечные w, y отпадают;

aw или ay + ū → aw; aw или ay + ī → ay; uw или iy + ū → ū; uw или iy + ī → ī.

Перфект (sg 3 m, f, 1, pl 3 m): ḡazā, ḡazat, ḡazawtu, ḡazaw; ramā (NB написание), ramat, ramaytu, ramaw; nasiya, nasiyat, nasītu, nasū; raḡiya, raḡiyat, raḡītu, raḡū.

Имперфект (sg 3 m, du 3 m, pl 3 m, f) и пвл. m, f: yaḡzū, yaḡzuwāni, yaḡzūna, yaḡzūna, uḡzu, uḡzī; yarmī, yarmīyāni, yarmūna, yarmīna, yarmi, yarmī; yansā (NB написание), yansayāni, yansawna, yansayna, insa, insay (и точно так же yarḡā etc.).

Прич. акт.: ḡāz-in, rām-in, nās-in: пассив.: maḡzūw-un, marmīy-un, mansīy-un.

Некоторые породы (все производные породы идут в силу аналогии по модели ultimae Y; даем перф., имперф., пвл., прич. акт., прич. пассив., инф.): II ḡazzā, yuḡazzī, ḡazzi, muḡazz-in, muḡazz-ān, taḡziyat-un; IV 'aḡzā, yuḡzī, 'aḡzi, muḡz-in, muḡz-ān, 'iḡzā'-un; V taḡazzā, yaḡazzā, taḡazza, mutaḡazz-in, mutaḡazz-ān, taḡazz-in; VII inḡazā, yanḡazī, inḡazi, munḡaz-in, munḡaz-ān, inḡizā'-un (аналогично VIII iḡtazā и т.д., X istaḡzā и т.д.).

Склонение имен на -in (из -iyun, -iwun, -uyun) и -ān (из -ayun [в том числе аналогического]):

	Неопред.	Опред.	Constructus
Sg N.G	ḡāzin, muḡzān	al-ḡāzī, al-muḡzā	ḡāzī, muḡzā
A.	ḡāziyan, muḡzān	al-ḡāziya, al-muḡzā	ḡāziya, muḡzā
Du N.	ḡāziyāni, muḡzayāni	al-ḡāziyāni, al-muḡzayāni	ḡāziyā, muḡzayā

	Неопред.	Опред.	Constructus
G.A.	ḡāziyayni, muḡzayayni	al-ḡāziyayni, al-muḡzayayni	ḡāziyay, muḡzayay
Pl m N.	ḡāzūna, muḡzawna	al-ḡāzūna, al-muḡzawna	ḡāzū, muḡzaw
G.A.	ḡāzīna, muḡzayna	al-ḡāzīna, al-muḡzayna	ḡāzī, muḡzay

Verba primae radicalis W, Y. *Образцы*: WLD ‘рождать’ (модель kataba [i]), YSR ‘быть легким’ (та же модель).

Особенности: 1. В имперф. I породы с огласовкой Ø – i у большинства глаголов primae W 1-я корневая (w) выпадает, например, yalidu, пвл. lid (то же и у нескольких глаголов с огласовкой Ø – a); 2. У глаголов primae Y в первом слоге имперфекта u+u дает не ī, а ū, например IV yūsiru; 3. В VIII породе wt, yt → tt, например ittalaḡa, ittasaḡa.

Глаголы с ’ (так называемые *verba hamzata*). *Образцы*: ’KL ‘есть’ (модель kataba [u]), ’MR ‘приказывать’ (та же модель), ’Xḡ ‘брат’ (та же модель).

Особенности: 1) ’a’ (+C), ’u’ (+C) → ’ā, ’ū, например, имперф. 1 sg ’ākalu, ’āmaḡu, ’āḡaḡu; 2) некоторые глаголы primae ’ теряют ’ в пвл.; таковы формы kul, mur, xuḡ.

Verba mediae geminatae. *Образцы*: FRR ‘бежать’ (модель kataba [i]), RDD ‘отдавать’ (модель kataba [u]).

Особенности: 1. Перед гласной вместо последовательностей KTaB-, KTīB-, KTuB- выступают соответственно KaTB-, KiTB-, KuTB-, вместо KaTaB-, KaTiB- и KaTuB- — KaTB-, вместо KaĀTaB-, KāTiB- и KāTuB- — KāTB-, вместо KuTiB- — KuTB-; например, farra, radda, yafrirru, yaḡuddu — ср. регулярные формы при окончании с согласной, например, farartu, radadtū, yafrirna, yaḡudna; 2. В пвл. и юссиве I породы при нулевом окончании колебание между регулярными формами, например, ifrir, urdud, и формами с добавленной конечной гласной -i или -a, например firri (и firra), ruddi (и rudda).

Служебные слова

Предлоги: bi- ‘в’, ‘with, by’; fī ‘в, на, среди’; li- ‘to’ (дательное знач.); min ‘от’, партитивное знач.; an ‘от, прочь от, о (чем)’; alā ‘на, сверху’; ilā ‘к, по направлению к’; bauna ‘между’; inda ‘у, при, около’; taḡta ‘под’; ba’da ‘после’; qibla ‘перед, до’; ka- ‘как, подобно’.

Все предлоги управляют генитивом, например, li-lmaliki ‘царю’. У личных местоимений берется суффигированная форма, например, lī ‘мне’, ba’dī ‘после меня’, minka ‘от тебя’, baunahum ‘между ними’.

Особо: minnī, ‘annī; -hi, -himā, -him после i, u (например, bihi, fīhim); la- вместо li- (laka, lahu и т.д.); ‘alay-, ‘īlay- вместо ‘alā, ‘ilā (например, ‘alayu, ‘alayka, ‘īlayhi).

Союзы: wa- ‘и’ (тесная связь, в частности, при однородных сказуемых); fa- ‘и’ (более отдаленная связь, в частности, при смене подлежащего); ‘aw ‘или’; lākinna ‘но, однако’; ‘an ‘что, чтобы’, li- ‘чтобы’, kau ‘чтобы’, ‘anna ‘что’, li’anna ‘потому что’; ‘in ‘если’, ‘illā ‘кроме, nisi’, ‘id ‘если’, ‘idā ‘когда, если’; law ‘если бы, если’; ḥattā ‘до тех пор, пока’, ‘так что’.

Частицы: lā, mā (также lam, lan, lamma) — отрицание; ‘inna ‘воистину’, ‘вот’; ‘a- ‘ли’ (вводит вопрос); hal ‘разве, ли’; uā ‘о!’ (вокативное); sa-, sawfa (дают знач. буд. времени); qad (дает знач. прош. времени); la- (усилит.; после fa-, wa- может сокращаться до -l-; law ... la- ... ‘если [бы] ... то [бы]’); ta- ‘клянусь’ (кем, чем – G.); wa- ‘клянусь’ (кем, чем – G.).

Из синтаксиса

Порядок слов. Определение (кроме ‘этот’, ‘какой’) следует за определяемым. В глагольном предложении порядок V–S–O (verb – subject – object). В именном предложении: subject – predicate, например, almaliku kaṭīmun ‘царь щедр’, ‘the king is generous’ (NB отсутствие связки; NB различие по определенности; в отличие от этого, согласование по определенности дает словосочетание: malikun kaṭīmun или almaliku -lkaṭīmu — ‘щедрый царь’). Если же подлежащее и сказуемое по смыслу требуют одной и той же степени определенности, то используется конструкция с вспомогательным huwa ‘он’, hiya ‘она’, например, malikun huwa kaṭīmun ‘a king is generous’.

Особенности согласования. Разбитое множ. число синтаксически трактуется как sg f; но если оно обозначает лиц, то возможно и согласование по смыслу. Глагол может и не согласовываться с подлежащим, а стоять просто в sg m.

Аккузатив часто употребляется в обстоятельственной, в частности, наречной, функции (‘смело’ от ‘смелый’, ‘вечером’ от ‘вечер’, ‘по возрасту’, ‘в отношении возраста’ от ‘возраст’ и т.п.).

Аккузатив выступает также в ряде особых синтаксических позиций:

1) у именной части сказуемого (т.е. в значении ‘чем’, ‘каким’) при глаголах kāna ‘быть’, laysa ‘не быть’, zāla ‘перестать быть’ (и других со сходными значениями); например, kāna kaṭīman ‘он был щедр’;

2) у подлежащего, стоящего непосредственно после частицы 'inna 'воистину', 'вот' или союзов lāinna 'но, однако', 'an 'что, чтобы', 'anna 'что', li'anna 'потому что', ka'anna 'как если бы' (и нек. др.); например, 'inna -lmalika karīmun 'воистину царь щедр'; qāla 'anna -lmalika karīmun 'он сказал, что царь щедр'; 'amara 'an Zaydan yaktuba 'он приказал, чтобы Зейд написал';

3) при lā в знач. 'нет, не существует'; окончание -an в этом случае заменяется на -a (lā 'ilāha 'illā -llāhu 'нет бога кроме Аллаха');

4) после 'illā 'кроме, nisi' в случае, когда фраза перед 'illā утвердительная;

5) в восклицаниях или предупреждающих выкриках (например, al-'asada! 'лев!');

6) после вокативного уā, если слово имеет при себе подчиненный G. (или имя с предлогом).

Случаи субстантивной реализации служебных и близких к ним значений: yaugun (≈'иное, чем'), miθlun (≈'подобие'), kullun ('совокупность'), ba'ḏun ('часть'), dū (≈'обладатель, носитель'; G. dī, A. dā). Например, yaugu malikin 'не царь', miθlu malikin 'как царь', kullu -lmuṣlimīna 'все мусульмане', ba'ḏu -lmuṣlimīna 'некоторые мусульмане', dū mālin 'der des Reichthums, богач'.

Об относительных предложениях. Относительные местоимения (allaḏī, man, mā) синтаксически принадлежат главному предложению, а не придаточному: arraḡulu -llaḏī 'alimta-hu 'человек, которого ты знаешь' (букв. 'человек такой, что ты знаешь его'), arraḡulāni -llaḏānī (N., не A.!) 'alimta-humā 'два человека, которых ты знаешь'; ḡā'a bi-man da'awta-hu 'он пришел с тем, кого ты позвал'.

Allaḏī возможно только при антецеденте в определенном состоянии, например, arraḡulu-llaḏī ḡā'a 'the man who came'. При антецеденте в неопределенном состоянии — нулевое выражение: raḡulun ḡā'a 'a man who came' (NB отличие этого имени с определительным придаточным от предложения ḡā'a raḡulun 'a man came').

Сведения об авторе: *Зализняк Андрей Анатольевич* – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. E-mail: typology.inslav@gmail.com

About the author: *Zalizniak Andrey Anatolievich* – member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Doctor of Philology, professor, Chief Researcher of the Department of Typology and Comparative Linguistics of The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: typology.inslav@gmail.com

Д.В. Фролов

**КАРТИНА ИСТОРИИ
«НАУКИ О СООТВЕТСТВИЯХ»
(‘*ILM AL-MUNĀSABĀT*) В «БУРХАН»
БАДР АД-ДИНА АЗ-ЗАРКАШИ (ум. 1392)**

В статье анализируется картина истории становления интереса к композиции Корана в классической мусульманской науке и возникновения специальной дисциплины, посвященной этому вопросу, нарисованная одним из крупнейших авторитетов в традиционном корановедении – Бадр ад-Дина аз-Заркаши. Заркаши относит пробуждение интереса к композиции Корана к первой половине X в., однако сложение оформленной дисциплины датируется не ранее XIII–XIV вв. Картина, нарисованная Заркаши, стала отправной точкой для Суйути в его знаменитом труде «Совершенство в коранических науках». В статье рассматриваются также конкретные подходы ученых к изучению построения текста писания ислама.

Ключевые слова: Коран, композиция, ‘*ilm al-munāsabāt*, Заркаши, Суйути.

The article deals with the historical overview of the emergence of the interest to the composition of the Qur’ān and the formation of the special discipline in the classical Muslim science written by an authority in the subject, Badr ad-Dīn az-Zarkashī. Zarkashī dates the beginning of this interest back to the first half of the Xth century but it is only in the XIII–XIVth centuries that we can speak of the existence of the discipline devoted to *munāsabāt*. Zarkashī’s text became a starting point for Jalāl ad-Dīn as-Suyūṭī in his famous *Itqān*. The article includes also a survey of the concrete approaches of Muslim scholars to the study of the structure of the Qur’ānic text.

Key words: the Qur’ān, composition, ‘*ilm al-munāsabāt*, Zarkashī, Suyūṭī.

В последние десятилетия в востоковедной науке заметно оживление интереса к проблеме композиции коранического текста. В исследованиях связности текста участвуют как европейские, так и арабские ученые. В сфере внимания специалистов оказался вопрос о начале изучения композиции отдельных сур и коранического свода в целом в классической мусульманской науке¹.

¹ См.: Фролов Д.В. Средневековые мусульманские дискуссии о порядке сур и их значение для изучения композиции Корана // Фролов Д.В. Арабская филология. Грамматика, стихосложение, корановедение. М., 2006. С. 340–353; см. также: Cuypers

Одной из дисциплин корановедческого цикла мусульманской учености является «наука о соответствиях» (*‘ilm al-munāsabāt*), которая выделилась и оформилась лишь на рубеже XIII и XIV вв. В сознании востоковедов и современных мусульманских ученых она представлена прежде всего четырьмя авторитетами, одним андалусцем и тремя египтянами, что не удивительно. Ведь в эти довольно поздние для классической эпохи века высокая наука арабского мира сосредоточилась сначала в Андалусии и Египте, а потом – после Реконкисты – в одном Египте. Перечислим этих ученых в хронологическом порядке:

1) **Ибн аз-Зубайр**, Абу Джа‘фар Ахмад ибн Ибрахим ал-Гарнати (1230–1308), андалусский хадисовед, законовед, корановед, историк, языковед. Его книга «Доказательство о соответствиях в порядке сур Корана» (ал-Бурхан фи мунасабат тартиб сувар ал-Кур’ан) опубликовано под названием «Доказательство о порядке сур» (ал-Бурхан фи тартиб ас-сувар) (Рабат, 1990);

2) Бадр ад-Дин Мухаммад ибн Бахадур ибн ‘Абдаллах аз-**Заркаши** (1344–1392), каирский законовед и корановед, один из поздних представителей шафиитской школы. В его сочинении «Доказательство в коранических науках» (ал-Бурхан фи ‘улум ал-Кур’ан), изданном (Бейрут, 1988), пространный вторая глава посвящена науке о соответствиях;

3) Бурхан ад-Дин Ибрахим ибн ‘Умар ал-**Бика’и** (1406–1480), историк и литератор, корановед и комментатор Корана, жил в Сирии и Египте. Его книга «Низка жемчуга о соответствиях в айатах и сурах» (Назм ад-дурар фи танасуб ал-айат ва-с-сувар) издана (Бейрут, 1995);

4) Джалал ад-Дин Абу Бакр ‘Абд ар-Рахман ибн Аби Бакр ас-**Суйути** (1445–1505), энциклопедист, законовед, корановед, языковед, историк и т.д., автор почти 600 сочинений. На долю Суйути выпала задача на самом исходе классической эпохи подытожить многовековое развитие самых различных отраслей науки, в том числе корановедения. Его знаменитый труд «Совершенство в коранических науках» (ал-Иткан фи ‘улум ал-Кур’ан) стал, по сути, «окном» в мусульманское корановедение для всех последующих поколений ученых вплоть до наших дней. О популярности книги свидетельствуют многочисленные ее издания. Опубликованный где-то на рубеже XVIII–XIX вв. труд Суйути многократно переиз-

Michel. The Composition of the Qur’ān. L., 2015. P. 1–4; *Salwa M.S. El-Awa*. Textual Relations in the Qur’ān. Relevance, coherence and structure. L., 2006. P. 9–26.

давался (Каир, 1978, Бейрут, 1996)². Его 62 глава дает стандартное изложение истории науки о соответствиях³. Кроме того, у Суйути есть еще специальное сочинение на данную тему «Нанизанный жемчуг о соответствиях сур» (Танасук ад-дурар фи танасуб ас-сувар), изданное (Бейрут, 1986)⁴.

Практически во всех этих текстах есть сведения о том, что мы назвали бы сейчас историей вопроса. В этой статье мы рассмотрим картину, нарисованную Заркаши, прямым продолжением которой является итоговый очерк в «Иткане» Суйути⁵.

Предыстория науки. Самым ранним ученым, который проявлял интерес к «соответствиям» между айатами и сурами, Заркаши называет Абу Бакра ан-Найсабури, ‘Абдаллаха ибн Мухаммада Зийада (ум. 935), хадисоведа и законоведа шафиитского толка. Со ссылкой на некоего Абу-л-Хасана аш-Шахрабани⁶ Заркаши приводит следующие слова:

«Первым в Багдаде науку о соответствиях открыл нам шейх Абу Бакр ан-Найсабури, и ни от кого другого мы такого не слышали. Он обладал обширными познаниями в законе и словесности. Так, он мог спросить с кафедры⁷, когда при нем читали какой-либо аят Корана: “Почему этот аят поставлен рядом с тем? В чем мудрость того, что эта сура помещена рядом с той сурой?”, и отзывался нелестно об ученых Багдада за то, что они не вникали в соответствия»⁸.

Из этих слов очевидно, что Заркаши не знает никого ранее Абу Бакра, кто обращал бы внимание на связность и композицию коранического текста. Судя по вопросам, которые задавал Абу Бакр, речь идет еще не об особой систематизированной дисциплине, а

² В настоящее время осуществляется перевод этого трактата на русский язык, являющийся первым переложением книги на какой-то европейский язык. Опубликовано уже семь томов (М., 2000–2016). Готовятся к печати еще два тома. Всего же перевод рассчитан на 10 томов.

³ Перевод этой главы вошел в третий том «Совершенства в коранических науках» (М., 2003), с. 152–173.

⁴ Обращает на себя внимание тот факт, что все названные книги, кроме «Иткана» Суйути, где автор упоминает все эти сочинения, опубликованы не ранее середины 1980-х годов. Создается впечатление, что именно авторитет Суйути служил ориентиром для отбора издаваемых средневековых трактатов. Во всяком случае, других изданных книг на эту тему, написанных учеными XIII–XV вв., мы не знаем.

⁵ См.: *Бадр ад-Дин аз-Заркаши*. Ал-Бурхан фи ‘улум ал-Кур’ан: В 4 т. Т. 1. Гл. 2. Бейрут, 1988. С. 35–52.

⁶ Личность не установлена.

⁷ Речь идет о занятиях Абу Бакра с его учениками.

⁸ Эту же цитату с небольшими разночтениями и без ссылки на Заркаши и Шахрабани приводит и Суйути в «Иткане».

лишь о внимании к композиционному аспекту писания. Никаких конкретных наблюдений Абу Бакра над текстом Заркаши не приводит. Отметим еще, что эти первые начатки знания о связности текста происходят из законоведческой среды, из среды шафиитов.

Далее в картине Заркаши временной пробел примерно в 100 лет. Два ученых, относящихся к концу X – первой половине XI в., происходят из богословской среды. Это аш‘арит Абу Бакр ал-Бакиллани (ум. 1013) и му‘тазилит Замахшари (ум. 1144). Оба оставили заметный след в корановедении. Бакиллани – столп науки о неподражаемости Корана (*i‘jāz al-Qur‘ān*) и автор самого известного трактата на эту тему. Замахшари – автор одного из наиболее популярных комментариев к Корану. На них Заркаши ссылается, приводя конкретные примеры анализа связности текста.

Так и Бакиллани, и Замахшари рассматривают риторическую фигуру «отступление в развитие темы» (*istiṭrād*)⁹. Заркаши в данной главе помещает этот прием в классификацию видов связи аятов друг с другом как ее третий вид, причем иллюстрирует его как раз ссылками на этих двух авторов.

Вот текст Заркаши о данном приеме:

«В-третьих, отступление в развитие темы (*istiṭrād*), примером чему – слова Всевышнего:

“О сыны Адама! Мы ниспослали вам одеяние, которое прикрывало бы вашу мерзость, и перья. А одеяние богобоязненности – лучше”» (7:26).

Замахшари говорит: «Этот аят приведен в развитие темы, после упоминания того, как явилась пред ними их мерзость, и стали они шить себе листья»¹⁰. Этот аят разъясняет то благодеяние, которое состояло в сотворении одежды, а также все неприличие и бесстыдство, которые заключаются в наготе и обнажении срама. Он дает понять, что сокровенность (*satr*)¹¹ – очень важная часть благочестия».

⁹ Эта фигура рассматривается Суйути в «Иткане» в главе 58 (см.: *Джасал ад-Дин ас-Суйути. Совершенство в коранических науках. Вып. 7: Учение о стилистике Корана* (2). М., 2016. С. 157–240). В ней Суйути говорит, что данный прием входит в категорию «соответствий» (*munāsabāt*) и должен быть рассмотрен в соответствующей главе. Примечательно, что и Суйути, и Заркаши используют в качестве иллюстрации приема один и тот же пример, взятый у Замахшари.

¹⁰ Имеется в виду аят (7:22): «Так низвел он их обольщением. А когда они вкусили дерева, явилась перед ними их мерзость, и стали они шить для себя райские листья...»

¹¹ Имеется в виду, что богобоязненный человек должен быть скромным, не выставлять ничего напоказ.

Кади Абу Бакр [ал-Бакиллани] в «Неподражаемости Корана» относил к этому приему слова Всевышнего (16:48–49):

«48. Неужели они не наблюдали за вещами, которые созданы Аллахом? Они обладают тенью, которая склоняется вправо и влево, падая ниц пред Аллахом и оставаясь смиренной. 49. Перед Аллахом падают ниц все обитатели небес и земли, животные и ангелы, и они не проявляют высокомерия».

Бакиллани говорил: «Эти слова имеют целью сообщить, что все творения Божии склоняются перед ним. Однако сначала было сделано частное утверждение о конкретном примере». Цитата завершена. Однако в данном примере есть нестыковка (*naẓar*)¹².

Приведенные примеры позволяют сделать несколько выводов относительно приема «отступление в развитие темы».

Во-первых, этот прием лежит на грани между композицией и стилистикой, что, собственно, и подтверждается «Итканом» Суйути.

Во-вторых, в нем обязательно должны присутствовать три высказывания, среднее из которых как раз и есть «отступление или развитие темы». Количество аятов может не соответствовать количеству высказываний (см. второй пример), и аяты не обязательно должны идти подряд (см. первый пример, где в связке оказываются аяты 7:22 и 7:26). Главное, чтобы высказывания образовывали определенную фигуру мысли, где переход от начала к концу осуществляется не прямолинейным образом.

В-третьих, конфигурация мысли может быть разной. В первом, для Заркаши бесспорном примере, частный пример Божьего дара продолжается в частном же утверждении о том, как надо пользоваться этим даром, а затем разворачивается в общее утверждение о правилах поведения благочестивого человека, ретроспективно возвращающий нас к началу пассажа и позволяющий увидеть за частным примером дара безграничность Божьих даров, соответствующую общности завершающего утверждения. Ход мысли таков: (общее, невысказанное) – частное – частное – общее (позволяющее увидеть невысказанный начальный общий тезис. Во втором случае движение мысли похожее, но несколько иное. За общим (риторическим) вопросом, следует частное утверждение (о склоняющейся тени), которое разворачивается в общее утверждение, соответствующее общности вопроса. В обоих случаях средний тезис (и там, и

¹² Возможно, из-за этого финального замечания Заркаши данный пример отсутствует у Суйути. Правда, что конкретно имеет в виду автор «Бурхана» не совсем ясно.

там частное утверждение) и есть «отступление ради развития темы», своего рода мостик между двумя общими высказываниями.

Замахшари упоминается еще один раз, когда Заркаши рассматривает еще один вид «соответствия» – соответствие зачина суры концовке суры предыдущей¹³. В качестве одного из примеров Заркаши называет стык Фатихи (№ 1) и суры «Корова» (№ 2):

«Вот, например, зачин “Коровы”: “Алиф-лам-мим. Вот книга, нет сомнения в том...”, в котором отсылка к “пути” в словах “Веди нас путем прямым”. Получается, что люди попросили наставления на прямой путь, а им сказано: Вот путь, на который вы просили наставить вас, – это книга. Это хороший прием, который выявляет связь (*irtibāṭ*) суры “Корова” с Фатихой¹⁴. В нем ответ на вопрос Замахшари об этом»¹⁵.

Отсылки к Бакиллани и Замахшари показывают, что в X, XI и первой половине XII в. ученые, комментаторы и корановеды занимались накоплением частных наблюдений, касающихся связности текста и композиционных приемов его построения. Приводимые примеры касаются смысловой связи аятов внутри одной суры, как идущих подряд, так и отделенных друг от друга вставками других аятов, а также вопроса о стыковке зачинов и концовок смежных сур.

К этому же времени относится и высказывание андалусского законоведа Абу Бакра ибн ал-‘Араби (ум. 1148), которое приводят и Заркаши и Суйути:

¹³ И у Заркаши, и у Суйути есть специальные главы, посвященные рассмотрению отдельно зачинов (*fawātih*) и концовок (*khawātim*). В «Бурхане» – это главы 7 и 8, а в «Иткане» – 60–61. См.: *Джалал ад-Дин ас-Суйути*. Совершенство в коранических науках. Т. 3. С. 142–151.

¹⁴ Суйути приводит этот же пример, но без упоминания как Заркаши, так и Замахшари: «Еще пример. Сура “Корова” (№ 2) начинается словами: “Алиф-лам-мим. Эта книга...” (2:1–2). В них есть указание на прямой путь, о котором говорится в словах: “Веди нас путем прямым” (1:6). Получается, что, когда люди просят о руководстве по пути, им отвечают на это: “Путь, о руководстве по которому вы просили, и есть эта книга”. Это очень хорошее толкование, выявляющее связь между сурой “Корова” и Фатихой».

¹⁵ Замахшари здесь упоминается, скорее, как задающий вопрос, чем дающий разъяснение, но в чем именно состоял вопрос, нам выяснить не удалось. Во всяком случае, это упоминание содержит информацию о том, что Замахшари уже задумывался об этом композиционном приеме в составе свода. Это подтверждает и Суйути, приведя еще один пример интерпретации Замахшари связи между зачином и концовкой, на этот раз в пределах одной суры: «Замахшари говорил: “Аллах сделал зачином суры “Счастливы верующие” (23:1), а в концовке ее сказал: “... Не бывают счастливы неверные” (23:117). Сколь же велика разница между зачином и концовкой».

«Ибн ал-‘Араби в “Светоче устремленных” говорил: “Айаты Корана связаны друг с другом так, что становятся как одно слово, согласованное по смыслу, гармоничное по строю. Этой великой наукой занимался только один ученый, который проработал лишь суру “Корова”¹⁶, а затем Аллах приоткрыл эту науку мне. Когда же я не нашел того, кто мог бы ее понести дальше, и увидел, что люди не годятся на это, я замкнул ее в себе, оставив ее между собой и Аллахом, и возвратил ее Ему».

Слова Ибн ал-‘Араби показывают осознание необходимости перехода от фазы частных наблюдений к построению целостной концепции композиционной связности текста и созданию специальной корановедческой дисциплины. Одновременно они свидетельствуют, что он видел только одного предшественника и оставил занятия этим предметом, не найдя учеников и последователей. Другими словами, науки как таковой еще не было, были только приступы к ней.

Развитая наука. Для Заркаши собственно история полноценных широкомасштабных исследований композиции Корана в контексте науки о «соответствиях» начинается с двух книг, между которыми разрыв в сто лет.

Первая из них – это тафсир Фахр ад-Дина ар-Рази (1150–1210) «Мафатих ал-гайб» (Ключи сокровенного), в котором, по словам Заркаши «много говорится о соответствиях». Именно с рубежа XII и XIII вв. можно говорить о науке о соответствиях, до этого – предыстория. Об этом тафсире мы здесь подробно говорить не будем, это тема отдельного исследования. Укажем только, что роль Рази подчеркивает и Суйути в «Иткане»: «Наука о соответствиях – это благородная наука, но лишь немногие комментаторы уделяли ей внимание, ибо она очень сложна. Много занимался этой наукой имам Фахр ад-Дин, который в своем комментарии говорил: “Большая часть тонкостей Корана заключена в порядке и взаимосвязях”».

Первая половина XIII в. отмечена у Заркаши упоминанием двух ученых.

Первый из них – шейх Камал ад-Дин аз-Замалкани (ум. 1253), законовед и корановед, писавший о неподражаемости Корана. По свидетельству Заркаши, он продолжал разрабатывать тему о композиционной роли зачинов сур, но несколько в другом ключе, ища соответствия между зачином суры и ее содержанием. Так, он доказывал, что зачины сур 17 «Пречист (Субхан) ...» и 18 «Слава (ал-Хамд) ...» соответствуют содержанию этих сур.

¹⁶ Кто этот ученый, установить не удалось.

Вот его рассуждение (перевод взят у Суйути из «Иткана»):

«Ибн аз-Замалкани отвечал, что сура “Славословие” (№ 17) содержит историю ночного путешествия, которое многобожники считали вымыслом Пророка, да благословит его Аллах и приветствует, а выражение недоверия ему есть выражения недоверия Аллаху, преславлен и превознесен Он. Поэтому-то в начале суры и было употреблено «Пречист (*subhān*) Аллах», чтобы очистить (*tanzīh*) Всевышнего от той лжи, которую высказывают о Его пророке.

Сура «Пещера» (№ 18) была ниспослана после того, как многобожники спросили об истории с обитателями пещеры, а откровение задержалось. И вот она была ниспослана в разъяснение того, что Аллах не прекратил Свои милости пророку Своему, ни правоверным, но продолжил Свои милости ниспосланием писания. Поэтому то, что эта сура открывается «восхвалением» (*ḥamd*), соответствующим этим милостям»¹⁷.

Второй из этих ученых – Шейх ‘Изз ад-Дин ибн ‘Абд ас-Салам (ум. 1262), хадисовед, законовед и корановед, занимавшийся риторикой в Коране. Его мысли и ответ на них другого ученого, приводимые Заркаши и Суйути, показывают, что по вопросу о связности коранического текста в это время проявились разногласия. Одни идею поддерживали, другие – нет.

Вот эта полемика вокруг данного вопроса (перевод опять по «Иткану» Суйути):

«Шейх ‘Изз ад-Дин ибн ‘Абд ас-Салам говорил: “Наука о соответствиях – это хорошая наука. Однако связность речи обусловлена единством предмета, о котором идет речь, когда начало мысли связано с ее концом. Если же речь идет о разных предметах, то и связности в речи нет. Попытки найти соответствия выходят в таком случае крайне искусственными, а связность оказывается весьма шаткой. Такого не должно быть в любой хорошей речи, а что уж тогда говорить о лучшей из речей?

Коран ниспосылался в течение двадцати с лишним лет, в разных условиях, устанавливал положения закона в связи с разными об-

¹⁷ См.: *Джалал ад-Дин ас-Суйути. Совершенство в коранических науках*. Т. 3. С. 172. Рассуждение Ибн аз-Замалкани основано на том соображении, что между двумя формулами, при всей близости их значения, есть разница в употреблении. Формула «Пречист (*subhān*) Аллаху» часто употребляется с предлогом ‘*an*, который добавляет к формуле смысл опровержения ложных измышлений о Боге, например, «Пречист Аллах, владыка престола, превыше Он (‘*an*) того, что они Ему приписывают» (21:22).

стоятельствами. А если это так, то не все в нем может быть связано друг с другом»».

Шейх Вали ад-Дин ал-Муллави¹⁸ говорил: «Заблуждается тот, кто утверждает, что для драгоценных аятов не следует искать соответствий, поскольку они ниспосланы по случаю не связанных между собой событий.

Можно категорически утверждать, что, хотя они ниспосланы в связи с разными событиями, но порядок их и происхождение – от Премудрости. Свод составлен согласно тому, что находится на хранимой скрижали, и порядок всех сур и аятов в нем определен установлением свыше. Именно так целиком Коран был ниспослан в дом величия¹⁹.

К числу очевидных проявлений неподражаемости Корана относится его слог (*uslūb*) и его великолепный строй (*nazm*). Первое, что надо исследовать относительно каждого аята, – является ли он дополняющим (*mukammil*) по отношению к тому, что предшествует ему, или же самостоятельным (*mustaqill*). Если это самостоятельный аят, надо рассмотреть, в чем проявляется его соответствие (*munāsaba*) с тем, что предшествует ему.

Такова эта всеобъемлющая наука, которая относится и к сурам. Надлежит исследовать, в чем проявляется связь суры с тем, что предшествует ей и что подводит к этой суре». Цитата завершена²⁰.

Анализ позиций и аргументов сторон выходит за формат статьи, однако укажем, что и до сих пор в среде востоковедов идут споры о том, можно или нельзя говорить о смысловом и композиционном единстве суры и всего свода, причем аргументация подчас довольно схожа с доводами, приведенными выше.

Вторая книга – это единственное сочинение, специально посвященное науке о соответствиях, которое знает и упоминает Заркаши. Это «Доказательство о порядке сур» (ал-Бурхан фи тартиб ас-сувар) (Рабат, 1990) Ибн аз-Зубайра, Абу Джа‘фара Ахмада ибн Ибрахи-ма ал-Гарнати (1230–1308), андалусского хадисоведа, законоведа, корановеда, историка, языковеда. Количество цитирований Ибн аз-Зубайра в последующих трудах доказывает его основополагающую роль в становлении науки о соответствиях.

¹⁸ Вали ад-Дин ал-Муллави – личность не установлена.

¹⁹ См.: *Джасал ад-Дин ас-Суйути*. Совершенство в коранических науках. Т. 2. Гл. 16. С. 156.

²⁰ *Джасал ад-Дин ас-Суйути*. Совершенство в коранических науках. Т. 3. С. 153–154. Заркаши приводит эту цитату без упоминания имени автора, а Суйути упоминает имя автора, но дает цитату в сокращении.

Дальше идет глава о науке о соответствиях из книги самого Заркаши, о которой мы поговорим отдельно. Другие книги, упомянутые в начале статьи, относятся уже ко времени после Заркаши. Важно сказать в заключение, что Заркаши, хотя и не знает дальнейшего развития науки, уже говорит о ней как о сложившейся дисциплине.

Список литературы

1. *Абу Джа'фар ибн аз-Зубайр*. Ал-Бурхан фи тартиб ас-сувар. Рабат, 1990.
2. *Бадр ад-Дин аз-Заркаши*. Ал-Бурхан фи 'улум ал-Ку'ан. Т. 1–4. Бейрут, 1988.
3. *Бурхан ад-Дин Ибрахим ибн 'Умар ал-Бика'и*. Назм ад-дурар фи танасуб ал-айат ва-с-сувар. Бейрут, 1995.
4. *Джалал ад-Дин ас-Суйути*. Совершенство в коранических науках. Т. 2. М., 2001.
5. *Джалал ад-Дин ас-Суйути*. Совершенство в коранических науках. Т. 3. М., 2003.
6. *Джалал ад-Дин ас-Суйути*. Танасук ад-дурар фи танасуб ас-сувар. Бейрут, 1986.
7. *Фролов Д.В.* Средневековые мусульманские дискуссии о порядке сур и их значение для изучения композиции Корана // Фролов Д.В. Арабская филология. Грамматика, стихосложение, корановедение. М., 2006. С. 340–353.
8. *Cuypers M.* The Composition of the Qur'ān. L., 2015.
9. *Salwa M.S. El-Awa.* Textual Relations in the Qur'ān. Relevance, coherence and structure. L., 2006.

References

1. Abu Ja'far ibn az-Zubair. *Al-Burhan fi tartib as-suvar*. Rabat, 1990.
2. Badr ad-Din az-Zarkashi. *Al-Burhan fi 'ulum al-Qur'ān*. T. 1–4. Beirut, 1988.
3. Burhan ad-Din Ibrahim ibn 'Umar al-Bika'i. *Nazm ad-durar fi tanasub al-aiat va-s-suvar*. Beirut, 1995.
4. Jalal ad-Din as-Suyuti. *Sovershenstvo v koranicheskikh naukakh* (The Perfection in Qur'ānic Studies). T. 2. M., 2001.
5. Jalal ad-Din as-Suyuti. *Sovershenstvo v koranicheskikh naukakh* (The Perfection in Qur'ānic Studies). T. 3. M., 2003.
6. Jalal ad-Din as-Suyuti. *Tanasuk ad-durar fi tanasub as-suvar*. Beirut, 1986.
7. Frolov D.V. *Srednevekovye musul'manskii diskussii o poryadke sur i ikh znachenie dlya izucheniya kompozitsii Korana* (Medieval Muslim Discussions on the Order of Surahs and their Importance for the Studies of the Composition of the Qur'ān). D.V. Frolov. Arabskaya filologiya. Grammatika, stikhoslozhenie, koranovedenie. M., 2006, pp. 340–353.
8. Cuypers M. *The Composition of the Qur'ān*. L., 2015.
9. Salwa M.S. El-Awa. *Textual Relations in the Qur'ān. Relevance, coherence and structure*. L., 2006.

Сведения об авторе: Фролов Дмитрий Владимирович, докт. филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор, зав. кафедрой арабской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: arabphilology@iaas.msu.ru

About the author: Frolov Dmitry Vladimirovich, Doctor of Philology, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), professor, Head of the Department of Arabic philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: arabphilology@iaas.msu.ru

В.С. Шатохина

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТА «ЧЕЛОВЕК» КАК ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ ЯЗЫКА СУАХИЛИ

В данной статье исследуется концепт «человек» на материале наиболее широко представленной категории пословиц и поговорок в языке суахили. Именно семантическое пространство данного концепта позволяет проследить систему духовно – нравственных ценностей, отраженных в изучаемом лингвистическом материале. В то же время ценностные ориентации помогают всесторонне изучить вербальные средства выражения образов, ассоциированных с концептом личности (человека) в паремиях.

Ключевые слова: семантическое поле, концепт «человек», система ценностей.

The article describes the semantic field of the “human” concept that is widely presented among the Swahili proverbs. That is the space of this concept that helps to overview the system of spiritual cultural values. Cultural and spiritual values are very important part of every ethnic community and Swahili as well. These values are accumulated, carefully kept and pass from generation to generation of Swahili people with the help of their proverbs. Cultural values are also a basic category of the world’s picture of the ethnos. All the values are invisibly spread and somehow codified in the language of Swahili community and proverbs are not an exception. The investigation of human values through the proverbs is like a key to the soul of Swahili people.

Key words: semantic space of concept “human”, cultural and spiritual values, ethnically codified categories.

Специалисты, занимающиеся исследованием паремий, неоднократно говорили о многогранности тем, затрагиваемых в народных мудростях. Как отмечает Г.Л. Пермяков, одним из наиболее известных способов классификации пословиц и поговорок, наряду с алфавитным, является лексическая (энциклопедическая) классификация, предполагающая распределение пословиц по ключевым словам, из которых она состоит, т.е. разграничивающая паремии, учитывая различные семантические поля¹. Так, например, сам Пермяков,

¹ См.: Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Либроком, 2015. С. 9.

разрабатывая свой вариант классификации паремий, который впоследствии был признан одним из наиболее удачных, помимо логико-семиотического плана учитывает также и предметно-образный.

На наш взгляд, наиболее полную дефиницию лингвистического понятия «семантическое поле» можно найти у отечественного филолога Л.Л. Нелюбина. Семантическое поле – это: 1) совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд; слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область знаний; 2) группа слов, значения которых имеют общий семантический компонент; 3) совокупность явлений или область действительности, имеющая в языке соответствие в виде тематически объединенной совокупности лексических единиц; 4) совокупность лексических единиц, образующих тематический ряд, который складывается в долговременной памяти человека, а потом возникает всякий раз в случае необходимости общения в данной тематической области².

Так, один из исследователей пословиц и поговорок языка суахили Я. Кнапперт выделяет в изучаемом им пословичном фонде такие семантические поля, как *бедность, человеческая натура, женщина, рабство, любовь и брак, идеал общества*³.

Принимая во внимание многостороннюю направленность семантических полей, затрагиваемых в пословицах и поговорках, неудивительно, что паремиологи перенимают опыт лингвоконцептологии и рассматривают паремии с точки зрения концентрации текста вокруг различных концептов. По словам В.И. Карасика, «концепт представляет собой ментальное образование, в составе которого выделяются образное и ценностное измерения»⁴. Таким образом, концепт приобретает знаковый характер, раскрывая в семантическом поле менталитет обобщенного носителя языка. Так, например, можно выделить следующие концепты в суахилийском пословичном фонде: зоономы, реалии окружающего мира⁵, соматизмы⁶ и др. Однако одним из наиболее «широких» таких концептов, который можно выделить из богатого пословичного фонда суахили,

² См.: Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинт; Наука, 2003. С. 191.

³ Knappert J. Swahili Proverbs / Supplement series of Proverbium / Yearbook of International Proverb Scholarship. Vol. 1. Burlington; Vermont: Queen City Printers, 1997. P. 13–18.

⁴ Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. С. 94.

⁵ См., например: Громова Н.В. Соматический код суахилийских пословиц // Петербургская африканистика. СПб., 2008. С. 220–227.

⁶ Там же. С. 214–219.

является концепт «человек». Из 2500 тыс. пословиц, перечисленных в толковых словарях⁷, большая часть может быть отнесена именно к семантическому полю концепта «человек».

В контексте рассматриваемого концепта «человек» нельзя не упомянуть идеи о личностно-ориентированной фразеосемантике, сформулированные Е.Г. Чалковой: «Иноязычная личностно-ориентированная фразеосемантика – это направление фразеологии, нацеленное на исследование системы семантических полей, хранящихся в памяти в соответствии с гностическими зонами мозга, связанными с рефлексией межличностного общения»⁸. В семантическом поле того или иного концепта наиболее полно отражается знаковая репрезентация ценностей языковой личности.

Семантические периферические компоненты, употребляемые в пословицах, позволяют раскрыть семантическую нагруженность макрополя «человек» на уровне трех областей исследования: лингвобиологического (рождение, жизнь, смерть, биологические потребности); лингвосоциального (взаимодействие личности с микросоциумом и макросоциумом) и лингвopsихологического (психологические особенности человека, черты характера, личностные характеристики, духовные потребности личности). В данной статье рассматривается один из сквозных компонентов, объединяющих все три вышеперечисленные области исследования и возвращающих нас при изучении суахилийских паремий к архисеме *Mtu* «человек» – это духовно-нравственные ценности языковой личности.

Ценности появились в истории человеческого рода как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом тяжелых жизненных испытаний. Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление аксиологические моменты. Они соотносятся с представлением об идеале, желаемом, нормативном. Ценности придают смысл человеческой жизни, способствуют оптимистическому ее восприятию. Ценностные ориентации являются важным компонентом передающегося по наследству традиционного знания каждого представителя этноса (в отличие от знания рационального, обусловленного социальным или личным жизненным опытом). Основная масса этнокультурной информации (традиционного зна-

⁷ Kingei K., Ndalu A. Kamusi ya Methali (*Dictionary of proverbs*). Kenya, Nairobi: Prints Arts Limited, 2008; Wamitila K.W. Kamusi ya Methali. Kenya, Nairobi: Longhorn publishers, 2001.

⁸ Чалкова Е.Г. Основы иноязычной личностно-ориентированной фразеосемантики: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999. С. 8.

ния) усваивается (как осознанно, так и бессознательно) в раннем возрасте вместе с языком⁹.

Важность ценностных ориентаций в жизни того или иного этноса обусловила их «кодирование» в системе национального языка (лексики по преимуществу). Если говорить об отражении ценностных ориентаций в языке, то среди авторитетных текстов особое место занимают тексты паремиологического характера. В пословицах и поговорках суахили, в свою очередь, также отражаются представления о моральных качествах человека, его системы взглядов на окружающий мир, его ценностной ориентации.

Пословицы и поговорки являются отдельными познавательными актами, выраженными в каждой языковой структуре по-особому. В связи с этим их интерпретация может быть адекватной лишь при учете не только самого языкового выражения, но и знания о действительных ситуациях, приобретенных носителем языка на основе как своего индивидуального опыта, так и общественного опыта, закрепленного и переданного в языковых формах (текстах)¹⁰. Особенности языкового общественного сознания накладывают свой отпечаток на суахилийские пословицы и поговорки и составляют национальный языковой характер народа суахили. Национальным языковым характером, в свою очередь, обусловлен и тот факт, что суахилийские пословицы и поговорки известны и понятны всем носителям языка суахили и гармонично входят в их мировосприятие как неотъемлемая часть общей картины реальности. В то же время для иноязычного адресата они наполнены национальным колоритом и могут быть даже непонятны, если его картина мира значительно отличается от языковой картины мира суахилийца и не совпадают конфигурации ценностей того или иного коллектива.

Ценность можно определить как предельное представление о норме. Поскольку ценности должны быть обязательно признаны человеком в качестве таковых, они являются продуктом культурных, а не стихийных природных процессов. В связи с этим всякая аксиологическая система – антропоцентричная, так как вне человеческого отношения любые ценности не имеют смысла. Ценности – базовая категория при построении языковой картины мира, причем набор ценностей, их иерархия во многом определяют культурный тип того или иного социума.

⁹ См.: Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 15.

¹⁰ См.: Колишанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990. С. 27.

Прежде, чем перейти к описанию семантического поля пословиц и поговорок, характеризующих личность, необходимо отметить, что в языке суахили столь «эгоцентрический» характер пословичного фонда объясняется и чисто лингвистическими особенностями. Поскольку суахили является агглютинативным языком, при построении предложения, даже если отсутствует существительное или местоимение в роли подлежащего, используется субъектный показатель, прямо указывающий на то, что действие совершается или совершалось определенным лицом. В случае с пословицами это, как правило, показатель 1 лица единственного числа *A-* или 3 лица множественного числа *Wa-*, класса «людей». Архисема *Mtu* «человек» является своеобразным ядром семантического макрополя «человек», однако как говорилось выше, часто непосредственное указание на соответствующую лексему отсутствует, а иногда приобретает некоторые более конкретные варианты, как, например, *mtoto* «ребенок», *mke* «жена» и т.д.

С точки зрения содержания понятий в макрополе «человек» можно выделить моральные и утилитарные ценности, «систему и чисто прагматических критериев и оценок, с которыми языковая личность подходит к жизненным ситуациям»¹¹.

1. Моральные ценности

Категория	Пример
Дружба	<i>Akufaaye kwa dhiki ndiye rafiki.</i> Тот, кто тебе помогает и в горестях, – настоящий друг (Друг познается в беде). <i>Akupaye kisogo sio mwenzio.</i> Тот, кто поворачивается к тебе затылком, не твой друг
Любовь	<i>Akipenda chongo huita kengeza.</i> Если любишь слепого на один глаз, то зовешь его косоглазым (Любовь зла – полюбишь и козла). <i>Mapenzi ni kikohozi, hayawezi kufichika.</i> Любовь – как кашель, никуда не спрячешь
Материнство	<i>Mama hawezi kumkana mtoto hata akiwa na kilema.</i> Мать ребенка не отвергает, даже если он инвалид. <i>Asiye mwana aeleke jiwe.</i> Тот, у кого нет ребенка, пусть несет за спиной камень
Правда	<i>Apatikanaye na mkasa hupatikana na visa.</i> Рядом с тем, у кого что-то случилось, всегда догадки. <i>Shetani wa mtu ni mtu.</i> Бес, живущий в человеке, и есть сам человек

¹¹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 235.

Категория	Пример
Справедливость	<i>Asiye matendo hula uvundo.</i> Тот, кто ничего не сделал, получает в качестве еды только плохой запах
Бережливость	<i>Afuataye upotevu si mwerevu.</i> Тот, кто живет расточительно, не мудрец
Трудолюбие	<i>Ajengaye si alalaye.</i> Тот, кто строит – это не тот, кто спит. <i>Mchagua jembe si mkulima.</i> Тот, кто выбирает мотыгу, не крестьянин
Щедрость	<i>Akupaye kidogo ndiye akupaye kingi.</i> Тот, кто сейчас тебе дает немного, потом даст тебе много (Рука дающего не оскудеет)
Храбрость	<i>Akutendae mtende, simche akutendae.</i> На зло отвечай злом, не бойся того, кто делает тебе плохо
Милосердие	<i>Akuwekaye juani mweke kivulini.</i> Если тебя кто-то оставил на солнце, то ты оставь его в тени. (Если тебя ударили по левой щеке, подставь правую)
Упорство	<i>Anayejitahidi hufaidi.</i> Тот, кто старается, чего-нибудь добьется (Кто ищет, тот всегда найдет)
Довольство малым	<i>Aso hili ana lile (aso = asiyekuwa).</i> У кого нет этого, есть то
Забота о близких	<i>Ametoa nguo jogoo, mkewe hakuzipata.</i> Отдал одежду петуху, а своей жене ничего не досталось. <i>Ametoa sadaka na wanawe wafa njaa.</i> Раздавал милостыню, а свои дети от голода умирают
Стремление к знанию	<i>Ahangaikaye sana na jua hujua.</i> Тот, кто все время следует за солнцем, много знает. <i>Ajifunzaye haachi kujua.</i> Тот, кто учится, не перестает что-то узнавать

2. Утилитарные ценности

Категория	Пример
Абстрактные ценности (сон, еда, отдых)	<i>Ashibaye hamjui mwenye njaa.</i> Сытый голодного не понимает (Сытый голодному не товарищ)
Материальные ценности	<i>Mali ya kumtia mwenyewe utumwani si mali.</i> Богатство, которое делает его владельца рабом, не богатство (Не в деньгах счастье) <i>Mali ya bahili mwenyewe jini.</i> Богатство жадины принадлежит духам

С точки зрения субъекта, признающего некое понятие за ценность, можно разграничить индивидуальные, групповые, этнические и общечеловеческие ценности.

Категория	Пример
Индивидуальные ценности	<i>Mchele mmoja, wapishi wengi.</i> Рис один, а поваров много. <i>Ajifunzaye haachi kujua.</i> Тот, кто учится, не перестает что-то узнавать (Век живи – век учись)
Групповые ценности	<i>Mganga hajigangi.</i> Лекарь себя не лечит (Сапожник без сапог). <i>Manahodha wengi chombo huenda mrata.</i> Много рулевых – судно качает (У семи нянек дитя без глазу)
Этнические ценности	<i>Watetea ndizi mgomba si wao.</i> Спорят о бананах, а само дерево им не принадлежит
Общечеловеческие ценности	<i>Mfinyanzi hulia gaeni.</i> Гончар плачет над черепками. (Сапожник без сапог.) <i>Wema hauozi.</i> Добро не пропадает

Те или иные социальные группы или коллективы (семья, дружеская компания, сословие) могут обладать особенностями в конфигурации ценностей, однако существует определенная базовая система ценностей, характеризующая языковой коллектив и определяемая общностью исторической судьбы, географическим пространством обитания, преимущественным характером хозяйственной деятельности и многими другими факторами. Этническая система ценностей как таковая не вербализируется обществом, не представляется в виде набора постулатов, она как бы «разлита» в языке, в авторитетных текстах, таких как пословицы и поговорки, и может быть реконструирована на основании оценок, которые дают тому или иному понятию члены социума.

Установление соответствия реалий действительности с предельным представлением о норме – ценностью – происходит в результате оценочной деятельности социума. Оценка – это акт человеческого сознания, который заключается в сравнении предметов, явлений и соотнесении их свойств и качеств с нормой. Результаты этого сравнения закрепляются в сознании и в языке в виде лексического оценочного компонента: позитивного отношения, т.е. одобрения (*Anayejitahidi hufaidi.* Тот, кто старается, чего-нибудь добьется = Кто ищет, тот всегда найдет), нега-

тивного отношения, т.е. осуждения (*Asemaye mengi, hushukuriwa na wachache*. Тому, кто много болтает, немногие скажут спасибо) или нейтрального отношения (*Alimaye hupalilia*. Тот, кто пашет, тот обычно и полет). Такое «кодирование» осуществляется прежде всего включением оценочного компонента непосредственно в значение слов. Как указывала В.Н. Телия, «эмотивно-оценочное отношение детерминировано мировоззрением народа – носителя языка, его культурно-историческим опытом, системой существующих в данном социуме критериев оценки...»¹² Таким образом, выражение оценки в языке трехзначно: хорошо – нейтрально – плохо.

Основываясь на своем «аксиологическом видении мира», человек формулирует оценочные суждения по отношению к тем реалиям, которые появляются в его жизни. В соответствии с общенациональными установками понятия «правда», «красота», «справедливость» в макрополе концепта «человек» маркируются в сознании суахилийца положительной оценкой (*Asiye na chakula ana kitoweo*. У кого нет еды, у того есть приправа); понятия «ложь», «уродство», «несправедливость» – отрицательной (*Mali ya bahili huliwa na wadudu*. Богатство скряги съедают насекомые).

Несомненно, что специфика национального представления о том или ином базовом понятии, некие нравственные, ценностные компоненты тем или иным образом отражаются в языке. Среди основных функций языка многие лингвисты выделяют так называемую национально-культурную функцию. А.А. Леонтьев пишет об этом: «Язык отражает и закрепляет реалии, абстрактные понятия и т.д., отработанные историческим прошлым данного народа, обязанные своим существованием специфическим условиям трудовой, общественной, культурной жизни этого народа»¹³. Однако очевидно и то, что собственно национально-культурная специфика формируется «вне языка – в системе ценностей, обычаев, традиций конкретной лингвокультурной общности», – пишет А.С. Мамонтов¹⁴. Человек же обладает лидирующей способностью пропускать мир через себя как «меру всех вещей».

Таким образом, система человеческих ценностей, отраженная в материале пословиц и поговорок языка суахили, и комплексный подход к рассмотрению семантического поля

¹² Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 45.

¹³ Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. С. 13.

¹⁴ См.: Мамонтов А.С. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения. М., 2000. С. 10.

концепта «человек» позволяет разносторонне взглянуть на понятие «личность» в контексте суахилийских паремий. В результате анализа пословиц стал также очевидным и тот факт, что этническая система ценностей, подсознательно признаваемая языковым коллективом народа суахили, не лежит на поверхности, а требует глубокого изучения материала с привлечением большого количества паремий. Именно национальная группа ценностей, на наш взгляд, позволяет ощутить своеобразие мышления народа суахили и его языковой картины мира.

Список литературы

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
2. Громова Н.В. Соматический код суахилийских пословиц // Петербургская африканистика. СПб., 2008.
3. Громова Н.В. Концепт «вода» в языковой картине мира (на материале языка суахили) // Петербургская африканистика. СПб., 2008.
4. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
6. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
7. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
8. Мамонтов А.С. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения. М., 2000.
9. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд. перераб. М.: Флинт; Наука, 2003. – 330 с.
10. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М.: Либроком, 2015. – 672 с.
11. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
12. Чалкова Е.Г. Основы иноязычной личностно-ориентированной фразеосемантики: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1999. – 328 с.
13. Knappert J. Swahili Proverbs/Supplement series of Proverbium / Yearbook of International Proverb Scholarship. Vol. 1. Burlington; Vermont: Queen City Printers, 1997. – 156 p.
14. King'ei K., Ndalu A. Kamusi ya Methali. Kenya, Nairobi: Prints Arts Limited, 2008. – 372 p.
15. Wamitila K.W. Kamusi ya Methali. Kenya, Nairobi: Longhorn publishers, 2001.

References

1. Bromley U.V. Oчерки teorii etnosa (*Analytical review on ethnos theory*). Moscow, 1983.
2. Gromova N.V. Somaticheskyy kod suahiliyskiykh posloviz (*Somatic code of Swahili proverbs*). Peterburgskaya afrikanistika (African studying of St. Petersburg). St. Petersburg, 2008.
3. Gromova N.V. Konzept “voda” v yazikovoy kartine mira (na materiale posloviz yazika suahili) (*“Water” concept in linguistic picture of the world (on the material of Swahili poverbs)*). Peterburgskaya afrikanistika (African studying of St. Petersburg). St. Petersburg, 2008.
4. Karasik V.I. Yazikovaya matritza kulturi (*The linguistic matrix of culture*). Moscow, Gnozis, 2013.
5. Karaulov U.N. Russkiy yazik i yazikovaya lichnost (*Russian language and linguistic person*). Moscow, 1987.
6. Kolshanskiy G.V. Obiektivnaya kartina mira v poznanii i yazike (*Objectine picture of the world in gnosiz and language*). Moscow, 1990.
7. Leontiev A.A. Yazik, rech, rechevaya deyatelnost (*Language, speech, speech activity*). Moscow, 1969.

8. Mamontov A.S. Yazik i kultura: sopostavitelnyy aspekt izucheniya (*Language and culture: comparative aspect of learning*). Moscow, 2000.
9. Nelubin L.L. Tolkoviy perevodovedcheskiy slovar (*Explanatory translational dictionary*). Third edition, overworked. Moscow, Flint: Nauka, 2003.
10. Permyakov G.L. Poslovizi i pogovorki narodov Vostoka (*Proverbs and sayings of Eastern peoples*). Moscow, Librokom, 2015.
11. Teliya V.N. Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnih ediniz (*Connotative aspect of nominative units' semantics*). Moscow, 1986.
12. Chalkova E.G. Osnovi inoyazichnoy lichnostno – orientirovannoy frazeosemantiki (*The basis of foreign – language personally-oriented phraseosemantics*). Dissertation on PhD of Philology. Moscow, 1999.
13. Knappert J. Swahili Proverbs / Supplement series of Proverbium / Yearbook of International Proverb Scholarship, vol. 1. Burlington, Vermont, Queen City Printers, 1997.
14. Kingi K., Ndalu A. Kamusi ya Methali (*Dictionary of proverbs*). Kenya, Nairobi: Prints Arts Limited, 2008.
15. Wamitila K.W. Kamusi ya Methali (*Dictionary of Proverbs*). Kenya, Nairobi, Longhorn publishers, 2001.

Сведения об авторе: Шатохина Виктория Сергеевна, аспирант кафедры африканистики Института Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: viko4ka777@mail.ru

About the author: Shatokhina Viktoria Sergeevna, Ph.D. candidate, Department of African Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: viko4ka777@mail.ru

Е.А. Гудкова

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ КОЛЕБАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ХИНДИ

Статья посвящена лексико-типологическому анализу семантики глаголов колебательного движения на материале языка хинди, а также метафорическим переносам данного поля. Цель статьи – исследование принципов организации семантического поля качания. Был выявлен ряд семантических параметров, релевантных для поля колебания в хинди. Наиболее релевантными оказались параметры одушевленности, а также параметр колебания по причине деформации.

Ключевые слова: лексическая типология, глаголы колебания, семантический параметр, метафоризация.

The article presents an analysis of the semantic field of oscillation verbs in Hindi and its metaphORIZATION. The main aim of this article is to study the principles of organization of the semantic field of oscillation in Hindi. Some semantic parameters relevant for this field in Hindi were revealed. The most relevant parameters are animateness and oscillation because of the deformation.

Key words: oscillation verbs, typology, metaphORIZATION, verb semantics.

В последние годы отмечается рост интереса лингвистов-типологов к проблемам лексического уровня. Перед лингвистами ставится задача пристального изучения семантики отдельных лексических единиц в языках мира. Данная статья посвящена типологическому анализу поля глаголов колебательного движения на материале языка хинди. Цель исследования состоит в выявлении семантических параметров, структурирующих поле качания в хинди. Важно определить, какие из возможных параметров создают микрофреймы и выражаются отдельной лексемой, иными словами, противопоставление каких параметров находит свое отражение на лексическом уровне. Кроме того, еще одна задача стоит в обнаружении типологически релевантных моделей метафорических переносов исследуемых лексических единиц.

Работа была написана в рамках лексико-типологического проекта исследования семантики глаголов колебательного движения, относящихся к разным языковым семьям. Первым анализом данного поля была работа на материале двух родственных языков – русского

и польского¹. В настоящее время данная зона была изучена на материале 10 языков: русский, польский, финский, коми-зырянский, ненецкий, японский, корейский, французский, итальянский и томокан.

Данное исследование вносит большой вклад в теорию, поскольку описывает параметры, релевантные для поля качания в хинди, тем самым позволяя сравнить его с другими языками, исследованными в рамках типологии качания. Также оно имеет практическое значение, помогает различить квазисинонимы, контекстный анализ лексических единиц поможет при подготовке к составлению словарей и семантических карт, будет полезен для преподавания.

Работа опирается на данные двуязычных и толковых словарей и на языковой материал, полученный при работе с носителями. Особая благодарность выражается Анилу Джанвиджаю.

1. Семантические особенности глаголов колебания. Суть колебательного движения состоит в том, что оно циклично. Отклонение тела или предмета от центра равновесия является локализованным (т.е. ограниченным в пространстве)². Типичная ситуация колебательного движения состоит в том, что субъект изменяет свое положение в пространстве под воздействием какого-либо внешнего импульса или в результате воздействия каузатора.

Глаголы «качания» входят в группу глаголов способов движения. В связи с этим, как и в случае с другими глаголами движения, вслед за Л. Талми³ можно выделить такие аргументы ситуации, как субъект движения (*figure*), причина колебания (*cause*) и ориентир движения (*landmark*). Одна из главных сложностей описания этой группы – аргументная структура составляющих ее глаголов, которая существенно отличается от структур других групп глаголов движения. Колебание является не направленным движением, а повторяющимся, возвратно-поступательным движением субъекта, чаще всего закрепленного в одной точке (за исключением ситуаций, когда колебание дополнительно сопровождает направленное движение, например, когда человек шатается при ходьбе или поезд покачивается на ходу, но с точки зрения колебания субъект и здесь

¹ См.: Рахилина Е.В., Прокофьева И.А. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой / Ред. В.Н. Топоров. М.: ЯСК, 2005. С. 304–314.

² См.: Дворникова Л.В. Изучение глаголов колебательного движения в современной лингвистике. URL: <http://nkras.ru/nt/2010/Dvornikova> (дата обращения: 29.12.2016).

³ Talmy L. Semantics and Syntax of motion. Academic Press, 1975. P. 181–238.

остается закрепленным в одной точке – отличие только в том, что сама эта точка перемещается вместе с субъектом)⁴. Таким образом, для данной группы глаголов семантические валентности источника и цели являются нерелевантными.

Хинди относится к индоиранской ветви индоевропейской семьи языков (индоарийская группа, центральная подгруппа). Для того чтобы понять, как в целом устроено поле качания в хинди, вслед за Т.В. Велейшиковой⁵, мы выделяем четыре зоны по типу субъекта колебания: зона колебания мягких предметов, зона колебания твердых предметов, колебание по причине деформации, а также колебание с точкой отсчета (т.е. такое колебание, при котором происходит возвращение объекта в нейтральное положение). Кроме разграничения лексем по этим четырём зонам в статье рассматриваются дополнительные признаки, например, свойства субъекта движения (мягкий и твердый) положение субъекта в пространстве (закреплен ли он сверху или снизу), а также одушевленность/неодушевленность субъекта движения. Кроме того, исходя из данных, полученных при анализе глаголов зоны колебания некоторых других языков мира (например, русского и польского)⁶, в работе выделяется такой компонент ситуации, как причина колебания. Часто аргументная структура глаголов колебательного движения включает по крайней мере факультативную валентность причины (например, «качаться на ветру»).

Еще одна важная отличительная черта глаголов колебания – деление данного поля на так называемые зоны функциональности: зона «плюс» функциональности, «минус» функциональности и нейтральной функциональности, в зависимости от того, как маркирована ситуация с точки зрения говорящего, окрашена ли она для него эмоционально. Например, ситуация раскачивающегося маятника в сознании человека маркирована положительно, поскольку этот объект был специально создан для качания, он выполняет свою функцию. На другом конце шкалы функциональности можно представить себе расшатанный пол или гнилые доски, которые прогибаются и раскачиваются, когда на них наступает человек. Отношение

⁴ См.: *Шапиго М.М.* Глаголы колебания в типологической перспективе (на примере языков хинди и томо-кан) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2015. С. 17–33.

⁵ См.: *Велейшикова Т.В.* Глаголы колебания: семантика и типология (на материале германских и славянских языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 7 (97). С. 55–60.

⁶ См.: *Рахилина Е.В., Прокофьева И.А.* Указ. соч.

к таким ситуациям человека будет отрицательным. К нейтральным ситуациям можно отнести качание дерева на ветру.

В выборку попали глаголы, имеющие следующие словарные значения: *hilnā* («раскачиваться, качаться», «шататься»), *jhūlnā* («качаться, раскачиваться»), *Dolnā* («колебаться, качаться»), *kā^mpnā* («дрожать»), *thartharānā* («дрожать, трястись от страха»), *Dagmagānā* («идти неверной походкой, дрожать, колебаться»).

2. Глагол *hilnā* («качаться»). Глагол *hilnā* («раскачиваться, качаться», «шататься») обладает самой широкой сочетаемостью и охватывает большинство ситуаций колебания в хинди. Он может описывать ситуации неустойчивости предметов закрепленных как снизу, так и сверху.

- (1) *uske cehre par mānspeṣī hilī nahīⁿ*
его лицо на мускул дрогнул (Past) не
«Ни один мускул не дрогнул на его лице».
- (2) *vah buzurg hai aur uske dāⁿt hil rahe haiⁿ*
он старый есть и его зубы шатаются (Pres Progr)
«Он старый и его зубы шатаются».

Кроме того, глагол *hilnā* может описывать ситуации качания мягких и жестких предметов.

- (3) *havā meⁿ parde hil rahe haiⁿ*
ветру на занавески качаются (Pres Progr)
«На ветру занавески качаются»;
- (4) *peR hil rahā hai*
дерево качается (Pres progr)

Глагол *hilnā* также охватывает зону колебания по причине деформации субъекта.

- (5) *purānī cārdīvārī hil rahī hai*
старый забор шатается (Pres progr)

Исходя из прямого значения «колебание твердых/мягких субъектов» образуется группа метафор со значением Колебание > неустойчивое эмоциональное состояние/положение в обществе.

- (6) *ājkal manmohan siⁿh kā mahattv hil rahā hai*
сейчас Манмохана Сингха (Gen) важность качается (Pres progr)
«Сейчас репутация Манмохана Сингха находится под ударом».

- (7) *nītā ne mujh se ṣādī karne se inkār kiyā, abhī*
Нита мной с брак делание от отказалась сейчас
hamāre pyār me merā viśvās hil rahā hai
нашу любовь в моя вера качается (Pres progr)

«Нита отказалась выйти за меня замуж, теперь моя вера в нашу любовь «колеблется».

- (8) uskā viśvās hilāne kī koṣiś mat karo
его надежду пошатнуть (Caus) попытку не делай
vah us gaṭib laRkī se śādī karegā
он той бедной девушкой с свадьбу сделает = сыграет
«Не пытайся пошатнуть его надежду, все равно он женится на той бедной девушке».

От прямого значения «колебание по причине деформации» образуется группа метафор со значением Колебание > неустойчивость. Чаще всего в данной группе метафор можно встретить сочетание hilnā с названием каких-либо правительственных организаций, также наиболее частым является контекст политической нестабильности.

- (9) śramikoⁿ kī ektā hil nahīⁿ saktī hai
Профсоюзов единство расшататься не может (Pres Ind)
«Единство профсоюза не может пошатнуться».

- (10) hinduoⁿ aur musalmānoⁿ ke bīc meⁿ ektā jo
хинду и мусульманами между единство которое
hai, abhī vah hil rahī hai
есть сейчас оно шатается (Pres Progr)

«То единство, которое существует сейчас между хинду и мусульманами, непрочное».

- (11) jammu aur kaśmīr kī samasyā ke kāraN hil rahā hai
Джамму и Кашмира проблема из-за качается (Pres Progr)
pākistān
Пакистан

«Пакистан находится в состоянии нестабильности из-за проблемы Джамму и Кашмира».

По шкале функциональности глагол hilnā может быть отнесен к зоне нейтральной функциональности либо к зоне минус функциональности.

Следующая группа метафор со значением «привыкать, привыкаться к кому-либо», «приручаться» уникальна и до сих пор не встречалась ни в одном из языков, изученных с точки зрения типологии колебательного движения. Чаще всего в качестве второго участника ситуации выступает какое-либо животное, реже – человек. Данная метафора имеет две ступени перехода. Идея совместного качания («колебаться в унисон») дает значение метафорический перенос «привыкать, приручаться».

- (12) mujhe lagtā hai ki yah billi dhīre-dhīre mujh se
 мне кажется что та кошка медленно мной с
 hīlne lagī
 качаться (Obl Inf) начала
 «Мне кажется, что та кошка начала медленно приручаться ко мне».
- (13) tumhāī javān bīvī tumse kabhī nahīⁿ hilegī,
 твоя юная жена с тобой никогда будет качаться (Fut)
 lagtā hai ki vah tum se nafrat kartī hai, yār
 кажется что она тобой с отвращение делает друг
 «Твоя молодая жена никогда к тебе не привыкнет, мне кажется, что она вообще тебя ненавидит, друг».

3. Глагол jhūlnā («качаться»). Данный глагол описывает ситуации качания класса субъектов, расположенных вертикально, при этом тип качания является «маятникообразным». Глагол описывает ситуации качания специальных приспособлений, (маятник, качели). Сами субъекты могут быть как жесткими, так и мягкими.

- (14) aurat baRī raftār se cal rahī thī aur uskī
 женщина большой скоростью с шла и её (Gen)
 skarT havā meⁿ jhūl/hīl rahī thī
 юбка ветру на качалась (Past Progr)
 «Женщина шла быстрым шагом, и ее юбка развевалась на ветру».
- (15) jhūlā hīl rahā hai
 качели качаются (Pres Progr)

Исходя из прямых значений, можно выделить группу метафор Колебание > перемещение между двумя точками.

- (16) apnī beTī ko dekho vah jīvan aur maut
 свою дочь на посмотри она жизнью и смертью
 ke bīc me jhūl rahī hai kuch nahīⁿ khātī
 между качается (Pres Progr) что-то не ест
 «Посмотри на свою дочь, она находится между жизнью и смертью, ничего не ест».
- (17) maiⁿ do vicāroⁿ ke bīc meⁿ jhūl rahā thā
 я два мнения между качался (Past Progr)
 «Я метался между двумя мнениями».

4. Глагол Dolnā («качаться»). Глагол Dolnā покрывает собой зону твердых субъектов, качающихся в горизонтальной плоскости (например, на поверхности воды).

- (18) nāv Dol rahī hai nadī ke kināre ke pās.
 лодка качается (Pres Progr) реки берега возле
 «Лодка покачивается возле берега».

Метафоры, образуемые глаголом Dolnā, связаны с перемещением человека в пространстве, все их можно отнести к группе «Колебание > повторяющееся движение», тип движения при этом можно назвать беспорядочным. Такие ситуации имеют оценочный компонент значения – они представляют колебательную ситуацию как неудобную, мешающую человеку. Человек, шатаясь без дела, не выполняет свою роль, не делает то, чего от него ожидают окружающие. Таким образом, в прямом значении глагол можно отнести к зоне нейтральной функциональности, однако, как видно из переносных значений, он приобретает резко негативную окраску и становится минус функциональным.

- (19) yah bālak dvar-dvar Doltā hai uske
 этот мальчик по дворам слоняется (Pres Ind) его
 māⁿ-bāp kuch nahīⁿ kar sakte haiⁿ
 мать-отец что-то не поделать могут
 «Этот мальчик слоняется от двора ко двору, его родители ничего не могут поделать».

- (20) vah hamešā Doltā hai binā koi dhyey ke
 он всегда слоняется (Pres Ind) без какой-то цели
 «Он всё время слоняется без какой-либо цели».

- (21) javān laRkī kā yoⁿ Dolnā Thīk nahīⁿ!
 молодой девушке так шататься (Inf) хорошо не
 «Молодой девушке не следует болтаться без дела!»

- (22) merī bīvī sāre dīn dukānoⁿ me idhar-udhar Doltī hai
 моя жена все дни магазинах в туда-сюда шатается (Pres Ind)
 «Моя жена каждый день слоняется по магазинам».

Глагол Dolnā образует еще одну группу метафор колебание > неустойчивое эмоциональное состояние.

- (23) Dolne kī kyā zarūrat hai? sab sāf hai!
 Штаться (Inf) какая нужда есть всё понятно есть
 «Разве есть нужда сомневаться? Всё и так ясно!»

Следующая группа метафор, образованная от глагола Dolnā, колебание > исчезновение, связана с идеей сильного колебания. Субъект отдаляется от центральной точки, что приводит к его исчезновению.

- (24) baiⁿk kī lāparvāhī se sāt lākh rupaye
 бана невнимательности из-за семь лакхов рупий
 Dol gaye
 качнулись (Comp Past)
 «Из-за невнимательности банка семьсот тысяч рупий пропали».
- (25) pahle maiⁿ tum se pyār kartī thī, abhī tumhārā
 раньше я тобой с любовь делала теперь твоё
 jādū Dol gayā
 волшебство качалось (Comp Past)
 «Раньше я любила тебя, теперь же твое волшебство развея-
 лось».

5. Глагол **kā^mpnā** («дрожать»). В своем прямом значении глагол **kā^mpnā** описывает ситуацию очень мелкой дрожи мягких или твердых субъектов. По шкале функциональности ситуации можно отнести как к минусу, так и к нейтральной функциональности.

- (26) vah buzurg ādmī hai, uske hāth-pānv kā^mpte
 он старый мужчина есть его руки-ноги дрожат (Pres)
 «Он старый человек, его руки-ноги трясутся»
- (27) goṣṇī kā^mp rahī hai –
 свет дрожит (Pres Progr)

В поле «дрожания» с помощью глагола **kā^mpnā** в хинди можно образовывать метафоры со значением колебание > неустойчивое эмоциональное состояние.

- (28) us kā man kā^mp rahā hai vah jantā nahīⁿ us ko
 его (Gen) ум дрожит (Pres Progr) он знает не ему
 kuā karnā cahiye
 что делать надо
 «Его ум находился в состоянии смятения, он не знает, что ему
 следует делать».
- (29) us kā kalejā kā^mp rahā hai jab se us kī premikā
 его (Gen) печень дрожит (Pres Progr) с тех пор как его (Gen) любимая
 ne use choRā hai
 его оставила
 «Его сердце (всё время) дрожит с тех самых пор, как его воз-
 любленная его бросила».

6. Глагол **thartharānā** («дрожать от страха»). Данный глагол представляет собой периферию зоны колебательного движения в хинди. В аргументной структуре этого глагола заложена роль

причины, но, в отличие от многих языков, эта роль не является факультативной (ср. с русским – «дрожать» vs «дрожать от страха»), она уже имплицитно присутствует в структуре предложения и не требует внешнего выражения.

- (30) lab thartharā rahe the par maiⁿ ne bāt kahā
губы дрожали (Past Progr) но я слово сказал
«Губы дрожали, но я всё же сказал свое слово».

Глагол thartharānā образует группу метафор со значением колебаться > дрожать от страха, сочетаясь с неодушевленными субъектами.

- (31) ab thartharā rahā hai Apple pratiyogitā ke kāraN
теперь дрожит (Pres Progr) Эппл конкуренция из-за
«Теперь компания Apple дрожит от страха перед конкуренцией».

7. Глагол Dagmagānā («пошатываться при ходьбе»). Еще один глагол, составляющий периферию поля колебания в хинди – глагол Dagmagānā («пошатываться при ходьбе».) Он относится к зоне колебания по причине потери функциональности, однако сочетается только с одушевленными существительными.

- (32) basse ne abhī calnā sīkhā hai- Dagmagākar caltā hai
ребенок уже идти научился пошатываясь идет
«Ребенок только что научился ходить, идет пошатываясь».

- (33) śarābī Dagmagāte hue mere pās āyā
алкоголик пошатываясь ко мне подошел
«Алкоголик, пошатываясь, подошел ко мне».

Исходя из прямых значений, можно образовать группу метафор со значением колебание > неустойчивость.

- (34) is cunāv ke bād sarkār Dagmagā jāegī
Этих выборов после правительство пошатнется (Comp Fut)
«После этих выборов правительство пошатнется».

- (35) jab dharm Dagmagā jāe to samajh jāo ki pāpkā
когда вера пошатнется (Conj) то поймешь что греха
kirāya kitnā hai
цена какая есть
«Когда твоя вера пошатнется, ты узнаешь, какова цена греха».

В целом можно сказать, что, в отличие от других индоевропейских языков⁷, глаголы качания хинди обладают более узкой семан-

⁷ См.: Рахилина Е.В., Прокофьева И.А. Указ. соч.; Дворникова Л.В. Изучение глаголов колебательного движения в современной лингвистике. URL: <http://nkras.ru/nt/2010/Dvornikova> (дата обращения: 29.12.2016).

тикой. Описание колебательных движений в лексико-семантической системе хинди более детально.

Несмотря на то что система глаголов колебания в хинди представлена большим количеством лексем, можно сказать, что ядром системы являются только два глагола: *hīlnā* («раскачиваться», «качаться», «шататься») и *jhūlnā* («качаться»). Глагол *hīlnā* может использоваться для описания практически любой ситуации качания любого типа предметов (твердых и мягких), закрепленных снизу, кроме того, он используется для описания ситуации потери функциональности субъекта. Глагол *jhūlnā* – особый, поскольку описывает ситуации маятникообразных субъектов, закрепленных сверху (маятники, качели, колыбель) с ярко выраженной плюс функциональностью. Остальные глаголы образуют явную периферию. Особый интерес представляет глагол *thartharānā* («дрожать, трястись от страха»), в котором имплицитно выражена причина колебания, не находящая отражение на уровне синтаксиса, а также глагол *Dagmagānā* («идти неверной походкой, дрожать, колебаться»), где субъект обязательно должен быть выражен одушевленным именем.

Разграничение зон колебания жестких и мягких субъектов не имеет для хинди особого значения, кроме того, зона колебания с точкой отсчета совершенно не находит отражения в системе глаголов колебания хинди.

Однако зона колебания по причине деформации является релевантной для хинди, в частности для двух доминантных глаголов (*hīlnā* и *jhūlnā*). Таким образом, мы видим, что в хинди нет сферы употребления единого доминантного глагола, связанной с деформацией. Также существует специальный глагол, сочетающийся только с одушевленными субъектами – *Dagmagānā* («идти неверной походкой, дрожать, колебаться»).

Что касается метафорических переносов, то наиболее часто глаголы колебания в хинди образуют метафоры со значением колебание > неустойчивое эмоциональное состояние, что, вероятно, обусловлено внутренней картиной мира носителей хинди.

Важную роль играет параметр плюс/минус функциональности, но только при метафоризации. Так, например, большинство ситуаций, описываемых глаголами колебания, имеют нейтральную оценку, однако часто при метафоризации нейтральная функциональность меняется на минус функциональность.

Список литературы

1. Велейшикова Т. В. Глаголы колебания: семантика и типология: (на материале германских и славянских языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 7 (97). С. 55–60.
2. Глаголы движения в воде: лексическая типология: Сборник статей / Под ред. Т.А. Майсак, Е.В. Рахилиной. М.: Индрик, 2007.
3. Дворникова Л.В. Изучение глаголов колебательного движения в современной лингвистике. URL: <http://nkras.ru/nt/2010/Dvornikova> (дата обращения: 29.12.2016).
4. Круглякова В.А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2007.
6. Липеровский В.П. Глагол в языке хинди. М.: Наука, 1984.
7. Рахилина Е.В., Прокофьева И.А. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой / Ред. В.Н. Топоров. М.: ЯСК, 2005. С. 304–314.
8. Шапиро М.М. Глаголы колебания в типологической перспективе (на примере языков хинди и томо-кан) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2015. С. 17–33.
9. Talmy L. *Semantics and Syntax of motion*. Academic Press, 1975. С. 181–238.

References

1. Velejshikova T.V. *Glagoly kolebanija: semantika i tipologija: (na materiale germanskih i slavjanskih jazykov)* // *Verbs of oscillation in german and slavic languages: semantics and typology*. Tomsk, 2010.
2. *Glagoly dvizhenija v vode: leksicheskaja tipologija* (Verbs of movement inwater: lexical typology). T.A. Majsak; E.V. Rahilina (red.). Moscow, 2007.
3. Dvornikova L.V. *Izuchenie glagolov kolebatel'nogo dvizhenija v sovremennoj lingvistike* (Study of oscillation verbs in modern linguistics). URL: <http://nkras.ru/nt/2010/Dvornikova> (Date: 29.12.2016)
4. Krugljakova V.A. *Semantika glagolov vrashhenija v tipologicheskoi perspektive* (Semantics of verbs of rotation in typological prospective). Moscow, 2010.
5. Kobozeva I.M. *Lingvisticheskaja semantika (Linguistic semantics)*. Moscow, 2007.
6. Liperovskij V.P. *Glagol v jazyke hindi (Verb in Hindi)*. Moscow, 1984.
7. Rakhilina E.V., Prokofyeva I.A. *Russkie i pol'skie glagoly kolebatel'nogo dvizhenija: semantika i tipologija* (Oscillation verbs in Russian and Polish: Semantics and typology) Moscow, 2005.
8. Shapiro M.M. *Glagoly kolebanija v tipologicheskoi perspektive (na primere jazykov khindi i tomo-kan)* (Verbs of oscillation in a typological perspective (on the example of Hindi and Tomo Kan languages) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13, Vostokovedenie*. 2015, pp. 17–33.
9. Talmy L. *Semantics and Syntax of motion*. Academic Press, 1975, pp. 181–238.

Сведения об авторе: Гудкова Екатерина Николаевна, аспирант кафедры индийской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: katjagudkova@gmail.com

About the author: Gudkova Ekaterina Nikolaevna, PhD student of the Department of Indian Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: katjagudkova@gmail.com

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О ДВУХ АФРИКАНИСТИЧЕСКИХ ЮБИЛЕЯХ

Практически в течение одной недели в Москве состоялись два юбилейных мероприятия, разные по своей направленности, возрасту и составу участников, но имеющие большое значение для отечественной африканистики.

29–30 ноября 2016 г. в Институте Африки РАН проходила XV конференция «Школа молодых африканистов». Доклады были представлены на пяти секциях: «Международные отношения, внешняя политика», «Исследования по африканской лингвистике и филологии», «Международное право», «Социальные и культурологические исследования», «Ресурсы и экономический потенциал Африки». Всего было сделано более 80 докладов. Участники Школы – это молодые исследователи, студенты, магистранты, аспиранты. При этом география африканистических исследований значительно расширяется год от года. Помимо студентов из традиционных вузов Москвы (МГУ, РУДН, МГИМО, НИУ ВШЭ, МПГУ, МГЛУ) и Петербурга (СПбГУ, МАЭ им. Петра Великого) в конференции также принимали участие представители таких вузов как Ярославский государственный университет, Нижегородский, Воронежский, Белгородский, Саратовский и Казанский университеты.

Многие доклады были выполнены на высоком научном уровне. Однако следует отметить, что большинство докладов имели социально-экономическую и политическую направленность, что объясняется отсутствием у докладчиков классического образования в области африканистики. На этом фоне особо отличались доклады студентов ИСАА МГУ и ряд докладов студентов Казанского федерального университета, которые в своих исследованиях опирались не только на общедоступные материалы, но и использовали свои знания изучаемых ими африканских языков. Подчеркнем, что значимость изучения языков в качестве гуманитарной компоненты является центральной в рамках предложенной государством концепции гуманитарного знания.

7 ноября 2016 г. Центр африканских исследований Института всеобщей истории РАН отмечал в форме заседания Круглого стола 45 лет с момента создания. Основной темой заседания было обсуждение вопросов развития отечественной африканистики. В обсуждениях принимали участие все сотрудники Центра, а также представители Института Африки РАН, сотрудники Института всеобщей истории РАН и др. Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова был представлен профессорами Н.В. Громовой, Э.С. Львовой и доцентом М.Р. Урб.

Заседание открыл руководитель Центра академик *А.Б. Давидсон*. Свое выступление он посвятил начальным этапам становления отечественной африканистики и ее современному состоянию, подчеркнув значение изучения африканской истории, которая во многом перекликается с историей нашей страны.

Президент Института всеобщей истории РАН академик *А.О. Чубарьян* сообщил о новой гуманитарной составляющей отечественной науки, гуманитарные науки отнесены к основным научным приоритетам. Он также отметил при этом важность изучения африканских языков для отечественной исторической науки об Африке.

Центр африканских исследований поистине уникален, работающие здесь сотрудники настоящие подвижники своего дела, прекрасно знающие историю Африки не только по материалам своих предшественников, но и по своим полевым исследованиям в разных странах Африки и по источникам на африканских языках. Результатами их успешной работы являются многочисленные труды по различным аспектам истории Африки, сборники документов и учебные пособия (по подсчетам профессора А.С. Балезина за эти годы Центром опубликовано почти 700 печатных листов), по которым обучаются несколько поколений африканистов. Доктор исторических наук *А.С. Балезин* подробно осветил научную работу Центра, продемонстрировав обширный набор изданий, подготовленных сотрудниками Центра как чисто научного содержания, так и учебного плана, в частности вышедшее ко дню юбилея учебное пособие по Новой и Новейшей истории Тропической и Южной Африки «Черная Африка. Прошлое и настоящее».

В своем выступлении член-корреспондент директор Института Африки РАН *И.О. Абрамова* подчеркнула необходимость более тес-

ной кооперации и сотрудничества всех африканистических центров страны и особенно московских африканистов.

Заведующая кафедрой африканистики ИСАА МГУ профессор *Н.В. Громова* отметила роль кафедры в подготовке специалистов-африканистов, которые в данном Центре составляют его «костяк» (из семи членов Центра пять – выпускники кафедры африканистики, и академик А.Б. Давидсон начинал свою преподавательскую деятельность именно на кафедре африканистики). Изучение африканских языков и практическое ими владение, глубокое понимание культуры и менталитета африканца – необходимый компонент подготовки специалиста, позволяющий выпускникам кафедры успешно трудиться и в научной, и в практических сферах, подтверждением чему являются труды и сами сотрудники Центра африканских исследований.

Остается только пожелать и молодым африканистам, и зрелым научным сотрудникам-африканистам здоровья, успехов и новых творческих свершений.

Н.В. Громова

Сведения об авторе: *Громова Нелли Владимировна*, докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой африканистики ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* gromova@iaas.msu.ru

About the author: *Gromova Nelli Vladimirovna*, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of African Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. *E-mail:* gromova@iaas.msu.ru

ДВЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ЯЗЫКУ ХИНДИ

Вторая половина 2016 г. была отмечена проведением сразу двух Международных конференций по хинди: одна из них проходила 14–16 сентября 2016 г. в Париже и проводилась Национальным Институтом Восточных Языков и Цивилизаций (INALCO); вторая, организованная кафедрой индийской филологии ИСАА МГУ и Посольством Республики Индия в РФ, – в Москве (в ИСАА МГУ) в период 26–27 октября 2016 г.

Парижская конференция работала в рамках трех секций: (а) проблемы преподавания языка хинди; (б) лингвистические исследования в области языка хинди; (в) вопросы изучения литературы на хинди. Наибольшее количество докладов было сделано на секции литературы (более 50), наименьшее (менее 30) – на секции преподавания; около 40 докладов было прочитано на секции лингвистики. На всех секциях максимальное число докладов было сделано представителями Индии. Кроме них, с докладами выступили ученые из практически всех стран Старого и Нового света: из России, США, Канады, Германии, Великобритании, Франции, Италии, Португалии, Бельгии, Венгрии, Хорватии, Румынии, Ирана, Таджикистана и др. К открытию конференции ее Оргкомитет снабдил участников изданным в виде отдельной брошюры сборником тезисов докладов ('Book of Abstracts'). Рабочими языками в публикациях сборника, как и на самой конференции, были *английский* и *хинди*. Работа всех секций конференции проводилась в соответствии с графиком, строго выполнялся регламент заседаний, не было никаких проблем с поселением и питанием участников. Некоторые из докладчиков, в частности, ряд ученых из России, по инициативе Оргкомитета, руководимого д-ром Гханшьямом Шармой, были полностью освобождены от платы за проживание в гостинице и за питание.

Конференция открылась кратким сообщением *д-ра Шармы*, ее главного организатора. Затем с приветствиями участникам выступили президент ИНАЛКО г-жа *Мануэль Франк*, посол Индии во Франции г-н *Мохан Кумар* и ответственные лица, представлявшие

правительство Индии. После небольшого перерыва в ходе пленарного заседания собравшиеся выслушали лекцию профессора *Ван Ольфена* (США) о растущем во всем мире интересе к хинди, его изучению, преподаванию и соответствующей научной проблематике. Затем с лекцией выступила профессор *Анни Манто*, одна из ведущих индологов Франции, с лекцией об истории хинди и его диалектов и об основных результатах научных исследований в этой области. После перерыва на обед начались секционные заседания.

Делегаты из России в основном принимали участие в секциях лингвистики и литературы. В рамках первой выступили: профессор Б.А. Захарьин (ИСАА МГУ), доценты Л.В. Хохлова (ИСАА МГУ) и Е.А. Костина (СПБГУ). Б.А. Захарьин сделал доклад о грамматических и лексических ограничениях, наложенных на атрибутивное функционирование перфективных причастий в хинди. Л.В. Хохлова посвятила свой доклад проблеме нарушений в языке поэзии хинди ряда синтаксических правил, считавшихся универсальными для системы. В докладе *Е.А. Костиной* рассматривались морфосинтаксические и семантические проблемы некоторых модальных конструкций в хинди. В рамках литературоведческой секции с докладами выступили доценты Г.В. Стрелкова (ИСАА МГУ) и А.В. Челнокова (СПБГУ). Доклад доцента *Г.В. Стрелковой* был сосредоточен на проблеме самореализации женщины как героини многих произведений современной литературы на хинди. Доцент *А.В. Челнокова* в своем докладе предложила панорамный анализ развития литературы на хинди от эпохи Бх. Харишчандры и до настоящего времени, продемонстрировав неизменно социальную (и в меньшей степени собственно эстетическую) общую ее направленность.

На заключительном пленарном заседании 16 сентября 2016 г. в ходе своих выступлений участники выразили полное удовлетворение ходом и результатами конференции, от души поблагодарили организаторов за отличную работу и высказали предложение в ближайшем будущем издать сборник материалов по итогам форума.

Тема Московской конференции была определена как «Развитие языка хинди в современную эпоху и его будущее», единственным рабочим языком конференции был объявлен *хинди*. В целом работа конференции была организована по сходному с парижским сценарию, но секционные заседания (всего их было четыре) проходили не

по отдельности, но в одной аудитории, в присутствии всех участников. Всего с докладами выступили 28 человек, из них 10 прибыли из стран зарубежья: пять докладов сделали коллеги из Индии, по одному докладу – представители Узбекистана, Азербайджана, Казахстана, Белоруссии и Болгарии. На долю России пришлось 18 докладчиков, из которых 10 – из *alma-mater*, т.е. из ИСАА МГУ; в том числе преподавателей кафедры индийской филологии ИСАА – 5, аспирантов той же кафедры – 1, студентов кафедры индийской филологии и кафедры истории Южной Азии – 5. Были также представлены: Санкт-Петербургский университет (четыре докладчика), средняя школа с преподаванием хинди в Санкт-Петербурге (два участника, выступившие с общим докладом) и РГГУ (один докладчик). Открытие конференции ознаменовалось зажиганием ритуальных светильников и исполнением приветственных песнопений хоровой группой из Культурного Центра при Посольстве Индии. Затем с обращениями к собравшимся выступили: первый секретарь Посольства Индии в РФ г-н Баласубраманиан, директор ИСАА МГУ профессор И.И. Абылгазиев и заведующий кафедрой индийской филологии ИСАА МГУ профессор Б.А. Захарьин. После кратковременной паузы начались тематические заседания, продолжавшиеся два дня и прерывавшиеся только обедами (в манере традиционной индийской кухни) и чаепитиями.

Первое из таких заседаний продолжалось с 11 до 15 часов (26 октября) и было посвящено проблемам перевода с языка хинди на русский и с русского на хинди. С докладами о трудностях перевода выступили: Л.П. Ярлагадда (Центральная Комиссия хинди, Индия); доцент И.А. Газиева (РГГУ); доцент Г.В. Стрелкова (ИСАА); научный сотрудник А.Г. Гурия (ИСАА); Й. Нагпал (московское общество «Хиндустани Самадж», Индия); преподаватели хинди из школы Санкт-Петербурга Ю. Бещук и И. Соколова; аспирант Восточного факультета СПбУ Д. Антоненко и студентка ИСАА К. Лесик.

В ходе продолжавшегося с 15 до 17 часов того же дня второго заседания рассматривались проблемы лингвистики хинди и грамматической традиции Индии. Доклады сделали: профессор О.Н. Коуль (Индия); профессор А. Чоудхри (Индия); профессор Б.А. Захарьин (ИСАА); д-р А. Елизарьев (Болгария); доцент Л.В. Хохлова (ИСАА); доцент А.В. Челнокова (СПБУ); студенты ИСАА мгу С. Гофман и А. Бабыкина.

Третье заседание (в первую половину дня 27 октября) было посвящено вопросам использования языка хинди в общественной практике. Докладчики – представители стран Ближнего и Дальнего Зарубежья, в частности, выступили: писательница *А.Ч. Мудгаль* (Индия); д-р *У. Мухимова* (Узбекистан); д-р *С. Мирзаева* (Азербайджан); д-р *А. Буланкова* (Белоруссия); д-р *Д. Кокеева* (Казахстан).

Четвертое заседание, проходившее во вторую половину того же дня, было отведено проблемам лексикологии и грамматики хинди. На нем выступили: ст. преподаватель *Е.В. Панина* (ИСАА); доцент *Е.А. Костина* (СПБУ); аспирант кафедры индийской филологии ИСАА МГУ *Е.А. Гудкова*; аспирант Восточного факультета СПБУ *К. Маретина*; студенты ИСАА МГУ *Ю. Счастливленко* и *Е. Шалупенко*.

На итоговой вечерней сессии 27 октября 2016 г. собравшиеся выразили удовлетворенность проделанной работой, отметили полезность и высокий уровень представленных докладов и предложили в ближайшем будущем опубликовать сборник материалов конференции.

Б.А. Захарьин

Сведения об авторе: *Захарьин Борис Алексеевич*, докт. филол. наук, зав. кафедрой индийской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ. E-mail: khokhl@iaas.msu.ru

About the author: *Zakharyin Boris Alekseevich*, PhD, Professor, Head of the Department of Indian Philology, Institute of the Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: khokhl@iaas.msu.ru

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение» в 2016 г.

	№	С.
ИНСТИТУТУ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ – 60 лет		
<i>Ацамба Ф.М.</i> Из истории нашего Института (1956–1973)	2	3
История		
<i>Абидулин А.М., Аюпова Н.И.</i> Анализ факторов возникновения имперской идеологии и практики султана Абдул-Хамида II	4	18
<i>Бреховских А.А.</i> Политический портрет Нури Саида: основные черты становления государственности в современном Ираке (1921–1932 гг.)	4	33
<i>Варьяш И.И.</i> Соединить невозможное? Нормы шариата в праве христиан	4	3
<i>Видясова М.Ф.</i> Исторические предпосылки современного ливийского кризиса	2	20
<i>Никольская К.Д.</i> «Скверные вещи» и руки брахмана	3	36
<i>Ковальчук М.В.</i> Социальное положение реайи в Османской империи XVI в.	3	46
<i>Козлова А.А.</i> Закат империи – упадок столицы. Об эмоционально-чувственном восприятии Дели европейскими путешественниками XIX в.	3	62
<i>Петров И.А.</i> Этнос и конфессия в политической жизни современного Хайдарабда	1	43
<i>Петров И.А.</i> Хайдарабда на стыке эпох: деколонизация Южной Азии и интеграция в Индийский Союз	4	50
<i>Саакян М.</i> Реформы Китая, направленные на улучшение своего миротворческого потенциала: возрастающая роль Китая в МО ООН (2000–2013)	1	56
<i>Сафронова А.Л.</i> Традиционные направления и новые тенденции в деятельности исторического отделения ИСАА МГУ	2	8
Экономика		
<i>Марьясис Д.А.</i> Экономическое развитие Палестины с конца XIX в. по 1948 г.	1	68
<i>Мельянцева В.А.</i> Противоречивые тренды в современной мировой экономике и развивающиеся страны. Часть 1	2	45
<i>Мельянцева В.А.</i> Противоречивые тренды в современной мировой экономике и развивающиеся страны. Часть 2	3	3
Филология		
<i>Ардашников А.Н., Рейснер М.Л.</i> Эволюция жанра <i>тазкере</i> в Иране XIII–XIX вв.: от антологии к справочнику	1	3

	№	С.
<i>Белюсов С.С.</i> О двух тенденциях в образовании условных конструкций в современном иврите	1	30
<i>Вихрова А.Ю.</i> Лаборатория экспериментальной фонетики ИСАА МГУ . . .	2	75
<i>Громова Н.В., Урб М.Р.</i> Деятельность православных миссионеров в Восточной Африке	1	19
<i>Гудкова Е.А.</i> Семантика глаголов колебательного движения на материале языка хинди	4	93
<i>Гулидова Д.Н.</i> Логические основы построения именных и глагольных парадигм в арабской языковедческой традиции (на материале трактата Ибн Йа'иша "ŠARḤ AL-MUFAŠŠAL")	3	75
<i>Дрейзис Ю.А.</i> Конвергенция вербального и визуального в современной китайской поэзии	2	84
<i>Зализняк А.А.</i> Конспект арабской грамматики	4	62
<i>Косогорова М.А.</i> Особенности перевода глагольных форм в текстах на языке фула	3	89
<i>Фролов Д.В.</i> Картина истории «науки о соответствиях» (‘ilm al-munāsabāt) в «Бурхан» Бадр ад-Дина аз-Заркаши (ум. 1392)	4	73
<i>Чу Цзы-Чен.</i> Об универсальности категорий фразеологии: основания выделения фразеологизмов в русском и китайском языках	3	101
<i>Шатохина В.С.</i> Семантическое пространство концепта «человек» как отражение системы ценностей в пословицах и поговорках языка суахили . .	4	83

Критика и библиография

<i>Мейер М.С.</i> Дьяков Н. Н., Жуков К.А. Россия и Ближний Восток (Турция и арабские страны) в Новое и Новейшее время. СПб., 2014	1	91
<i>Пак В.М.</i> Проблемы арабской фонологии и просодии. Klimiuk Maciej. Phonetics and Phonology of Damascus Arabic. Warsaw: Katedra Arabistyki i Islamistyki. Uniwersytet Warszawski, 2013	2	91
<i>Панченко К.А.</i> Моисеева С.А. Арабская мелькитская агиография IX–XI веков. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015 (Серия «Литературное наследие и история Христианского Востока»)	1	95

Научная жизнь

<i>Громова Н.В.</i> О двух африканистических юбилеях	4	104
<i>Захарьин Б.А.</i> Две Международные конференции по языку хинди	4	107
<i>Захарьин Б.А.</i> Международная конференция в Болгарии «В зеркале дхармы : культура Индии на протяжении столетий»	1	99

Памяти...

<i>Ирина Васильевна Боролина (1927–2015)</i>	1	103
<i>Ферида Мустафовна Ацамба (1922–2016)</i>	3	111